

В. М. Пасецкий

**Витус
БЕРИНГ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**РЕДКОЛЛЕТИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:**

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. А. Чеканов, А. П. Юшкевич,
А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский,*

В. М. Пасечный

**Витус
БЕРИНГ**

1681—1741

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

П 19 Пасецкий В. М. Витус Беринг (1681—1741).— М.: Наука, 1982.—176 с., ил.— (Серия «Научно-биографическая литература»).

Книга посвящена жизни и путешествиям знаменитого полярного исследователя, руководителя Великой Северной экспедиции Витуса Беринга. В ней рассказывается о его плаваниях в Арктике и в северной части Тихого океана, которые завершились открытием северо-западных берегов Америки. Читатель познакомится также с выдающимися сподвижниками Беринга, трудами которых было картировано почти все северное побережье России.

16.1

Ответственный редактор
академик

А. П. ОКЛАДНИКОВ

П $\frac{1601000000-081}{054(02)-82}$ 58—82 НП

© Издательство «Наука», 1982 г.

От редактора

В августе 1981 г. исполнилось 300 лет со дня рождения выдающегося мореплавателя и полярного исследователя Витуса Беринга. По его инициативе Россия в XVIII столетии предприняла одно из крупнейших научных предприятий — вторую Камчатскую экспедицию. В ней участвовало более тысячи человек — талантливые морские офицеры, молодые ученые Петербургской академии наук, студенты и геодезисты. Вторая Камчатская экспедиция как бы заново открыла Сибирь. Пройдя путями и тропами землепроходцев XVII в., она подтвердила существование морского прохода из Архангельска к берегам Камчатки.

На долю Беринга выпало не только решение одной из самых трудных задач — поиски северо-западных берегов Америки, островов и земель в северной части Тихого океана, но и общее руководство деятельностью экспедиции. Он держал ответ перед русским правительством за действия почти всех ее звеньев, в том числе и отрядов морских офицеров, исследовавших северные берега России.

Первая и вторая Камчатские экспедиции Беринга внесли огромный вклад в мировую науку, и прежде всего в историю, географию, картографию, этнографию, метеорологию, ботанику, зоологию, геологию. О том, ценой каких усилий и жертв было это сделано, рассказывается в предлагаемой читателю книге доктора исторических наук Василия Михайловича Пасецкого. Одну из своих работ о Беринге ученый опубликовал около четверти века назад. Время от времени автор рассматривал отдельные сюжеты деятельности второй Камчатской экспедиции, обращая внимание все на новые аспекты ее достижений. Сегодня перед нами книга, которую мы, сибиряки, ждали именно от этого ученого, обладающего щедрым талантом живописать историю. «Витус Беринг» — это историческое повествование о чудо-богатырях, прошедших через океаны льда, через заснеженные тундры, переплывших на утлых судах Тихий океан, изъездивших из края в край необъятную Сибирь от южных пределов до просторов Арктики, от Урала до Охотска и Камчатки. В центре исследования — Витус Беринг. Рас-

крывая шаг за шагом его деятельность, В. М. Пасецкий не только не умаляет достижений его сподвижников, но, напротив, с глубокой убедительностью показывает значение вклада каждого из них в решение многообразных задач второй Камчатской экспедиции: Степана Петровича Крашенинникова — автора известного «Описания земли Камчатки», Герарда Фридриха Миллера, создавшего необъятное, до сих пор еще полностью не изученное собрание сибирских исторических источников и фундаментальный труд «История Сибири», и, наконец, Иоганна Георга Гмелина — основателя первой в Сибири и самой большой в мире метеорологической сети, автора «Сибирской флоры».

Ряд этих славных имен можно продолжить. Незабываемы дела героев северных отрядов: Василия и Марии Прончищевых, Дмитрия Овцына, Дмитрия и Харитона Лаптевых, Семена Челюскина, Петра Ласиниуса, Федора Минина, Степана Малыгина и многих других — морских офицеров, штурманов, подштурманов, геодезистов, простых служителей и солдат, которые положили на карту берега Обского, Енисейского, Таймырского, Ленского, Колымского и Чукотского севера.

Исполнен драматизма строго документированный рассказ о плавании Беринга и его неизменного спутника Алексея Ильича Чирикова на восток от Камчатки, где были открыты северо-западные берега Америки, Алеутские и Командорские острова. Это великое предприятие стоило Берингу жизни. Почти все его сподвижники переболели цингой. Многие из них — Крашенинников, Гмелин, Чириков и др. — вернулись в Петербург, страдая тяжелыми недугами, приведшими к преждевременной кончине.

Новая книга В. М. Пасецкого, проникнутая глубоким эмоциональным волнением, — это еще один шаг к созданию фундаментальной истории открытия и исследования Арктики.

Академик

А. П. Окладников

Введение

Витус Беринг стоял во главе географического предприятия России, равного которому до середины XX в. не знал мир. Руководимая им вторая Камчатская экспедиция охватила своими исследованиями северное побережье Евразии, Сибирь, Камчатку, моря и земли северной части Тихого океана и, наконец, открыла неведомые северо-западные берега Америки.

Открытия и научные результаты второй Камчатской экспедиции занимают особое место как в истории наук о Земле, так и в отечественной исторической науке. По словам Нильса Адольфа Эрика Норденшельда, небывалые исследования северных и тихоокеанских отрядов второй Камчатской экспедиции составили целую эпоху в изучении земного шара. «Открытия в северной части Тихого океана, включая Японию, перечеркнули карты, составленные учеными, занимавшими видное положение в Петербургской академии наук. Это столь поразило кабинетных географов, что морякам было приказано предпринять новые изыскания, чтобы уничтожить возникшие сомнения»¹. Одновременно вторая Камчатская экспедиция расширила познания природы, климата, животного и растительного мира, истории, жизни и быта народов Сибири, Камчатки, Северо-Западной Америки, Алеутских, Курильских и Японских островов.

300-летие со дня рождения Беринга почти совпадает с 250-летием со дня снаряжения второй Камчатской экспедиции. Этим памятным датам и посвящается настоящее исследование.

Однако цель его состоит не только в том, чтобы познакомить читателя с результатами экспедиций, но и показать деятельность Беринга и его мужественных и отважных сподвижников на основе как опубликованных, так и не бывших в научном обороте источников. На протяжении XIX—XX вв. об экспедициях Беринга было

---

¹ Норденшельд А. Э. Плавание на «Вега». Л.; М.: Главсевморпуть, 1936, т. 2, с. 429—431.

издано множество документов². Но эти публикации не исчерпали и сотой доли тех богатейших собраний материалов, которые хранятся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном государственном архиве древних актов и других архивохранилищах нашей страны.

До последнего времени не был известен полный состав источников о первой и второй Камчатских экспедициях, обзор которых увидел свет только в 1965 г.³ Его автор, известный историк А. И. Андреев, особо рассмотрел труды и материалы Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, И. Э. Фишера и др.

Следует подчеркнуть, что деятельность экспедиций Беринга исследователи различных стран изучают на протяжении более двух веков. При этом в последние десятилетия ученые уделяют внимание не столько Берингу, сколько критике взглядов друг друга. Так, в течение многих лет ведутся споры об истинном содержании инструкции, данной Берингу Петром I за три недели до своей смерти. Безусловно, важно знать всю глубину замысла Петра I, отправившего Беринга выяснить вопрос, сошлась ли Азия с Америкой. Однако гораздо важнее осветить с возможной полнотой результаты камчатских экспедиций и их всемирно-историческое значение для России и мировой науки.

А в этом отношении предстоит сделать еще очень многое, так как важнейшие стороны деятельности Беринга и его сподвижников раскрыты недостаточно, а порой и вовсе не рассматривались. Не были отмечены такие выдающиеся достижения второй Камчатской экспедиции, как создание самой обширной в мире и первой в Сибири метеорологической сети из 24 станций, организация инструментальных метеорологических наблюдений, и преж-

² См.: Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941; Материалы для истории Академии наук: В 10-ти т. СПб., 1885—1900. Т. 1—10; Материалы для истории русского флота: В 11-ти т. СПб., 1867—1886. Т. 4—11; *Лебедев Д. М.* Плавание А. И. Чirikова на пакетботе «Св. Павел» к побережью Америки: С приложением судового журнала за 1741 г. М.: Географгиз, 1951; *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.: Главсевморпуть, 1940; Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск: Кн. изд-во, 1979.

³ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1965, вып. 2, с. 45—310.

де всего на судах, исследовавших северные моря России. Их измерения имели цену открытий, и сегодня они сохраняют непреходящее значение для воссоздания истории природы и климата северного полушария.

Более того, рассматривая деятельность второй Камчатской экспедиции, некоторые исследователи рисуют вояж ученых по Сибири как своего рода развлекательную прогулку. А ведь сибирское путешествие продолжалось целое десятилетие, и участники экспедиции оказались в необычайно тяжелых условиях, столкнулись с произволом местной администрации, потеряли здоровье. Из славных дел предприятия совсем исключают научные изыскания Миллера, Крашенинникова, Гмелина и др. Хотя этот академический отряд действовал в известной степени самостоятельно и поддерживал через сенат связь с Петербургской академией наук, его участники на протяжении многих лет находились в тесном контакте с Берингом. В свою очередь Беринг, Чириков и др. помогали ученым в их работе. Наконец, направленные Академией наук в экспедицию профессор Л. Д. Делаacroer и адъютант Г. В. Стеллер вошли в состав команд Беринга и Чирикова, открывших северо-западные берега Америки, а по рекомендациям академиков Миллера и Гмелина принимались решения по исследованию полярных морей и отдельных областей Сибири.

Установилась своего рода традиция подчеркивать, что северные отряды второй Камчатской экспедиции действовали независимо от Беринга. При этом упускается из виду, что плавания из Тобольска и Якутска к берегам Северного Ледовитого океана были организованы под непосредственным контролем руководителя экспедиции или его ближайших помощников. Об этом свидетельствуют переписка между Берингом и офицерами, возглавлявшими северные отряды, донесения капитан-командора в адмиралтейств-коллегию, его подробный отчет, в котором освещены действия всех отрядов экспедиции, в том числе и северных. Буквально до самого отправления в свое знаменитое и последнее плавание Беринг следил за состоянием исследований во всех звеньях второй Камчатской экспедиции.

Грандиозность ее открытий и научных результатов до сих пор кажется поразительной.

Разумеется, все это не мог совершить один Беринг. Уже во время первого путешествия по Сибири и плава-

ния из Камчатки через пролив в Чукотское море (первая Камчатская экспедиция) ему сопутствовали талантливые морские офицеры, лейтенанты русского флота Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, ставшие затем ближайшими помощниками Беринга.

Чириков днем раньше своего командора открыл северо-западные берега Америки⁴. На его долю выпало исполнение многих дел второй Камчатской экспедиции, которую он возглавил после трагической кончины Беринга на необитаемом острове Тихого океана.

Решение одной из важных задач — изыскание морского пути от Камчатки в Японию — выпало на долю Мартына Шпанберга, который предпринял серию плаваний к берегам Японии и Курил, Сахалина и в конце концов первым развеял миф о землях, которые, по мнению западноевропейских картографов и мореплавателей, находились в этой части Тихого океана.

Рядом с этими именами заслуженно стоят имена штурмана Свена Вакселя и мастера флота Софрона Хитрово. Они возглавили плавание судна «Св.Петр», выстроенного из остатков разбитого пакетбота Беринга, доставили науке самые волнующие и самые правдивые документальные исторические свидетельства о великом подвиге русских моряков, первыми не только открывших, но и посетивших северо-западные берега Америки.

Наряду с плаваниями Беринга и Чирикова к Америке, Шпанберга и его спутников к Японии особенно выделяются действия морских офицеров, которые исследовали почти все северное побережье России от Архангельска до Камчатки. Эта цепь драматических путешествий часто выделяется в особую Великую Северную экспедицию.

Полярные исследователи всех стран отдают дань восхищения Василию Прончищеву, который посвятил свою жизнь изучению берегов между Леной и северо-востоком Таймыра, братьям Харитону и Дмитрию Лаптевым, под руководством которых велись исследования на море и на суше от Енисея до Колымы и даже до Анадыря. Венцом исследований в том крае академик А. Ф. Миддендорф справедливо считал картирование самой северной части Азии штурманом Семеном Челюскиным. Столь же многотрудны были плавания и походы Дмитрия Овцына

---

⁴ Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М.: Географгиз, 1953, с. 1—278.

и Федора Минина, Степана Муравьева и Михаила Павлова, Степана Малыгина и Александра Скуратова, положивших на карту северное побережье России от Белого моря до Оби, Енисея и Пясины. Их трудами, по словам М. В. Ломоносова, было доказано, что северное побережье Азии омывает море и Атлантический океан имеет сообщение с Тихим⁵. Все сделанное северными отрядами поражает грандиозностью результатов и величиим подвига. «Съемка северного берега Сибири,— отмечал академик К. М. Бэр,— составляет уже одно из величайших, если не величайшее географическое предприятие»⁶.

Среди сподвижников Беринга не раз упоминались имена академиков Миллера и Гмелина, занимающих почетное место в истории русской и мировой науки. О последнем естествоиспытатель К. Линней писал, что он «один открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе»⁷. М. В. Ломоносов называл его человеком исключительной доброты. Миллер, по словам академика А. П. Окладникова, подарил миру «первую, многотомную, поистине громадную академическую „Историю Сибири“... и теперь поражающую массой фактов и вложенного в нее труда»⁸.

Миллер — не только участник второй Камчатской экспедиции, но и ее историограф. Ему принадлежат первые опубликованные труды об этом предприятии. Более того, он познакомил европейских ученых с русскими историческими источниками и внес важный вклад в собирание и публикацию актов, относящихся к истории государства Российского. Научные интересы Миллера не ограничивались только историей. В течение 10 лет, проведенных им в Сибири, он составил огромное количество географических описаний, карт, словарей, собрал множество этнографических материалов. Его деятельность нуждается в пристальном, монографическом исследовании.

Самым талантливым помощником Миллера и Гмелина был Степан Петрович Крашенинников. Он начал свою деятельность во второй Камчатской экспедиции 22-лет-

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 6, с. 4—51.

⁶ Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. РГО, 1864, т. 3/4, с. 11.

⁷ Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, т. 1, с. 456.

⁸ Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 13.

ним студентом, а вернулся в Петербург зрелым ученым. Он провел целую серию географических и метеорологических изысканий в Сибири и первым из натуралистов исследовал Камчатку. Четыре года Крашенинников странствовал по этому далекому краю, в одиночестве собирая материалы по его географии, этнографии, климату, истории. На основе их он создал «Описание земли Камчатки». Этот капитальный труд увидел свет после его смерти с предисловием академика Миллера, справедливо отмечавшего, что Крашенинников «принадлежал числу тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия»⁹.

Особое место среди ученых — соратников Беринга — принадлежит Георгу Вильгельму Стеллеру, который, по словам естествоиспытателя П. Палласа, отличался «величайшим рвением к науке». По предложению Беринга Стеллер вместе с ним совершил плавание на корабле «Св.Петр». Он первым из натуралистов высадился на открытых северо-западных берегах Америки и многих островах Алеутской гряды. Время зимовки на острове Беринга он посвятил наблюдениям над его растительным и животным миром. Вернувшись на Камчатку, Стеллер два года продолжал там изыскания, начатые Крашенинниковым. Он предпринял путешествия на Курильскую гряду, Карагинский остров и к устью реки Уды.

История второй Камчатской экспедиции — это история великого подвига. Его совершали сотни людей, от капитан-командора до матроса, от академика до студента, от штурмана до солдата, от горного мастера до геодезиста. Их трудами и лишениями, жертвами и терпением, любовью и преданностью к своей Отчизне решались крупные географические проблемы своего времени. Открытия Беринга и его сподвижников оценены учеными всего мира. Они вошли в историю России, Петербургской академии наук, русского флота.

---

⁹ Крашенинников С. Д. Описание земли Камчатки, М.; Л.: Главсевморпуть, 1949, с. 93.

Витус Беринг — руководитель первой Камчатской экспедиции

Витус Ионассен (Иван Иванович) Беринг родился 12 августа 1681 г. в Дании в городе Хорсенсе. О детстве Беринга сведений почти не сохранилось. Известно, что он юношей участвовал в плавании к берегам Ост-Индии, куда еще раньше отправился его брат Свен и остался там на много лет. Витус Беринг возвратился из своего первого путешествия в 1703 г. Корабль, на котором он плывал, прибыл в Амстердам. Здесь произошло знакомство Беринга с русским адмиралом Корнелием Ивановичем Крюсом. По поручению Петра I Крюс нанимал на службу в русский военно-морской флот опытных моряков. Эта встреча круто изменила судьбу Витуса Беринга.

Двадцатитрехлетний Беринг был назначен командиром небольшого судна, доставлявшего лес с берегов Невы к острову Котлину, где по приказу Петра I создавалась военно-морская крепость. В 1706 г. он был произведен в лейтенанты. На его долю выпадают ответственные поручения. Он плавает в Азовском море, совершает поход из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавского полуострова.

Проходит 20 лет. Беринг уже командует одним из самых больших кораблей Балтийского флота, имеет чин капитана, о нем знает Петр I. И вдруг счастье перестает ему улыбаться — его обходят чином. Беринг воспринимает это болезненно и подает прошение об отставке. Адмиралтейств-коллегия не препятствует его уходу с русской службы и постановляет: «Морского флота капитанов Виллима Гея, Матиса Фалькенберха и Витуса Беринга по прошениям их и учиненным экстрактам из службы его величества отпустить во отечество их и дать им от адмиралтейств-коллегии пашпорты и заслуженное жалование по день отпуска, а также и на прогоны в дорогу»¹.

¹ Берг В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 1728, 1729 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга, СПб., 1823, с. 11.

Из-за скудости материалов, относящихся к этому периоду жизни Беринга, многое неясно в истории с его отставкой и возвращением в русский военно-морской флот. Можно лишь предполагать, что либо адмирал Крюйс, либо адмирал Д. Н. Сенявин, которые тепло и сердечно относились к Берингу, приняли участие в его судьбе. Так или иначе Петр I приказал снова принять Беринга на службу.

В 1724 г. Россия приступила к осуществлению исключительных по своему размаху географических исследований. Петр I замыслил установить непосредственные морские отношения с Индией, создать обширную базу в устье Куры для торговли со странами Востока, послать экспедицию для исследования морского пути из Архангельска в Тихий океан и выяснения вопроса о том, существует ли в действительности пролив, разъединяющий Азию и Америку. Сохранился интересный рассказ «механика и токарного искусства учителя» А. К. Нартова, впоследствии опубликованный в «Записках Академии наук»:

«В начале января 1725 года, в самый тот месяц, когда судьбою всевышнего определен был конец жития Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества,— ибо он сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою... Я, будучи тогда беспреестанно при государе, видел сам своими глазами, как его величество спешил сочинять наставления такого важного предприятия, будто бы предвидя скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Приванному к себе генерал-адмиралу, вручив наставление, говорил следующее: „Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию“. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем слышал я от ученых людей, что обретение возможно. Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути

счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских»².

Рассказ Нартова ценен тем, что он дает представление о замысле Петра I. Следовательно, проект отыскания морского пути из Архангельска в Тихий океан зародился у императора давно, и лишь в самом конце своей жизни он принял решение об отправке экспедиции на Камчатку. 23 декабря 1724 г. он дал указание адмиралтейств-коллегии разыскать тех геодезистов, которые возвратились из предыдущих экспедиций в Сибирь, и под начальством достойного морского офицера отправить на Камчатку. В экспедицию, по мысли Петра I, следовало также отрядить корабельных мастеров, плотников и матросов, которые могли бы построить палубный бот. Особенно важным царь считал участие в экспедиции «штурмана или подштурмана, которые бывали в Нордной Америке»³.

Адмиралтейств-коллегия предложила во главе экспедиции поставить капитана Беринга, поскольку он «в Ост-Индии был и обхождение знает». Петр I согласился с кандидатурой Беринга. 6 января 1725 г., за несколько недель до своей смерти, он написал инструкцию для первой Камчатской экспедиции. Секретарь сената Иван Кириллович Кирилов составил карту Сибири и Камчатки, в которой использовал съемки геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина. Берингу предписывалось на Камчатке или в другом подходящем месте построить два палубных корабля. Суда следовало послать к берегам «земли, которая идет на норд» и которая, возможно, «понеже оной конца не знают», является «частью Америки». Затем мореплавателям надлежало доехать до какого-нибудь «города европейских владений». Если путешественники во время плавания встретят корабль европейский, то должны будут проведать от него, как этот берег называется, побывать на нем, положить на карту и, собрав наиболее важные сведения о посещенных местах («подлинную ведомость»), возвращаться в Петербург⁴.

² Майков А. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом.— Зап. Акад. наук, 1891, т. 1, приложение 6, с. 111.

³ Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Л.: Гидрометеониздат, 1976, с. 15.

⁴ Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941, с. 59.

Составляя инструкцию, Петр I, вероятно, дал адмиралтейств-коллегии дополнительные разъяснения о задачах экспедиции, которые на протяжении многих лет различными авторами трактуются по-разному. Судя по отчетам экспедиции и документам государственных учреждений, цель задуманного предприятия состояла в том, чтобы обследовать простирание на север восточных берегов Азии и выяснить, не соединяются ли они с берегами Америки, так как в это время некоторые из географов считали, что оба континента соединены перешейком. Впоследствии в краткой справке, составленной в начале 40-х годов XVIII в., отмечалось, что важность первой Камчатской экспедиции «по силе инструкции Петра I состояла только в том, чтоб осмотреть от земли Камчатской лежащий берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется Чукченский Нос, не имеет ли тот берег коммуникации с Америкой западного ее берега»⁵.

Таким образом, не подлежит сомнению, что главной задачей первой Камчатской экспедиции Беринга были осмотр восточных берегов России на север от Камчатки и выяснение вопроса, соединяются ли берега Азии с Америкой. В том случае, если путешественникам посчастливится открыть на севере берег Америки, они должны будут следовать вдоль земли, по возможности до европейских владений. Так понимали инструкцию Петра I, сформулировавшего ее задачи в очень осторожной (отнюдь не повелительной) форме, и сам Беринг, и его помощник Чириков, которые считали, что «когда самые американские берега получат, то дойти по силе инструкции... императора Петра Великого до испанского владения Мексиканской провинции»⁶.

Спустя месяц после приказа Петра I из Петербурга выехали в Сибирь лейтенант Алексей Чириков и гардемарин Петр Чаплин. В составе их отряда находились геодезисты, штурманы, корабельных дел мастера. Вскоре столицу покинули Беринг, Мартын Шпанберг и пятеро служителей. Каждый из участников экспедиции (всего 34 человека) перед отъездом дал присягу ревностно служить России и оберегать ее интересы.

---

⁵ Там же, с. 368.

⁶ Там же, с. 206.

В Вологде Беринг встретился с отрядом Чирикова. Дальше их путь лежал в Великий Устюг, Верхотурье, Тобольск, через всю Сибирь к берегам Охотского моря, откуда должны были предпринять плавание к северу. Много недель и месяцев длился этот трудный поход.

Прошел год, а Беринг, Чириков и их спутники добрались только до Илимска, где и остановились на зимовку. Летом достигли Якутска. Беринг приступил к сбору сведений о тех местах, которые предстояло исследовать. Потребовалась помощь знающих людей. Так, из Нижнекамчатска Беринг пригласил Игнатия Козыревского, который побывал на Курильских островах и доставил интересные сведения о всей гряде, расположенной по дуге на сотни верст.

От сибирских старожилов Беринг услышал, что лет 60—70 назад русские люди неоднократно ходили морем из Колымы в Анадырь и еще в середине прошлого столетия открыли пролив, отделяющий Азию от Америки. Беринг и не подозревал, что в Якутске, где он хлопотал о дальнейших делах экспедиции, хранились исторические документы о плавании Федота Алексеева и Семена Дежнева со своими товарищами проливом между Азией и Америкой в 1648 г.

А между тем русские люди вышли на Север в далекие времена. Историками установлено, что выходцы из древнего Новгорода осели на берегах Белого моря и проникли на северо-восток до Уральских гор не позже XI в. В XIII в. они владели почти всем Мурманом и возможно посещали арктические архипелаги. В 1364 г. новгородцы по Оби достигли моря. Русские суда появились в Северном Ледовитом океане, совершая плавания не только к кольским, но и к западносибирским берегам. В первой половине XV в. русские открыли Новую Землю, хотя не исключено, что ее южный остров посещали и в XI в., как свидетельствуют о том новгородские летописи. К тому же времени относится и освоение поморами далекого Груманта.

В XV в. русские освоили морской путь до устья Оби и вскоре сообщили европейцам о вероятном существовании Северного морского пути из Атлантики в Тихий океан. Впервые эту мысль высказал русский посол в Риме Дмитрий Герасимов. В беседе с итальянским ученым Паоло Джовио он рассказал, что русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань

московскому царю. На восток от этого края море имеет столь огромное протяжение, что, вероятно, по нему можно добраться на кораблях до Тихого океана, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли. В подтверждение своих доводов Герасимов показал карту полярных стран. Об этом стало известно из «Книги о посольстве Василия к Клименту VII», вышедшей в 1525 г. Сообщение русского посла и явилось толчком к снаряжению в западноевропейских странах многих экспедиций для отыскания Северного морского пути, или так называемого Северо-Восточного прохода.

Первыми направились на восток англичане. В мае 1553 г. три корабля, покинув Англию, взяли курс на север. Два из них достигли берегов Новой Земли и затем зимовали у берегов Мурмана. Но весной следующего года моряков нашли мертвыми. Русские поморы, оказавшиеся свидетелями полярной трагедии, вместе с товарами обнаружили дневник командира экспедиции Хьюга Виллоуби. Находки были переданы английскому купцу Джорджу Киллингворту. Третье судно экспедиции под начальством опытного моряка Ричарда Чанслера проникло в Северную Двину и было тепло встречено в Холмогорах русскими. Киллингворта и Чанслера вызвали в Москву к Ивану Грозному. Так завязались торговые и дипломатические отношения между Англией и Московским государством, отрезанным в то время от исконно русских земель, выходивших к Балтийскому морю. Открытие морской дороги в «Московию» послужило импульсом к новым путешествиям.

Европейские государства продолжали настойчивый поиск Северо-Восточного прохода. Вскоре Англия снарядила новую экспедицию. Ею командовал Стифан Барро. В Кольском заливе он встретил флотилию из 28 русских судов, которые направлялись в район реки Печоры на промысел моржей и семги. От поморов Барро узнал, что им известен путь до реки Оби. Хозяин одного из судов Гавриил вызвался сопровождать англичан, судно которых имело меньший ход, чем русские ладьи. Барро удалось достичь юго-западных берегов Новой Земли и высадиться на остров Вайгач, где он посетил место ненецких жертвоприношений. Особенно англичан поразило то, что русские мудро предвидели погоду. Поморы изъявили готовность проводить заморских гостей до Оби, но густой туман, дождь и град заставили Барро отказаться от по-

пытки проникнуть в глубь Карского моря, которое к тому же было заполнено льдами. Перезимовав в Холмогорах, экспедиция возвратилась в Англию. Но и вторая неудача проникнуть морем к востоку от Новой Земли не остановила англичан.

В 1580 г. при поддержке знаменитого географа Герарда Меркатора была снаряжена новая экспедиция для отыскания Северо-Восточного прохода. Эту экспедицию возглавляли опытные моряки Артур Пит и Чарлз Джекмен. Им удалось проникнуть через Югорский Шар в Карское море. Однако здесь путь морякам преградили сплошные льды, и они возвратились, не выполнив стоявшей перед ними задачи. От русских мореходов англичане узнали, что, плавая к устью Оби, они пользуются не только Карскими Воротами и Югорским Шаром, но и проливом Маточкин Шар, разделяющим Новую Землю на два острова.

За попытками англичан внимательно следили Нидерланды. Ведя торговлю с Россией, голландские купцы лично или через своих служащих тщательно собирали сведения о плаваниях русских промышленников по Карскому морю к устью Оби и другим рекам в ту часть Сибири, которую европейцы именовали Татарией. В 1593 г. купец Балтазар Мюшерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил нидерландскому правительству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути в царство Китайское, проходящего от Норвегии, Московии и Татарии». Проект был утвержден.

Первоначально в состав экспедиции входили два корабля: «Меркурий» под начальством Бранта Тетгалеса и «Лебедь» под командованием Корнелия Ная. Позже были снаряжены еще два судна, которыми командовал Виллем Баренц, интересовавшийся вопросом открытия Северо-Восточного прохода. Он предпринял три плавания для его поисков. Но всякий раз льды Карского моря останавливали его суда. Наконец, в 1596 г. ему удалось обогнуть с севера Новую Землю. Льды вынудили зазимовать Баренца на северо-восточных берегах этого острова, где было построено зимовье. В навигацию следующего года голландцы бросили свое судно и отправились в обратный путь на шлюпках. Во время этого похода Баренц умер от цинги, а его спутники встретились с русскими поморами и, получив от них запасы провизии, благополучно добра-

лись сначала до берегов Мурмана, а затем и до Голландии.

Итогом плавания голландцев явилась карта полярных стран Виллема Баренца. На ней впервые показаны очертания западного и северного берегов Новой Земли с многочисленными русскими названиями бухт, заливов, проливов и небольших островов.

Между тем Россия открывала новую эру в истории географических открытий. Вслед за казаками Ермака в Сибирь устремились русские землепроходцы, в основном жители разгромленной и разграбленной обширнейшей и могущественной Новгородской земли. Они основали Обский городок, Сургут, Тюмень, Тобольск, Тару, Березов, Обдорск, Мангазею на речных путях, которые были знакомы новгородцам с середины XIV в.

XVII столетие ознаменовалось великими географическими открытиями россиян. В смутное время мореход Лука, выйдя из Оби в Северный Ледовитый океан, достиг сначала устья Енисея, а затем Пясины. В 1610 г. в тех же местах побывал торговый человек Кондратий Курочкин, прежде живший на Северной Двине. Пять недель льды удерживали его в устье Енисея. В начале августа он вышел в океан и достиг реки Пясины. Вслед за Курочкиным неизвестные мореходы прошли по рекам к северному и восточному берегам Таймыра. Благодаря тщательным археологическим раскопкам, проведенным экспедицией А. П. Окладникова, было установлено, что в 1615—1616 гг. русские мореходы обогнули Таймырский полуостров.

В 1623 г. русские достигли среднего течения Лены. Известия об этих открытиях предстояло еще собрать участникам второй Камчатской экспедиции Беринга. Спустя 10 лет Иван Ребров открыл устье реки Оленек, а Илья Перфирьев устье Яны (они вместе первыми спустились из Якутска вниз по Лене до ее устья). Вскоре в тех же местах побывал Елисей Буза. Затем были открыты устья Анабары и Хатанги.

В 1641—1642 гг. Иван Ерастов, совершив плавание по Восточно-Сибирскому морю, открыл устья Индигирки и Алазеи. Вслед за ним по Индигирке спустился Михаил Стадухин и достиг морем устья Колымы. Это было в 1644 г. Во время плавания он встречал «и горы снежные, и ручьи знатные, и пади». Стадухин полагал, что это был тот самый великий остров, который видели морехо-

ды, плававшие «от Святого Носу к Яне реке, и от Яны к Собачьей, Индигирке тоже, и от Индигирки к Колыме».

Судя по дошедшим до нашего времени источникам, собранным главным образом участниками второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, мореходы принимали видимые горы за один исполинский остров, протянувшийся через Студеное море. Эти попутные наблюдения подтверждались рассказами местных жителей. Один из них был передан в отписке Михаила Стадухина. Ясырка Калиба рассказал о том, что к северу от Колымы имеется большой остров, на который чукчи, когда замерзнет море, добираются на оленях в течение одного дня. Михаил Стадухин построил Нижнеколымский острог. Спустя три года отсюда вышла экспедиция Федота Алексеева и Семена Дежнева. Но первая попытка пройти к востоку от Колымы закончилась неудачей. Их кочи были остановлены льдами. Во второй половине июня 1648 г. Федот Алексеев и Семен Дежнев на семи кочах снова вышли на восток. В сентябре они находились в проливе между Азией и Америкой, который спустя 80 лет предстоит заново открыть Берингу. Путешественники высадились на берег, где встретили «много добре» чукчей. Во время бури 1 октября суда Федота Алексеева и Семена Дежнева разлучились. Коч Семена Дежнева выбросило около реки Анадырь, а коч Федота Алексеева, судя по сведениям, собранным сподвижниками Беринга, был прибит к берегам Камчатки, где разбился. Однако информация об этом плавании оказалась достоянием якутского архива, откуда лишь почти через 80 лет была извлечена учеными, сопровождавшими Беринга во время его второй экспедиции.

Вместе с тем предания об исполинской суше, якобы лежавшей к северу от Сибири, упорно держались до начала XX в. Эту землю, порой отождествлявшуюся с континентом, пытались искать в начале XVIII в. (Именно ее впоследствии будет поручено отыскать второй Камчатской экспедиции.)

В XVII в. русские знали о другой большой земле, расположенной к востоку от Чукотки. Дело в том, что к концу первой четверти XVIII в. не имелось достоверных сведений о тихоокеанском побережье Северной Америки севернее 44-й параллели. Карты второй половины XVI — первой трети XVIII в. донесли до наших дней фантастические очертания американских берегов. Шли

горячие споры о том, разделены ли Азия и Америка водами океана или между двумя континентами сухопутная связь. Многие ученые считали, что Америка приближается к Азии где-то к северу от Японии. О Камчатке в те времена знали только русские, которые после плавания Попова и Дежнева предприняли в тот край ряд походов. Изображение этой земли впервые появилось на «печатном чертеже Сибири» 1667 г. Спустя 30 лет приказчик Владимир Атласов заложил Верхнекамчатск. Он же доставил в Москву сведения о земле, лежавшей между рекой Кольмой и Америкой.

На европейских картах, составленных на рубеже XVII—XVIII вв., еще не отражены земли, которые в действительности существовали. Зато не было недостатка в гипотетических землях. Так, голландский мореплаватель де Фрис, плававший в 1643 г. в районе Курильских островов, нанес между Японией и Камчаткой земли Кампаний, Штатов, Иезо (Иессо). Каждая из них имела весьма большие размеры. Еще более грандиозно изображалась земля Хуана де Гама, названная по имени испанского мореплавателя, якобы открывшего ее в 1649 г. в северной части Тихого океана. Все эти мифические земли впоследствии были помещены на карте профессором Петербургской академии наук Жозефом Николая Делилем. К сожалению, именно этой картой Беринг и его сподвижники должны были руководствоваться во время плаваний к Японии и Северо-Западной Америке.

Но возвратимся к географическим открытиям русских землепроходцев, на долю которых, по словам английского историка Д. Бейкера, «достался такой подвиг, который навсегда останется памятником мужества и предприимчивости и равного которому не совершил никакой другой европейский народ»⁷.

Напомним, что за несколько лет до плавания Федота Алексеева и Семена Дежнева к водам Тихого океана по сухопутью двинулся отряд казаков во главе с Иваном Москвитиним, который спустился по рекам Алдану, Мае и Улье на восток и основал в 1639 г. зимовье на берегу Охотского моря. Спустя четыре года В. Д. Поярков с отрядом казаков достиг Амура и отправился в плавание

---

⁷ Бейкер Д. Географические открытия и исследования. М.: Географгиз, 1950, с. 66.

вниз по реке. Ему удалось выйти в море. Из устья Амура он берегом прошел до устья реки Ульи и затем возвратился в Якутск, привезя ценные сведения как об Амурском крае, так и о Сахалине.

Исследования и открытия на северо-востоке России и Дальнем Востоке продолжались и в начале XVIII в., когда силы Русского государства были в основном сосредоточены на войнах за возвращение русских земель по берегам Балтийского моря. Правда, экспедиции в основном посылались местными властями. Так, М. Вагин в 1711 г. был послан искать земли к северу от Святого Носа и посетил остров, который впоследствии был назван Большим Ляховским. В 1711 и 1713 гг. состоялись плавания казака И. П. Козыревского к Камчатке и Курильским островам. Он составил чертеж «Камчадальского Носа и морских островов». Весьма символично, что карта была передана Берингу самим мореходом во время их встречи в Якутске в 1726 г. В 1715 г. было положено начало морскому сообщению между Охотском и Камчаткой. Вскоре были исследованы Шантарские острова, а 2 января 1719 г. по указу Петра I на берега Тихого океана были посланы навигаторы И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Царь поручил им ехать до Камчатки и тщательно исследовать «тамошние места, дабы выяснить вопрос о том, сошлася ли Азия с Америкой». Для решения этой задачи геодезисты должны были предпринять плавание не только на юг и север, но и на восток и запад. Экспедиция Евреинова—Лужина доставила науке более верные, чем прежние, очертания Камчатки и цепи Курильских островов, но не дала ответа на вопрос о разделении Азии и Америки проливом. В том же году Петр I заключил договор с Даниилом Мессершмидтом, поручив ему собрать сведения по географии и естественной истории Сибири, а также описать памятники древности, верования, способы врачевания сибирских народов. За пять лет Мессершмидт проделал путь от Петербурга до степей Монголии и собрал богатейшие коллекции. Мессершмидт вернулся в столицу в то время, когда Беринг уже находился в пути на Камчатку. Именно второй Камчатской экспедиции предстояло продолжить начатые Мессершмидтом поиски. Забегая вперед, следует сказать, что коллекции Мессершмидта были высоко оценены учеными, которые сопровождали Беринга в его втором странствии.

Петр I не был удовлетворен результатами экспедиции Евреинова—Лужина, так как она не внесла ясности в волновавший его вопрос, соединяется ли Азия с Америкой или они разделены проливом. Несмотря на болезнь и занятость важными государственными делами он просил информировать его о подборе людей в Камчатскую экспедицию. Так, он согласился с предложением адмиралтейств-коллегии поставить во главе важного научного предприятия Витуса Беринга.

В конце 1726 г. экспедиция достигла Охотска и немедленно приступила к постройке судна. Необходимые материалы доставлялись в течение всей зимы. Чтобы перевезти тысячи пудов грузов, требовались сотни лошадей и собачьих упряжек, но корма для лошадей не было, а солдатам не хватало продовольствия. Порой приходилось бросать снаряжение в дороге, а затем снова брать лошадей в ближайших окрестностях.

«Материалов ничего не привезли,— докладывал Беринг в адмиралтейств-коллегию о прибытии в Охотск отряда лейтенанта Шпанберга,— понеже идучи путем оголодала вся команда и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сырмятные и всякие сырые кожи, платья и обувь кожаные, а материалы оставил все на дороге в 4 местах понеже по оному пути вблизи жителей никаких не имеется»⁸.

Экспедиция Беринга стоила немалых жертв. Отряду лейтенанта Мартына Шпанберга пришлось тащить на себе часть тяжелой клади. Другую часть везли на собаках, которые страдали от бескормицы. Вскоре из-за оскудения провианта потеряли 40 упряжек. Заболевших в пути служилых людей пришлось отпустить. Вскоре начался повальный голод. Шпанберг запасы собственной провизии — мясо, муку, крупу — разделил между своими людьми и вместе с ними терпел крайнюю нужду. Наступил такой день, когда люди уже не имели сил двинуться вперед. Тогда Шпанберг решил один идти в Охотск, чтобы призвать своих товарищей на помощь. Через день он встретился со спасательной партией, которую Беринг выслал навстречу отряду Шпанберга. На нескольких десятках нарт было доставлено продовольствие, и терпящие бедствие путешественники были спасены.

⁸ Вахтин В. В. Русские гуженики моря: Первая морская экспедиция для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890, с. 90.

Более успешно действовал отряд лейтенанта Алексея Ильича Чирикова, которому первая Камчатская экспедиция обязана своими успехами в той же степени, что и Берингу. Талантливый, решительный, обладающий большим кругозором, он уверенно и отлично выполнял все поручения Беринга, доставив в Охотск без задержки и потерь несколько тысяч пудов муки и различного продовольствия.

Летом 1727 г. в Охотске была закончена постройка судна «Фортуна». Кроме того, нагрузили вернувшийся с Камчатки бот. 22 августа суда покинули Охотск. Время было позднее, и Беринг, опасаясь жестоких штормов, решил идти к Большерецку на западном берегу Камчатки. Такой план создавал новые трудности, так как предстояло со всеми грузами пересечь Камчатку по сухопутью. Но зато суда не подвергались риску.

28 августа путешественники увидели берега Камчатки. Спустя шесть дней, когда приблизились к реке Большой, в судне «Фортуна» открылась сильная течь. Пришлось зайти в устье реки и приступить к разгрузке судов.

«По прибытии к Большерецкому устью,— писал Беринг,— материалы и провиант переправили до Большерецкого острога водою в малых лодках. При оном остроге русского жилья 14 дворов. И отправил вверх рекою Быстрою в малых лодках тяжелые материалы и некоторую часть провианта, которые доведены были водою до Верхнего Камчадалского острога за 120 верст. И тою же зимою из Большерецкого острога до Верхнего и Нижнего Камчадалских острогов переправили совсем по тамошнему обычаю на собаках. А каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже великие живут метелицы, которые по тамошнему называются пурги. И ежели застанет метелица на чистом месте, а стана себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают»⁹.

Капитан-командору и его спутникам пришлось проделать более 800 верст на собачьих упряжках, прежде чем они достигли Нижнекамчатска. Там был построен бот «Св.Гавриил». Поставили все паруса, ветер наполнил их, и 13 июля 1728 г. экспедиция вышла в море. Перед ее руководителем стояла задача решить важнейшую геогра-

⁹ Экспедиция Беринга, с. 63.

фическую загадку, занимавшую умы отечественных и зарубежных географов. Необщительный от природы Беринг теперь стал еще более сосредоточенным и молчаливым. Прошло три с половиной года, как он покинул Петербург. Это были годы непрестанных трудов и лишений, но он не жалел, что променял службу строевого офицера на беснокойную жизнь исследователя. Беринга влекли необозримые океанские просторы. В этих краях для его пытливой души было все ново, неизведанно, загадочно. О своих впечатлениях о первой Камчатской экспедиции через некоторое время Беринг рассказал в письме к своим родственникам в Дании: «Желание моей молодости — попутешествовать — исполнилось. Я совершал рекогносцировки по морю, попадая иногда к язычникам, которые никогда раньше не видели ни одного европейца, а также места, где не произрастал хлеб и не было никакого скота, кроме диких птиц и северных оленей... достаточно ручных, чтобы на них ездить верхом вместо лошадей. Зимой здесь ездят на собаках, запрягая их в сани, как в других местах лошадей. Рыба является здесь основной пищей как для собак, так и для людей»¹⁰. О научных наблюдениях мы читаем в рапортах и донесениях адмиралтейств-коллегии, в деловых записках и судовых журналах.

15 июля путешественники миновали мыс Камчатский и легли курсом на север, как предписывалось инструкцией Петра I. Ветер свежел, поднимая большую волну. Все чаще зеленовато-серые водяные валы налетали на корму, обдавая брызгами палубу. Наконец-то закончилось многотрудное странствование по Сибири и Камчатке. И дежурные и свободные от вахты всматривались в горизонт, надеясь усмотреть землю или остров, на который не ступала нога путешественника. Но тщетно. Лишь слева, в отдалении возвышались горы знакомого берега Азии да в море вдруг взлетали фонтаны, выпускаемые китами. Встречались стада моржей и стаи птиц, стремительно пронесившихся над судном.

Ночью 17 июля миновали южную оконечность Карагинского острова. Спустя четыре дня «Св.Гавриил» находился в водах Олюторского залива. 27 июля обозрели мыс, который впоследствии Ф. П. Литке назвал «мыс

¹⁰ Белов М. И. Дания и Витус Беринг. — В кн.: Географические открытия XV—XX веков. М.; Л.: Наука, 1965, с. 49.

Наварин». Цвет воды вскоре изменился, горы вдруг расступились — оказалось, в этом месте в море впадает большая река.

Все время шли дожди. Встречные ветры снижали скорость корабля, а волнение причиняло много неприятностей. 30 июля путешественники вступили в Анадырский лиман, на следующий день открыли залив Креста. Плавание на север продолжалось. По-прежнему держались «великие ветры», дожди и туманы. Слева, как и прежде, высились горы. Лишь 6 августа они расступились. Путешественники открыли бухту Преображения, набрали свежей воды. Вскоре экспедиция продолжала путь на север.

8 августа мореплаватели впервые увидели чукчей. Они рассказали «что земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на море, в которое впадала река Колыма, всегда носит льды, о чем и от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского народа, не имеется, только-де слышали от проводников, которые ходят на реку Колыму, что там живут русские люди... На море знаем-де один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем»¹¹.

Во-первых, чукчи заявили, что никакие суда прежде в этих местах не бывали. Во-вторых, их представления о Колыме были самые смутные. Они слыхали, что там «живут русские люди, а оная река Колыма ли или другая», об этом они точно не ведают. Из ответов чукчей стало ясно, что на Чукотской земле лес не растет. По их земле протекают лишь малые реки. На вопрос — «куда ваша земля пошла и далеко ли?» — чукчи отвечали: «А земля наша почти отсюда поворотилась налево и пошла далеко, а живут по ней все наши чукчи».

Очень интересовало мореплавателей существование носа, уходящего далеко в море. «Нос никакой в море от нашей земли не протянулся, вся наша земля ровная», — сообщили чукчи. И, наконец, местные жители рассказали об острове, на котором живут люди и который, если бы не держался туман, путешественники могли увидеть собственными глазами¹².

¹¹ Полонский А. Первая Камчатская экспедиция 1725—1729 годов. — Зап. Гидрогр. деп-та, 1850, ч. 8, с. 111.

¹² Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 33.

Совсем недавно был обнаружен журнал Алексея Чирикова, в котором более обстоятельно рассказано о встрече с чукчами. Жители Чукотки, плывшие на лодке, не осмелились сначала приблизиться к кораблю, а послали «на пузыре, сделанном из нерпичьей кожи», одного из своих товарищей. От него путешественники узнали, что они уже прошли реку Анадырь, которая осталась далеко на западе. Беринга и его спутников очень интересовал вопрос о том, имеются ли к востоку от Чукотки какие-либо острова. Чукча не хотел было отвечать на этот вопрос, «а потом сказал, что есть остров, который в красный день, отошед до недалече от сюда к востоку, с земли видать».

К сожалению, переводчики, знавшие лишь коряцкий язык, плохо понимали чукчей, и потому путешественники «от них осведомится подлинно, о чем потребно, не могли»¹³.

9 августа плавание на север продолжалось. Густой туман сменился дождем. На море была большая волна. Следующий день особо запомнился путешественникам не столько удивительно тихой и солнечной погодой, сколько открытием большого острова, который лежал к востоку от Чукотки. Его называли по святым островом Св. Лаврентия, в честь праздника, приходившегося на этот день. «А к показанному от чукочь острову подходил,— писал Беринг в своем отчете,— видел жильье такое же, как и у чукочь»¹⁴.

11 августа вошли в пролив, отделяющий Азию от Америки и ныне носящий имя Беринга. На следующий день моряки заметили, что земля, мимо которой они плыли, осталась позади. И действительно, судно «Св. Гавриил» уже находилось у входа в Северный Ледовитый океан. 13 августа корабль, подгоняемый сильным ветром, пересек северный полярный круг.

Беринг считал, что экспедиция выполнила свою задачу. Он был убежден, что американский берег не соединяется с Азией и что не существует такого соединения и дальше к северу, поскольку там расстилался безбрежный Ледовитый океан. Прежде чем принять решение о возвращении на Камчатку, он созвал совет офицеров. Зачитав инструкцию Петра I и напомнив о беседах с чукчами,

---

¹³ Там же, с. 33.

¹⁴ Кушнарев Е. Г. В поисках пролива, с. 82.

Беринг предложил каждому в письменной форме высказать свое мнение о том, можно ли считать доказанным, что земля Чукотского Носа отделена водами от Америки.

Первым представил свой ответ Алексей Чириков. Он считал, что поскольку они не получили достоверных сведений о пребывании «подле восточных берегов Азии европейских народов, то нельзя быть уверенными в разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды». Чириков предлагал плыть на запад вдоль берегов Чукотской земли, а если последняя протянется к северу, то плыть близ ее на норд и до 25 августа искать место для зимовки. Особое предпочтение при этом он отдавал зимовке на земле, которая по имевшимся сведениям лежала к востоку от Чукотского Носа и была поросши лесом.

Мартын Шпанберг занял более осторожную позицию. Он высказался за продолжение плавания к северу, но только в течение двух-трех дней. После того, как экспедиция достигнет 66° с. ш., кораблю следовало лечь на возвратный курс и направиться к берегам Камчатки, к прежнему месту зимовки.

Беринг согласился с предложением Шпанберга. «Св. Гавриил» продолжал плавание на север—северо-восток. Погода ухудшалась. День 14 августа был необычайно пасмурный. Ветер стих. Паруса из-за штиля и темноты убрали. Судно медленно продвигалось самой узкой частью пролива. Когда после полудня ветер на мгновение разогнал тучи, путешественники увидели позади себя очертания неизвестной гористой земли, которую впоследствии назвали островом Ратманова. В тот же день путешественники на большой земле видели очертания мыса Дежнева с возвышающимися на нем горами.

15 августа экспедиция вышла в открытый Северный Ледовитый океан и продолжала плавание в тумане. Появилось множество китов. Земля, по словам Беринга, более к северу не простиралась. Не приближалась к «Чукотскому углу» и Америка.

16 августа, достигнув $67^{\circ}18'$ с. ш. и находясь уже в 50 км от северной границы пролива между Азией и Америкой, Беринг отдал приказ возвращаться на Камчатку, чтобы «без причины» не зимовать на незнакомых безлесных берегах. В тот же день путешественники увидели в проливе остров, который положили на карту и назвали

именем Св. Диомида (по святцам). Вскоре судно приблизилось к берегам Чукотки.

20 августа путешественники встретились с местным населением. «Чукчи,— писал Беринг,— привезли к нам для продажи мяса, рыбы, воды, лисиц, песцов белых... да 4 зуба моржовые, которые служители команды моей у них раскупили на иглы да на огниво»¹⁵.

Некоторые из чукчей раньше встречались с русскими в Анадырском остроге, где продавали моржовую кость. Знали они реку Колыму, куда один из чукчей ездил на оленях. Он же подтвердил, что никто из его соотечественников не проходил от восточных берегов Чукотки до Колымы морем, поскольку там всегда держатся льды.

Затем Беринг продолжал идти на юг, не теряя из виду азиатских берегов, на которых возвышались «великие высокие каменные горы», отвесно образовавшиеся в море и в «лете не освобождавшиеся от снегов»¹⁶. 2 сентября 1728 г. «Св. Гавриил» отдал якорь в Нижнекамчатской гавани. Здесь экспедиция провела зиму.

Как только наступило лето, Беринг снова вышел в плавание. Он направился на восток, где, по словам камчатских жителей, в ясные дни иногда «чрез море» виднелась земля. Во время прошлогоднего плавания путешественникам ее не случилось видеть. Беринг решил «известится доподлинно», действительно ли существует эта суша. Дули крепкие северные ветры. С большими трудностями мореплаватели прошли 200 км, «но токмо земли никакой не видали»¹⁷. Идти дальше на небольшом потрепанном бурями судне без достаточных запасов продовольствия и пресной воды было рискованно. Море окутал «великий туман», а вместе с ним начался жестокий шторм, которым развело большую волну. Капитан лег курсом на Охотск. На обратном пути он впервые в истории мореплавания обогнул и описал южный берег Камчатки. 1 марта 1730 г. Витус Беринг вместе с лейтенантами Шпанбергом и Чириковым прибыл в Петербург.

Два с половиной века ведутся споры о том, исполнил или не исполнил Беринг инструкцию Петра I, и в связи с этим выдвигаются самые различные толкования задач первой Камчатской экспедиции. Прежде всего остановимся на публикациях в печати. Примечательно, что первая

¹⁵ Экспедиция Беринга, с. 64—65.

¹⁶ Там же, с. 65.

¹⁷ Там же.

из них появилась через несколько дней по прибытии Беринга в столицу. 16 марта 1730 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована корреспонденция о возвращении первой Камчатской экспедиции Беринга в Петербург. В статье сообщалось, что русские мореплаватели на судах, построенных в Охотске и на Камчатке, поднялись в Полярное море значительно севернее 67° с. ш., и тем самым доказали («изобрели»), что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется». Далее газета подчеркивала: «Таким образом, из Лены, ежели б в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки, а так же далее до Япана, Хины и Ост-Индии доехать возможно б было; а к тому же он (Беринг.— В. П.) и от тамошних жителей известился, что пред 50 или 60 летами некое судно из Лены к Камчатке прибыло»¹⁸.

Вскоре сообщение о первой Камчатской экспедиции Беринга появилось и на родине мореплавателя. Ее автором, по мнению датских исследователей, был либо сам Беринг, либо один из его ближайших помощников. В статье освещался ход экспедиции и сообщалось, что ее задачей являлось исследование северо-восточных берегов Азии, «чтобы увидеть, принадлежит ли эта земля, как считают некоторые, северной части Америки или имеется свободный морской проход». Поднявшись к северу до $67^{\circ}19'$ с. ш., по словам автора статьи, экспедиция обнаружила, что действительно существует Северо-Восточный проход, так что от Лены можно плыть на Камчатку на корабле, если этому не воспрепятствует северный лед¹⁹.

Итак, обе статьи еще раз свидетельствуют, что главной задачей было решение вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой, и, следовательно, существует ли проход из Ледовитого океана в Тихий.

Беринг справедливо считал, что он выполнил наказ Петра I. Это обстоятельство еще в середине XVIII в. было замечено великим русским ученым М. В. Ломоносовым. По его словам, «Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил». При этом великий ученый сожалел о том, что мореплаватель, «идучи обратно, следовал той же дорогою и не отошел далее к вос-

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости, 1730, № 22, с. 88.

¹⁹ Возгрип В. Е. Витус Ионассен Беринг: Обзор зарубежной литературы.— В кн.: Страны и народы Востока, М.: Наука, 1975, вып. 17, с. 35.

току, которым ходом, конечно, бы мог приметить берега северо-запада Америки»²⁰.

Это суждение М. В. Ломоносова следует прежде всего учитывать при рассмотрении результатов первой Камчатской экспедиции. Беринг правильно понял данную ему инструкцию. Он не направился до европейских владений в Америке, потому что не открыл той обширной земли, которая упоминалась Петром I. Но зато он установил, что на севере Азия не соединяется с Америкой.

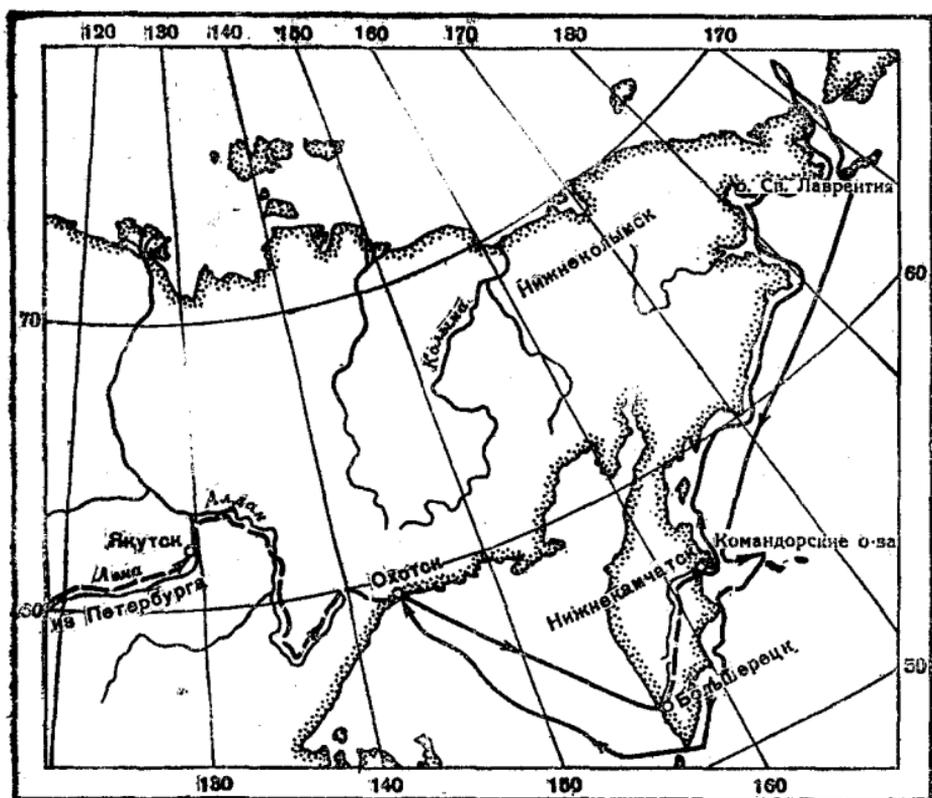
Первая Камчатская экспедиция внесла важнейший вклад в развитие географических представлений о северо-востоке Азии, и прежде всего от южных пределов Камчатки до северных берегов Чукотки. Можно по-разному толковать задачи первой Камчатской экспедиции, но бесспорно одно — Беринг обогатил географию, картографию и этнографию многими крупными открытиями. Экспедиция создала серию географических карт, из которых особо выделяется итоговая карта. Она разошлась по миру в 17 копиях и оказала глубокое влияние на развитие географических представлений о Северо-Востоке России. Карта, основанная на многочисленных для того времени астрономических наблюдениях, впервые давала реальное представление не только о восточном побережье России, но и о протяжении Сибири. По свидетельству Джеймса Кука, который присвоил имя Беринга проливу между Азией и Америкой, его далекий предшественник «очень хорошо нанес на карту берега, определив координаты с точностью, которую при его возможностях трудно было бы ожидать»²¹.

Первая карта экспедиции, на которой показаны районы Сибири на пространстве от Тобольска до Тихого океана, была в 1727 г. рассмотрена и одобрена Академией наук. Итоговая карта также была немедленно использована учеными России и вскоре широко распространена в Европе. В 1735 г. она была гравирована в Париже, спустя год опубликована в Лондоне, а в 1737 г. — снова во Франции. Затем она неоднократно переиздавалась в различных атласах и книгах.

Экспедицией были определены координаты 28 пунктов по маршруту Тобольск—Енисейск—Илимск—Якутск—Охотск—Камчатка—Чукотский Нос—Чукотское море,

²⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6, с. 4—51.

²¹ Кушнарев Е. Г. В поисках пролива, с. 132.

Карта-схема первой Камчатской экспедиции

которые затем вошли в «Каталог городам и знатным местам сибирским, положенным на карту, через которых тракт имели, в какой ширине и длине оные». Одновременно путешественники составили «Табель, показующий расстояния русскими верстами до городов и знатных мест, через которые имели путь во экспедицию даже до возврату со всюю командою и где шли сухим путем, реками и морем и где какие обретаются народы и меж ими сколько находятся русского жилища».

Табель прежде всего интересен этнографическими сведениями. В документах экспедиции их разбросано множество. Сведения о сибирских народах отражены на итоговой карте. Удивительно яркие и рельефные этнографические зарисовки имеются в кратком отчете Беринга. Больше всего их в вахтенном журнале судна «Св. Гавриил», который вели офицеры. В нем описаны жизнь и обычаи камчадалов, встречи с чукчами. Еще больше в

вахтенном журнале записей о погоде. Они дают возможность в общих чертах реконструировать метеорологические условия плавания первой Камчатской экспедиции.

«Экспедиция никогда прежде не бывалая»

30 апреля 1730 г., спустя два месяца после возвращения первой Камчатской экспедиции, Беринг представил русскому правительству проект («Предложения») об улучшении положения народов Сибири. Прежде всего он считал необходимым принять меры к созданию школ в Якутском крае. Затем он обращал внимание правительственных кругов на важность развития железоплавильного дела в Восточной Сибири, что позволило бы «в судовом строении довольствоваться без нужд»¹. Одновременно Беринг считал необходимым улучшить положение казаков, которые несут службу в Якутии, Охотске и на Камчатке, снабдив их лошадьми, собачьими упряжками, теплой одеждой и оружием.

Важное место в «Предложениях» уделено скотоводству и земледелию как в Охотском крае, так и на Камчатке. «Ежели б от Якутска до Охотска,— писал Беринг,— повелено пригнать молодой скотины коров и свиней, и от Охотска перевезти чрез моря на Камчатку или сухим путем через Колыму, и при всяком остроге определить по одной или по две семьи людей из якутов, понеже камчатской народ к тому не обучен, то б можно там и землю пахать и всякий хлеб сеять. Понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу, также и рожь при мне сеяна; а прежде нас сеяли ячмень, репу и конопля, которая и уродилась. Токмо пашут людьми»².

По мысли мореплавателя, следовало наладить в Охотске и на Камчатке производство смолы для нужд местного судостроения и варку соли для удовлетворения потребностей народов Дальнего Востока, поскольку до сих пор смола доставлялась с берегов Лены.

---

¹ Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1744 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9, с. 229.

² Там же.

Той же заботой о развитии производительных сил Дальнего Востока проникнуто предложение Беринга о необходимости подготовки матросов из «казацких детей» и об улучшении местного судостроения. Весьма важным мореплавателем считал учредить должности командующего Охотским портом и правителя Камчатки. Надлежало «больше посылать ремесленных людей на Камчатку... а именно: плотников и кузнецов, прядильщиков и слесарей; понеже, когда случится нужда, тогда не надобно возить от дальних городов»³. Наконец, мореплавателем предлагал отправить несколько судов в Японию, чтобы изведать морской путь в это государство и выяснить, можно ли с японцами завязать торговые отношения.

Одновременно Беринг подал записку, в которой содержался проект экспедиции на восток от Камчатки. В общих чертах излагались задачи будущей второй Камчатской экспедиции. Она должна была состоять из трех частей. Первому отряду на большом судне предстояло отправиться к северо-западным берегам Америки, которые, по мысли Беринга, располагались на небольшом расстоянии от Камчатки. К этому заключению мореплавателем пришел на основе собственных наблюдений. По мере удаления от Камчатки на восток высота волны на море уменьшалась и, следовательно, где-то поблизости должна быть земля. Поэтому Беринг считал, что «Америка и между оной лежащие земли» находятся от Камчатки недалеко, примерно в расстоянии 150—200 миль. Второй задачей экспедиции было исследование «водяного прохода» между Камчаткой и Амуром и между Камчаткой и Японскими островами, с тем чтобы «с японцами торговать, что к немалой прибыли Российской империи впредь могло оказаться». Для этой цели следовало построить на Камчатке еще одно судно, по размерам несколько меньшее, чем корабль, который отправится на поиски берегов Америки.

Снаряжение экспедиции к Америке и Японии по предварительным расчетам Беринга должно было обойтись казне в 10—12 тыс. руб., что по тем временам являлось очень большой суммой. В заключение Беринг ставил вопрос о желательности исследования «северных земель или берегов Сибири», от устья Оби до Енисея и от Енисея до устья Лены. Он полагал, что эту задачу можно

³ Там же, с. 235.

решить, послав следующих людей либо на ботах, либо сухим путем, тем более, что изучение севера Азии можно вести «свободно», поскольку эти земли находятся под «высокою рукой России». Так зародилась идея второй Камчатской экспедиции.

В то время как высшие морские круги изучали и обсуждали «Предложения» Беринга, сам он приводил в порядок отчеты, журналы, бумаги и составлял карты. По представлению адмиралтейств-коллегии Беринг получил чин капитан-командора и награду в 1000 руб. Его неизменный спутник Алексей Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, при этом адмиралтейств-коллегия отмечала, что он «показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру».

Между тем к проекту снаряжения второй Камчатской экспедиции был проявлен интерес. Наиболее верными и горячими защитниками его были моряки. До нас дошли проекты адмиралов Головина и Сандерса, предлагавших направить суда из Кронштадта вокруг мыса Горн или вокруг мыса Доброй Надежды в воды Тихого океана как для детального исследования восточных окраин России, так и для поисков северо-западных берегов Америки. Эти проекты, к сожалению, не были осуществлены. Адмиралтейств-коллегия, изучив план Беринга, предложила его значительно расширить. Кроме поисков берегов Америки и установления связей с Японией, одной из главных задач экспедиции предлагалось поставить исследование северного берега Евразии и отыскание морского пути из Архангельска на Камчатку.

Идея снаряжения новой экспедиции на Камчатку встретила поддержку одного из прогрессивных деятелей второй четверти XVIII в. Ивана Кирилловича Кирилова, сделавшего за 15 лет головокружительную карьеру от подьячего до обер-секретаря сената. Забегая вперед, отметим, что именно Кириловым подписаны все правительственные указы о снаряжении Камчатской экспедиции. Его внимание, по словам современника, особенно привлекали математика, механика, история, экономия и металлургия. При этом Кирилов не жалел «никакого своего труда и иждивения»⁴. Он израсходовал значительную часть собственных средств на издание «Атласа Всероссий-

⁴ *Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 4.

ской империи», карты которого, включая генеральную карту Русского государства, были составлены им самим.

При участии Кирилова «Предложения» Беринга были рассмотрены в различных государственных учреждениях. В мае 1731 г. русское правительство приняло решение об улучшении управления Дальним Востоком, в частности Охотским краем и Камчаткой. В эти отдаленные местности были отправлены мастеровые люди и флотские штурманы.

Но Кирилову потребовался еще почти год непрерывных «рачений», прежде чем удалось добиться решения русского правительства о снаряжении второй Камчатской экспедиции. Его роль в организации этого предприятия была отмечена многими исследователями. «Главнейшим двигателем этого дела, — писал о второй Камчатской экспедиции академик Г. Ф. Миллер, — был сенатский оберсекретарь Иван Кириллович Кирилов, великий патриот и любитель географических и статистических сведений. Он был знаком с капитаном Берингом, который вместе с двумя своими лейтенантами Шпанбергом и Чириковым изъявил готовность предпринять второе путешествие. Кирилов составил „Записку“ о выгодах, которые могла из того извлечь Россия, и присоединил притом другие предположения о расширении русской торговли до Бухарии и Индии, что потом подало повод к возникновению известной Оренбургской экспедиции, которою он сам начальствовал и при которой он умер в 1737 году»⁵.

В «Записке» Кирилова действительно было подробно рассмотрено важное государственное значение экспедиции для изучения Сибири, Дальнего Востока и северо-запада Америки.

Для того чтобы представить на рассмотрение высших сановников этот документ, его надо было перевести на немецкий язык. Беринг посоветовал Кирилову отдать перевод для правки и редактирования академику Герарду Фридриху Миллеру. Так, Миллер познакомился с оберсекретарем сената. Как он писал впоследствии, это знакомство не осталось без последствий. Встреча с Кириловым определила на многие годы судьбу российского историка.

Наконец, 17 апреля 1732 г. русское правительство дало указ сенату об отправлении Беринга на Камчатку для

⁵ Цит. по кн.: Декарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, т. 1, с. 320.

претворения в жизнь его собственных «пунктов и предложений о строении там судов и прочих дел»⁶. Сенату поручалось сделать распоряжения о том, чтобы экспедиция была обеспечена личным составом и необходимыми материалами.

2 мая 1732 г. сенат издал указ «Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку и о правилах, каковые он должен соблюдать в сей экспедиции». В нем были определены мероприятия по осуществлению предложений Беринга, касающихся отыскания северо-западных берегов Америки, открытия морского пути в Японию, развития промышленности, ремесел, землепашества на Дальнем Востоке.

Одновременно сенат для осуществления «второго проекта», предусматривавшего «проведывание и описание» северного побережья Сибири от Оби до Камчатки, разрешил Берингу послать «добрых и знающих людей водою или сухим путем», придав им сибиряков, хорошо знающих те места. Сибирским властям приказано было чинить «Берингу с товарищи» необходимую помощь и исполнять требования экспедиции.

Тем же указом адмиралтейств-коллегии поручалась отправка в экспедицию морских офицеров, мастеровых и прочих служителей, а также некоторый такелаж для судов. Адмиралтейств-коллегия занялась не только вопросами обеспечения экспедиции личным составом и материалами, но и выдвинула целый ряд предложений по расширению ее задач. В конечном итоге это привело к тому, что совместными усилиями прогрессивно мыслящих деятелей русского флота, Академии наук и сената вторая Камчатская экспедиция превратилась в грандиозное научное и политическое предприятие, которое ознаменовало целую эпоху в изучении Сибири.

С помощью этой «дальней экспедиции» Кирилов надеялся получить более точные картографические представления о Сибири, Камчатке, Дальнем Востоке. Сенат принял решение осуществить астрономические определения прежде всего в неизвестных и малоизвестных местах. При этом картографические работы должны были сопровождаться тщательными общегеографическими описаниями и содержать в себе верные сведения «о тамошних народах, обычаях, о плодах земных, о металлах и мине-

⁶ Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830, т. 8, с. 749. (далее: ПСЗРИ),

ралах, чего поныне как от него, Беринга, в первой его экспедиции, так и не от кого не učinено»¹.

19 июня 1732 г. Кирилов направил указ сената в Академию наук с предложением определить «с ним, Берингом» одного профессора и двух российских студентов и снабдить их необходимыми инструментами для астрономических наблюдений («обсерваций»), географических, ботанических, этнографических и геологических исследований.

Академия наук обратила внимание сената на то обстоятельство, что решение поставленных задач не под силу одному человеку, пусть даже самому одаренному, и предложило отправить двух профессоров. Под руководством одного из них, профессора астрономии Людвиг Делиля Делаacroера, предполагалось «чинить» не только астрономические, но магнитные и географические наблюдения. Ученому должны были «способлять» один помощник, имеющий познания как в теоретической, так и в «зрительской» астрономии, и два геодезиста.

Следует отметить, что Делаacroер был случайным человеком в науке. В молодости, которую он провел во Франции, его готовили к духовному званию. Затем он уехал в Канаду, где провел 17 лет, служа в колониальных войсках и не проявляя какого-либо интереса к науке. Когда он возвратился во Францию, его брату И. Н. Делилю, только что принятому на русскую службу, пришла мысль представить своего брата Петербургской академии наук как знатока астрономии. Новоиспеченного профессора Петербургская академия наук вскоре отправила на север, поручив ему определить координаты городов Архангельска и Колы. В 1730 г. он возвратился в Петербург, но не спешил представить на суд академии результаты своих определений. По словам академика Г. Ф. Миллера, они содержали столько ошибок, что их исправлением долго пришлось заниматься его брату, действительно одаренному ученому. Неспособность Делаacroера вести самостоятельные научные изыскания была замечена руководством академии. По-видимому, его и решили отослать из Петербурга, назначив профессором астрономии при второй Камчатской экспедиции. Забегая вперед, отметим, что исследования Людвиг Делаacroера не многим обогатили науку.

---

¹ Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941, с. 89.

Значительную часть возложенных на него задач взял на себя профессор И. Г. Гмелин. Ему шел 24-й год, когда его определили в экспедицию. Восемнадцать лет он приехал из Тюбингена в Петербург. Гмелина приняли в академию, как он и желал, вольноопределяющимся. Он не требовал себе жалования, но академия решила предоставить ему квартиру, отопление и 10 руб. в месяц. Первоначально Гмелин занимался подготовкой к изданию в Записках («Комментариях») трудов по ботанике и изучением природы Прибалтики. В 1731 г. он был произведен в члены Петербургской академии наук по натуральной истории и химии. Назначение в экспедицию молодой ученый рассматривал как большую честь. Ему были поручены систематизация знаний по естественной истории Сибири, производство метеорологических наблюдений, исследования животного мира, сбор и запись сведений о «вере тамошних людей, обычаях, одежде, их древних языках и письменах». Профессору-естествоиспытателю придавались два студента, хорошо сведущие в естественной истории. На них возлагался сбор ботанических и зоологических коллекций, чтобы они тем самым «учищенные наблюдения подлинными образцами подтверждали». Под руководством Гмелина должны были составляться «проспекты стран, рек и разных вещей, примечания достойных»⁸.

По мнению Академии наук, ученые, отправлявшиеся в Камчатскую экспедицию, не должны были зависеть от местных властей в постановке исследований или производстве наблюдений. «И потому нужно будет, чтоб над профессорами никакого начальства и повелительства не имели в тех делах, которые до наук принадлежат»⁹. Кирилов обязал помогать ученым в организации исследований. Это распоряжение принесло чрезвычайно большую пользу науке. От Волги до Камчатки была создана метеорологическая сеть из 24 станций, равной которой не было в мире.

Главное место в программе деятельности второй Камчатской экспедиции должно было занимать исследование Сибири, Дальнего Востока, Арктики, Японии, Северо-Западной Америки в географическом, геологическом, физическом, ботаническом, зоологическом, этнографическом отношениях.

⁸ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 2331, л. 103.

⁹ Там же, л. 104.

Наряду с организацией плаваний от Камчатки до Америки, от Охотска до Японии особое значение Русское государство придавало исследованию Северного морского прохода из Архангельска в Тихий океан. «В ряде славных задач, поставленных государством Камчатской экспедиции,— писал ее участник Свен Ваксель,— было исследование побережья от Новой Земли до самой восточной оконечности Азии — Чукотского Носа, т. е., иначе говоря, всего побережья Ледовитого моря.

При этом государство не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных в то время странах, не открытых еще землях и берегах.

Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоился так долго — собственно, еще до настоящего времени»¹⁰.

В то самое время, когда шла энергичная подготовка к экспедиции, включенный Академией наук в ее состав Гмелин неожиданно заболел. Вместо него Беринг рекомендовал Кирилову пригласить профессора Г. Ф. Миллера.

Герарду Фридриху Миллеру было 20 лет, когда он приехал 5 ноября 1725 г. из Лейпцига в Петербург. Он был определен студентом в академию, посещал академические собрания, а также преподавал историю, географию и латинский язык в академической гимназии. В 1728 г. Миллера переводят в архив и затем поручают составление «Санкт-Петербургских ведомостей», которые сразу же завоевывают большую популярность у читателей. После того как Миллер был удостоен звания профессора, он принял решение посвятить себя изучению русской истории, сделать ее известной в других странах. «Смелое предприятие,— писал Миллер.— Я еще ничего не сделал в этой области и был еще не совсем опытен в русском языке, однако полагался на мои литературные познания и на мое знакомство с теми из находившихся в академической библиотеке книгами и рукописями, которые я учился переводить при помощи переводчика»¹¹.

¹⁰ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.: Главсевморпуть, 1940, с. 27.

¹¹ Цит. по кн.: Пекарский П. История императорской Академии наук..., т. 1, с. 318.

Вскоре Миллер прочел два доклада о разработке важнейших событий русской истории, которые были положительно оценены учеными. Будучи человеком необычайно деятельным, он приступил к изучению и переводу «русских летописей и других исторических рукописей» на европейские языки. Именно в это время судьба свела его с Берингом. «Капитан-командор Беринг, с которым я был хорошо знаком,— писал Миллер,— возбудил во мне охоту к путешествию еще тогда, когда к тому не представлялось для меня никакой вероятности. Обер-секретарь Кирилов, которому Беринг передал о том, пожелал, чтобы я предложил себя в академии вместо Гмелина. Теперь не встретилось этому никакого препятствия. 26 февраля 1733 года дело было письменно представлено сенату, а 23 марта получено было оттуда разрешение...

Никогда потом не имел я повода раскаиваться в моей решимости, даже и во время тяжкой моей болезни, которую выдержал в Сибири. Скорее, видел я в том как бы предопределение, потому что этим путешествием впервые сделался полезным Российскому государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания»¹².

Миллер направлялся в Сибирь в качестве историографа экспедиции. Он был «должен всему тому, что на пути и во время всей сей экспедиции ни случится, аккуратный журнал на латинском языке вести и в Санкт-Петербург в правительствующий сенат посылаемые реляции из того журнала сочинять»¹³.

Сенат поддержал предложение академии о посылке в экспедицию 12 студентов из числа учеников Греко-латинской академии в Москве. Они должны были помогать ученым приобретать научные и практические знания в натуральной истории.

Круг деятельности ученых второй Камчатской экспедиции был определен особыми инструкциями, которые были представлены на рассмотрение сената 24 ноября 1732 г. От ученых, участвовавших в экспедиции, требовалось, чтобы они систематически посылали донесения о своих научных изысканиях. Их работы должны были переводиться на русский язык. Копии с них надлежало оставлять в сенате, а оригиналы передавать в Академию

¹² Там же, с. 320—321.

¹³ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 2331, л. 2.

наук, где многие из них сохранились до наших дней. Результаты «изобретений» предполагалось потом «печатать публиковать». Вместе с тем предусматривались жесткие меры против возможной утечки информации об исследованиях экспедиции.

«Но никто,— подчеркивалось в одном из указов сената,— как из отправляющихся в сию экспедицию, так из обретающихся здесь профессоров, не должен ничего из učinенных в сей экспедиции изобретений ни приватно, ни публично, ни письменно, ни словесно чужестранцам объявлять, пока оные изобретения здесь печатью опубликованы не будут, под опасением жестокого наказания»¹⁴.

Согласно указу сената ученые, находившиеся в составе второй Камчатской экспедиции, должны были особое внимание обратить на обучение находящихся в их свите студентов и геодезистов, которых следовало прилежно и верно наставлять наукам, прививая им навыки к самостоятельным научным изысканиям. Академикам следовало помогать друг другу советами и делами и сохранять «согласие и дружество» между собой. Сенат поручил ученым прилежно сохранять в дорожном архиве инструкции, переписку с правительственными учреждениями и Академией наук и копии своих донесений.

28 декабря 1732 г. сенат представил на высочайшее утверждение «Правила, данные капитан-командору Берингу относительно плавания его в Восточном океане». Как явствует из доклада, предваряющего «Правила», они были составлены после обсуждения донесений и суждений адмиралтейств-коллегии и рассмотрения «тамошних ландкарт». По мнению сената, для того чтобы Камчатская экспедиция принесла пользу и славу государству Российскому, необходимо было осуществить огромный комплекс предприятий, изложенных в 16 пунктах. В «Правилах» отмечалось, что согласно предложениям Беринга уже сделаны распоряжения о постройке судов, отправке людей и материалов. Сибирскому губернатору и иркутскому вице-губернатору предписывалось по требованию Беринга и его морских офицеров обеспечивать экспедицию людьми, транспортом, припасами. Одновременно отмечалось, что вместе с Берингом для производства observations отправляется профессор Петербургской академии наук Делакроер, профессор ботаники Гмелин и их

¹⁴ Там же, л. 1.

ученики. Кроме того, в состав экспедиции для поисков руд решено было включить двух-трех «наученных людей» из Екатеринбургских заводов с припасами и инструментами с тем, чтобы они, если будут найдены «богатые металлы или минералы, могли на больших пробах действительно плод показать, не пропуская времени»¹⁵.

На основании предложений адмиралтейств-коллегии сенатом особенно подробно были обозначены задачи второй Камчатской экспедиции по изучению северных берегов России от реки Печоры до Камчатки. Чтобы «доподлинно» выяснить, «имеется ли соединение Камчатской земли с Америкой» и существует ли «проход Северным морем», решено было отправить один отряд на «легком судне» из Архангельска к реке Оби, второй отряд послать на дубель-шлюпке из Тобольска к устью Енисея. Для третьего и четвертого отрядов должны быть построены два судна в Якутске. Одному от реки Лены надлежало следовать к западу до устья Енисея, а другому предстояло плыть из Якутска вдоль берегов сначала к Колыме, а затем к устью реки Анадырь или Камчатке.

На каждое судно, по мнению сената, необходимо было, кроме морских офицеров, взять по три-четыре человека бывалых сибирских людей, ранее занимавшихся промыслами на севере и знавших край. Провиант для северных отрядов, согласно «Правилам», заготавливали местные власти. Сибирскому губернатору был отправлен приказ о создании продовольственных складов в устьях Оби и Лены и «малых магазинов и по другим рекам» севера. Это делалось на случай неудач морских походов. Если бы льды или другие препятствия вынудили путешественников остаться на зимовку, то они могли бы «удовольствоваться провиантом» из находившихся поблизости складов и магазинов. Это была важная мера, которая создавала предпосылки для успешного действия северных отрядов.

«Для лучшей же помощи тем шлюпкам в пути,— отмечалось в «Правилах»,— заранее отправить по всем берегам таких людей, которые посылались и посылаются для сборов ясачных, и с ними геодезистов или кондукторов, которым объявить везде подле моря кочующим ясачникам и промышленникам, чтоб они о тех шлюпках ведали и во время нужды без всякого опасения им помощь чинили, а на устьях речных, где рассудят оные послан-

¹⁵ ПСЗРИ, т. 8, с. 1003,

ные, сделали б маяки и в те месяцы, как положат идти, важидали по ночам, коль скоро которое место шлюпка пройдет, о том давали ведомость от одних к другим, даже до городов, а из городов в Тобольск рапортовали»¹⁶.

Геодезистам, которые будут участвовать во вспомогательных партиях, поручалось составлять описания посещенных мест и определять положение всех знатных рек и мысов на морском побережье и затем эти материалы передавать командирам шлюпок, а копии через воеводские канцелярии пересылать в сенат.

Берингу «с товарищи» по прибытии в Якутск было поручено проверить, насколько справедливы рассказы о великой населенной земле, якобы находящейся к северу от устья Колымы, на которой по местным преданиям бывали сибирские люди. Если данные подтвердятся, то поручить морским офицерам приставать к берегам в океане и исследовать их «до крайней возможности».

«Ежели людей найдут,— говорилось в «Правилах»,— то с ними поступать ласково и ничем не озлоблять, а наведаться, сколь велики такие острова и земли и куда они пошли и чем довольствуются. И притом, усматривая случаи для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по обычаю сибирскому князьям и другим тамошним народам при таких первых случаях даются. Буде же самоизвольно пожелают идти в подданство, то принимать в подданство, наипаче приласкивать, и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать»¹⁷.

Путешественникам не рекомендовалось особенно долго оставаться на вновь открытой земле, чтобы не упустить благоприятное время для решения основной задачи — отыскания морского хода из Ледовитого моря в Восточное море. Не исключалось, что моряки могут достичь таких мест, где «Сибирский берег с Американским сошелся», и установят, что невозможно пройти на судах из Северного моря к Камчатке. На этот случай им предписывалось следовать, пока будет возможно, вдоль открытого берега к Северной стране и у местных народов собирать сведения, «далеко ль на другой стороне земли Полуденное, или Восточное море», под которым подразумевался Тихий океан. Таким образом, ни сенатом, ни адмиралтейств-коллегией не была окончательно отвергнута гипотеза о пере-

¹⁶ Там же, с. 1006.

¹⁷ Там же,

шейке, соединяющем два континента. На тот случай, если путешественники «такого соединения не найдут», им рекомендовалось не возвращаться в устье Лены или Якутск, а следовать до берегов Камчатки.

Для плавания к американским берегам или островам Берингу и Чирикову поручалось построить два судна, которые должны находиться под их командованием. Поиски приказано было чинить «с крайнею прилежностью и старанием», пути к Америке избирать с общего согласия и в совет «приобщать посланного Академией наук профессора Л. Делаacroера».

Следующая важная задача — поиски островов или земли, которые по сведениям, полученным в 1730 г. служилым человеком Афанасием Мельниковым от чукчей, якобы находятся в сутках ходу на восток от Большого Чукотского Носа. По этим сообщениям на большой земле имелись в изобилии «соболы, лисицы, бобры, речные сомахи, рыси, дикие олени, а также всякий лес»¹⁸. (Сенату еще не было известно, что несколько месяцев назад эта задача была решена.)

В июле 1732 г. на судне «Св. Гавриил», на котором совершил свое первое плавание Беринг, была отправлена экспедиция «для проведывания морских островов». Ее возглавляли И. Федоров и геодезист М. Гвоздев. 5 августа путешественники приблизились к Чукотскому Носу. Спустя некоторое время они высадились на остров Ратманова, со скал которого рассмотрели очертания американских берегов. На следующий день «пошли к большой земле». Вскоре выяснилось, что открытая суша «не остров, но земля великая». В глубине виднелось множество юрт. Из-за неблагоприятной погоды высадиться на берег Америки не удалось.

Так, Федоров и Гвоздев первыми подошли к берегам Америки в районе Берингова пролива. Но об этих выдающихся открытиях не скоро узнали в Петербурге, а потому сенат предлагал одному из отрядов экспедиции идти от Чукотского Носа на восток к островам и землям и к самой Америке. Если путешественникам удастся достигнуть американских берегов, то им надлежало поступать согласно инструкции, которая некогда была дана Петром I. При этом с мореплавателями или подданными следовало держаться настороже, чтобы не попасть в чьи-

¹⁸ Там же, с. 1007.

либо руки и «не показать им пути, о котором они никогда не слышали».

Все отряды морских офицеров при открытии новых земель должны были «высматривать» гавани, удобные для убежища судов от штормов и льдов, и выявлять места произрастания лесов, пригодных для кораблестроения. Кроме того, в посещенные земли надлежало отправлять рудознатцев для поисков металлов и минералов, а в случае открытия «подземных богатств» ставить об этом в известность сенат и по возможности приступать к их разработке.

По прибытии на берега Тихого океана экспедиция должна была снарядить три судна для «изыскания пути до Японии» и проведения во время плавания географических и научных изысканий. В первую очередь путешественники должны были осмотреть Курильские острова и затем уже следовать к Японии. При встречах с местными жителями предписывалось обращаться дружелюбно, оказывать помощь терпящим бедствие японским судам и людям и доставлять их в Японию¹⁹. Руководство плаванием в Японию возлагалось на капитана Мартына Шпанберга.

В то время, когда будут строиться суда для дальних плаваний, Берингу следовало послать моряков и сибирских служилых людей для исследования берегов Охотского моря. Необходимо было также определить запасы лесов, пригодных для строительства судов, и наличие удобных для земледелия пашен. Для поисков ближайшего пути к Охотскому морю было приказано немедленно отправить геодезистов, которые вместе с жителями Сибири должны были осмотреть и описать все реки Забайкалья и выяснить, не имеется ли между их верховьями и верховьями реки Уды пути, по которому можно было бы и летом и зимою «убавить в проездах дальности, бываемой через Якутск».

Сенат объявлял вторую Камчатскую экспедицию «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывалой»²⁰. Ее единоличным начальником являлся Беринг, и именно ему была адресована инструкция сената от 16 марта 1733 г., дополнявшая инструкцию адмиралтейств-коллегии. Особое внимание обращалось на необходимость

¹⁹ Там же, с. 1008.

²⁰ Там же, с. 1011.

сочинения достоверных карт Сибири силами геодезистов как находящихся в свите академиков, так и живущих на местах.

Кроме того, Беринг получил особую инструкцию адмиралтейств-коллегии, утвержденную сенатом. Этим документом определялся целый ряд хозяйственных и штатных вопросов, включая привлечение в экспедицию моряков и солдат (казаков) из сибирских гарнизонов. Далее намечался путь следования экспедиции из Петербурга через Тверь, Казань, Кунгур до Тобольска. При этом адмиралтейств-коллегией был заблаговременно отправлен в Казань лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын, которому вместе с командой приказано было приготовить через местное адмиралтейство припасы и материалы для экспедиции. В сибирские города для обеспечения запасов продовольствия заранее был послан лейтенант Шпанберг. В инструкции особенно подробно были изложены задачи морских отрядов, которым предстояли плаванья в северных морях и в Тихом океане.

Особо широкие задачи адмиралтейств-коллегия ставила перед экспедицией по изучению Арктики. Они подробно изложены в седьмом пункте инструкции. В нем содержится информация о первом плавании Беринга. При этом отмечается, что, хотя он пересек 67° с. ш., невозможно окончательно утверждать о том, что между азиатскими и американскими берегами «сходства не имеется». Поскольку Беринг положил на карту места на запад от маршрута своего плаванья до устья Колымы на основании «прежних карт и ведомостей», то поэтому в несоединении континентов «за подлинно утвердится сумнительно и ненадежно». Более того, имелись сведения о том, что якобы возможно плавание морем вблизи берегов «от Оби до Лены и далее». Между тем о некоторых местах севера России до сих пор ничего не было известно, так как нет «никаких достоверных не токмо карт, но и ни ведомостей». Все эти обстоятельства и явились причиной послать суда «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, тако ж и имеется ли проход Северным морем»²¹.

Таким образом, перед второй экспедицией Беринга была поставлена задача — исследовать Северный морской путь от Архангельска до Камчатки. Над решением ее

²¹ Экспедиция Беринга, с. 155.

должны были трудиться несколько отрядов. Для них предполагалось построить суда в Тобольске и Якутске, куда были вместе с лейтенантом Шпанбергом отправлены корабельные мастера и чертежи 24-весельных дубель-шлюпок. Берингу вменялось в обязанность определить на построенные суда лейтенантов, находившихся в составе его экспедиции, и на основании «общего со всеми обер-офицерами консилиума» дать наставления о том, как лучше сделать плавания беспрепятственными и безопасными и каким образом наиболее действенно им следовать сибирскими реками, а затем по Северному морю. Для каждого северного отряда была подготовлена отдельная инструкция.

Но еще до того, как сенатом была утверждена эта инструкция, началось отправление из Петербурга основных отрядов экспедиции. Из столицы направлялось в Сибирь более 500 морских офицеров, ученых, матросов. Многим из них предстояло пересечь всю Сибирь прежде, чем начать плавание по Тихому океану к берегам Японии и Северо-Западной Америки.

Беринг, Чириков, некоторые офицеры, матросы и солдаты отправились в путь вместе с женами и детьми. Первым покинул столицу Овцын, возглавлявший отряд, которому предстояло совершить плавание из устья Оби к устью Енисея. Его сопровождал шкипер Белый. В казанском адмиралтействе они должны были получить вооружение, припасы и снаряжение для экспедиции и для своего отряда. Затем выехал Шпанберг. С командой из 10 человек он двинулся в Сибирь, чтобы заблаговременно организовать в Тобольске, Якутске и Охотске постройку судов для различных отрядов экспедиции. Чириков сначала поехал в Москву, куда его призывали неотложные личные дела, и присоединился к экспедиции уже в Нижнем Новгороде. Почти весь состав экспедиции был в пути. Отправились и многочисленные обозы с провизией и снаряжением.

18 апреля покинул столицу и Беринг вместе с женой Анной Матвеевной. 3 мая он нагнал морскую часть экспедиции в Твери, где в течение месяца офицеры и солдаты грузились на суда. 7 июня двинулся караван судов. Более месяца плыли по Волге. 14 июля Беринг с командой прибыл в Казань. Здесь его ждал лейтенант Овцын, который, как известно, занимался «приуготовлением экспедичных припасов». На их приемку от казанского

адмиралтейства ушло 26 дней. Здесь же Беринг получил из казны «на всякие приключаются в пути нужды 4500 рублей»²². Наконец, 9 августа экспедиция снова тронулась в путь. Караван судов направился к реке Каме и затем следовал вверх по течению до села Осы. Здесь все имущество и снаряжение выгрузили на берег и стали дожидаться зимы. Как только замерзли реки и выпал снег, Беринг двинулся в Тобольск.

По пути Беринг сделал остановку в Екатеринбурге, где встретился с генерал-лейтенантом Генингом и попросил определить в состав его экспедиции рудознатцев для «сыскания металлов и минералов». Генинг обещал послать одного горного мастера в Тобольск для участия в предстоящем плавании Овцына и вскоре сдержал свое слово.

В Тобольск путешественники прибыли 2 декабря 1733 г. Здесь он уже не застал своего помощника лейтенанта Шпанберга, которому было поручено организовать в Тобольске и Якутске постройку трех судов для северных отрядов. Он решил дождаться окончания работ, надеясь, что за это время экспедицию догонит академический отряд, отправившийся из Петербурга позднее других на несколько месяцев.

Ученые выехали из Петербурга в начале августа. Все имущество было погружено на барки, которые без особых приключений поднялись по Неве, Ладожскому каналу и реке Волхов. Переплыв Ильмень-озеро, они вошли в реку Мсту. В селе Бронницы они пересели на подводы и добрались по сухопутью до Вышнего Волочка. Дальше опять следовали на небольших барках. Спустившись по Тверде, они 14 сентября прибыли в Тверь. Здесь Миллера, Гмелина и их многочисленных спутников по приказанию Беринга ждал морской офицер; для них было приготовлено большое и комфортабельное по тем временам судно, на котором они вышли в плавание 27 сентября. Через три недели они прибыли в Казань.

Как отмечалось выше, экспедиции поручалось организовать в разных областях России метеорологические наблюдения. Для этой цели и для ведения походных наблюдений отряд имел 20 термометров, 4 гидрометра, 27 барометров. На инструменты была отпущена весьма солидная по тем временам сумма — 1159 руб.²³

²² Там же, с. 153.

²³ ЦГАДА, ф. 248, д. 664, л. 283.

Первая метеорологическая станция была создана в Казани. Ее наблюдателем стал учитель казанской городской школы С. Куницын, которому передали термометр, барометр, компас и прибор «для познания ветров — анемоскопиум».

В первой половине декабря академический отряд двумя партиями отправился на подводах на восток. 29 декабря все собрались в Екатеринбурге. Здесь академический отряд продолжал метеорологические наблюдения. Производство наблюдений было поручено маркшейдеру А. Татищеву. Впоследствии их вели геодезист Н. Каркадинов, учитель арифметики Ф. Санников и смотритель лесов Талев²⁴. Им были вручены соответствующие инструкции. Предписывалось вести четырехсрочные наблюдения (в 6, 12, 18 и 22 часа) за температурой и давлением воздуха, отмечать в журнале направление ветра (по компасу). Сила ветра определялась визуально и записывалась цифрами: 0 — штиль, 1 — самый малый, 4 — самый жестокий, 2 и 3 — «среднее между обоими сими числами»²⁵.

Кроме того, поручалось отмечать в журнале атмосферные явления: размер и количество града, размер капель и интенсивность дождя, вид снега («большими ли хлопьями или мелок») и его количество, «множество» росы и инея, густоту тумана, размер и высоту радуги, характер облачности и т. п. Наблюдатели должны были также следить за полярными сияниями, отмечая их начало и конец, вид и особенности. Большое внимание обращалось на ведение гидрологических наблюдений, в частности за подъемом и понижением уровня воды, замерзанием и вскрытием реки.

Собранные материалы ежемесячно представлялись в сибирскую канцелярию, которая направляла их копии ученым академического отряда. Здесь их тщательно проверяли и в случае неудовлетворительной работы требовали или замены наблюдателя, или «положенного прилежания».

По словам Гмелина, в число наблюдателей, как правило, избирали людей, проявлявших любовь к наукам и

---

²⁴ Материалы для истории Академии наук: В 10-ти т. СПб., 1886, т. 3, с. 688, 689.

²⁵ Тихомиров Е. И. Инструкция русским метеорологическим станциям XVIII века. — Изв. ГГО, 1932, № 1/2, с. 8.

хорошо схватывавших суть дела. Чаще всего это были молодые казаки, «обладающие светлыми головами».

Заботясь о том, чтобы наблюдатели добросовестно исполняли возложенные на них обязанности, Академия наук по просьбе Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина разрешила выдавать «особливое жалование обсерваторам» в Казани и Екатеринбурге, а впоследствии также Я. Мирвичу — в Тобольске, В. Кольбергу — в Ямышеве, К. Чарошникову — в Енисейске, П. Ковригину — в Нерчинске, Н. Канаеву — в Иркутске²⁶. Забегая вперед, отметим, что Академия наук составляла «генеральные метеорологические таблицы». Известно, что в таблицу обсерваций за 1737 г. было признано полезным «для всенародного известия... внести и о бывших в том году болезнях и как долго всякая из них продолжалась»²⁷.

В январе 1734 г. академический отряд прибыл в Тобольск. Беринг, чтобы не стеснять ученых в их изысканиях, разрешил им самостоятельно продолжать путешествие. Было условлено, что Миллер и Гмелин присоединятся к Берингу в Якутске в 1736 г., профессор Делаacroer отправится на восток вместе с моряками, в обозе Чирикова...

---

²⁶ Материалы для истории Академии наук, т. 3, с. 688, 689.

²⁷ Там же, с. 629.

Второе открытие Сибири

В то время как Беринг ехал из Тобольска на восток по просторам Сибири, Миллер приступил к разработке материалов местного архива. Тобольский губернатор Алексей Львович Плещеев «поставил себе правилом спешествовать всеми возможными способами ученым занятиям» Миллера. «Здесь,— писал он,— я положил начало осмотра сибирских архивов и велел списывать те из дел, которые могли объяснить историю и географию страны. Тобольский архив не восходит до времен завоевания Сибири. Об этом событии известно только из летописей, которые в передаче обстоятельств весьма разнятся между собою и потому могут возбуждать сильное сомнение. Я был так счастлив, что достал в Тобольске старинную сибирскую летопись с изображениями, которая разъяс-

няет все недоумения и против которой не возможно возражать. По возвращении моем я преподнес эту рукопись академической библиотеке как особенную драгоценность»¹.

Так, русская историческая наука обогатилась важным памятником «Тобольским летописцем», или Ремезовской летописью. «Первоначальная работа моя заключалась в том,— продолжал Миллер,— чтобы старинные столбцы и книги каждого места расположить по годам, потом просматривать одни за другими и отмечать, что следовало из них для меня выписывать. Для большего себе удобства я был волен брать с собою на дом, что хотел. Мне только надобно было ставить знаки на полях, а в переписчиках, которые мне давались здесь из губернской канцелярии, а после и из всех прочих канцелярий, не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано. Во многих местах канцелярии распорядились потом расположить архивные дела по моему порядку»².

Копии с важнейших исторических документов снимали также и студенты Степан Крашенинников, Василий Третьяков, Илья Яхонтов, Алексей Горланов, подьячие из местных сибирских канцелярий. Студенты занимались и сверкой копий с подлинниками.

26 мая 1734 г. Миллер, Гмелин и Крашенинников отплыли из Тобольска по Иртышу. Их путь лежал к Таре, где путешественники высадились 13 июня. На следующий день Миллер потребовал от местной канцелярии обстоятельные и достоверные ведомости о прошлом и настоящем состоянии Тары. Правда, сведения оказались не столь обстоятельны, как того хотелось историку. Собственно, он не винил в этом местных чиновников. «Вопросные мои пункты,— признавался он впоследствии,— были не столь генеральны, как потом задавал я в других городах. В таких случаях опыт есть наилучший учитель»³.

27 июня Миллер, Гмелин и Крашенинников добрались до Омска. Впоследствии Миллер вспоминал, что плавание по Иртышу было одним из самых приятных периодов сибирского путешествия академического отряда. «Здесь

¹ Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, т. 1, с. 322.

² Там же, с. 323.

³ Там же.

все было ново,— писал он,— и мы находились в первом пылу, когда никакие опасности, лишения и беспокойства не могли умерить наш порыв. Мы очутились в раю среди цветов и в большинстве еще неизвестных растений; в зоологическом саду, где для нас были собраны редкие животные Азии, в кунсткамере старинных языческих гробниц и сохранившихся в них редкостей»⁴.

В рукописи, хранящейся ныне в Архиве Академии наук, Миллер подчеркивал: «Словом, мы находились в такой стране, где прежде нас еще никто не бывал, который бы о сих местах свету известие сообщить мог. А сей повод к произведению новых испытаний и изобретений в науках служил нам не иначе как с крайнею приятностию»⁵.

Затем путешественники посетили Ямышёво, Семипатинск, Усть-Каменогорск, где Миллер занимался археологическими раскопками. Гмелин устраивал метеорологические станции, подбирал наблюдателей, учил их обращению с приборами, давал подробные наставления, когда и как записывать сведения о погоде. В Кузнецке Гмелин и Миллер обследовали Абашеву гору, учились горному делу, собирали для коллекций экземпляры редких растений, птиц, зверей, минералов. Миллер составил карты: реки Иртыша и степи между Ямышёвской и Усть-Каменогорской крепостями. С особым увлечением он собирал сведения по истории и географии Сибири. Прежде чем посетить тот или иной город, Миллер посылал в тамошнюю канцелярию вопросные пункты и затем получал подробные ответы. Эти анкеты сохранились в знаменитых «портфелях» в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР и в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Сведения о тех местах, которые Миллер не мог посетить, он старался получить через чиновников сибирских канцелярий, посещавших самые отдаленные и самые труднодоступные округа. Миллер при всяком удобном случае расспрашивал старожилков, знатоков старины и сибирских жителей. В этих беседах ему помогали переводчики, которых сибирское начальство предоставляло в его распоряжение. На основании собран-

⁴ Материалы для истории Академии наук: В 10-ти т. СПб., 1886, т. 6, с. 352.

⁵ *Пекарский П.* История императорской Академии наук..., с. 323—324.

ных таким образом материалов ученым были написаны многие страницы «Истории Сибири», обессмертившей его имя.

По словам историка А. И. Андреева, «общение с различными группами населения сибирских городов и уездов давало в руки Миллера не только устные сведения, тщательно им записываемые, но и источники письменные, вроде знаменитой Ремезовской летописи, приобретенной в 1734 г. при сильном воздействии... тобольского губернатора А. Л. Плещеева на первоначального владельца рукописи, видимо, не имевшего желания с нею расставаться»⁶.

27 сентября 1734 г. Гмелин и Крашенинников на лодках отправились из Кузнецка вниз по Томи. Одновременно сухим путем выехал в Томск и Миллер в сопровождении нескольких солдат и переводчика. Уже чувствовалось приближение суровой сибирской зимы — шел густой снег, вот-вот морозы скуют воды реки. Поэтому решили плыть круглосуточно. Однако в первую же ночь лодки застряли на мели вблизи деревни Терехиной. Пришлось дожидаться рассвета и просить окрестных жителей снять лодки с мели. Весь следующий день плыли без особых приключений. Однако с наступлением темноты решено было остановиться на ночлег.

Крашенинников воспользовался этой остановкой, чтобы познакомиться с расположенным на берегу Томи селением, которое переводчик называл Мамышевыми татарскими юртами. «У сих татар, — записал Крашенинников в дневнике 28 сентября 1734 г., — юрты очень худо построены, иные наподобие русских изб, иные из досок сделаны, круглые и наподобие башни вверху сведены, и все землю так осыпаны, что издали никак не можно за юрту признать. Двери так малы, что немалому человеку почти ползком лезть в них надобно. А поюу в них нет, а на середине их сделан комель, в котором днем и ночью, зимой и летом огонь непрестанно горит»⁷. Кроме дневника, Крашенинников по поручению Гмелина ведет реестр всем деревням на берегах Томи и определяет расстояние между населенными пунктами. В журнал он заносит на-

⁶ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937, т. 1, с. 64.

⁷ С. П. Крашенинников в Сибири: Сб. док. Новосибирск: Наука, 1965, с. 49.

звания рек, впадающих в Томь, во время стоянок делится своими впечатлениями об увиденном. Так, сохранились сведения об обычаях и одежде местных жителей, их обрядах и верованиях. Особенно красочно описано, как, колотя в барабан, они призывали черта. Путешественники спрашивали, почему не у бога, а у черта помощи просят? Им отвечали: бог помощи оказать не может, поскольку живет высоко, «а черт, так же как и мы, на земле, того ради лучше нам помочь и может»⁸.

Ночью 30 сентября путешественники миновали Змеиный камень. На следующий день Гмелину и Крашенинникову пришлось оставить свое суденышко и ожидать, пока его спустят через Порывной порог, где большие водяные валы с гулом разбивались о камни и скалы.

Утром 2 октября путешественники познакомились с Верхнетомским острогом. В этом месте река Томь, которая большей частью течет на север, вдруг резко поворачивала на запад. Путешественники увидели 20-метровую скалу, расписанную фигурами различных животных. «Скала, — писал Миллер, — состоит из какого-то ломкого камня тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, которую многократно пересекают поперечные жилы другого более мягкого пластующегося камня из талька и кварца. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображениями, возвышается над поверхностью реки приблизительно на две сажени и имеет внизу некоторый выступ, соприкасающийся с рекой, взобравшись на который не без труда, можно прекрасно видеть главную часть фигур. Фигуры выступают как бы на одной доске вверх сажени на три, причем среднее пространство занимает одна из вышеозначенных жилок, идущая горизонтально. Вблизи, направо, на таком же расстоянии от реки, видна другая группа фигур, имеющая только треть вышины предыдущих и вместе с ними простирающаяся на семь сажень в ширину. Отсюда по трещинам между обеими передними частями писанной скалы есть очень трудный проход к более отдаленному углу верхней части, который совершенно таким же образом, как и передние места, украшен фигурами и обращен также к югу. Фигуры иссечены каким-то резцом так, что внутренняя зеленоватая окраска камня совершенно ясно обрисовывает их очертания. Большая часть представляет оленей, серн, козлов,

⁸ Там же, с. 51.

лосей, лошадей и других животных этих мест. Некоторые же дают изображения людей, но все они даны только наружными очертаниями и довольно грубо. Более других замечательна на правой нижней части фигура человека, у которого голова окружена лучами; на верхней передней части — два человека, держащие друг друга за руки. В более отдаленном углу — человек со стадом животных, привязанных одно к другому; в одном месте фигура рыбы, какой нигде больше не удавалось встречать. В нижней части многие фигуры, вследствие чьей-то шалости, сильно обезображены, нередко к старым фигурам прибавлены новые. В верхней же части и в упомянутом дальнем углу, куда никто не мог проникнуть или по трудности пути лишь немногие отважились пробраться, все уцелело и не осквернено. Художник старался воспроизвести только древние очертания фигур, которые легко отличить от более новых»⁹.

3 октября 1734 г. Гмелин и Крашенинников возобновили плавание и спустя два дня приехали в Томск, где уже находился Миллер, с увлечением собиравший сведения о калмыках и бухарцах и изучавший местный архив. Ученые решили дожидаться установления зимнего пути. Вскоре начались морозы, Томь покрылась льдом.

В Томске Гмелин организовал метеорологические наблюдения. «Прежде чем покончить с Томском,— писал он,— я должен упомянуть об одном томском казаке, который в наше время считался у жителей любителем естественных наук. Нам было приятно получить это известие, так как у нас был приказ повсюду, где только возможно, организовать метеорологические наблюдения, а их лучше поручать таким людям, которые уже прежде имели некоторую любовь к наукам, чем таким, которым все это противно. Понятно, что в Сибири весьма мало шансов встретить слишком часто таких людей. Мы познакомились с этим казаком; выпросили его у канцелярии для метеорологических наблюдений, обучили его и оставили ему необходимые приборы, как уже прежде делали в Казани, Тобольске и Ямышеве»¹⁰. Казаком этим был

⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 533.

¹⁰ Цит. по ст.: Тихомиров Е. И. Из истории метеорологических наблюдений в Сибири в XVIII веке.— Климат и погода, 1929, № 4, с. 106.

Петр Саломатов, проводивший наблюдения до 1737 г. Он первым отметил замерзание ртути.

В полдень 26 ноября академический отряд покинул Томск и 6 декабря прибыл в Енисейск, проехав 628 верст за 11 дней. «Когда мы в сей город приехали,— писал Крашенинников в дорожном журнале,— такие морозы великие стояли, что иногда за пылью, которая от жестоких морозов бывает, в 10 сажнях человека видеть невозможно. В Туруханске или в Мангазейске городе, который стоит на реке ж Енисее, близ устья, где оная река в море впа-ла, морозы гораздо больше бывают, а ежели встанет там вьюга, то никто никогда из двора не выходит, понеже хотя 10 сажен отойдет от двора, опять его не найдет. Отчего иные и замерзают, о чем самовидцы сказыва-ют»¹¹. В Енисейске Гмелин основал метеорологическую станцию, действовавшую несколько лет.

5 января 1735 г., когда путешественники находились в Енисейске, ударил необычайно сильный мороз. «Вороны и воробьи,— писал Гмелин,— падали на землю как мерт-вые, и их можно было оживить, только внеся сразу в теп-лую комнату. Жители говорят, что такие случаи все же редки. Мне передавали, что в лесах было найдено много окоченевших от мороза зверей и что много людей, застиг-нутых в дороге, были так охвачены морозом, что у них даже кровь в жилах застыла»¹².

13 января 1735 г. путешественники отправились в Красноярск, до которого благополучно добрались на ше-стой день. Здесь Миллер составил «Описание Краснояр-ского уезда», Гмелин основал очередную метеорологиче-скую станцию.

Наряду с изучением животного и растительного мира Сибири Гмелин очень много внимания уделял ее клима-тическим особенностям, на которых он впоследствии не раз останавливался в своем классическом труде «Сибир-ская флора». «Стужа сибирского воздуха,— писал он,— паче всех качеств его достойна примечания, от которой реки рано становятся и поздно проходят, и снега еще в сентябре месяце нередко выпадают, против того и в мае не везде сходят. Хлеб, ежели в августе месяце не созреет, едва надеяться можно, чтоб дошел, а в Енисейске неког-

¹¹ С. П. Крашенинников в Сибири, с. 57.

¹² Цит. по ст.: Тихомиров Е. И. Из истории метеорологических на-блюдений..., с. 104.

да случилось, что он снегом запал, когда время жатвы еще не наступило»¹³.

1 февраля 1735 г. Миллер отправил Крашенинникова в Овсянскую пещеру, расположенную в 221 версте от Красноярска. Крашенинников вместе со служителями расчистил дорогу и подготовил лестницу для того, чтобы можно было рассмотреть живописные изображения на верхней части пещеры. «Сей камень,— отмечал Крашенинников,— от природы есть кирпичного цвету и вышиною не менее 60 сажен. В 3 саженьях от льду (повеже он над самою рекою стоит) помянутый камень мелом, как видится, вымазан, а по мелу красною краскою фигуры изображены. Первая и знатнейшая из них человек на звере»¹⁴.

В течение двух дней Крашенинников готовил лестницы и приспособления для осмотра писаницы. 4 февраля приехал Гмелин в сопровождении художника и геодезиста. Осматривая скалу, не заметили, как наступила ночь. Крашенинников зажег пучки смолистой лучины, и при свете этих своеобразных факелов ученые закончили осмотр пещеры. Гмелин приказал срисовать наскальные рисунки. На следующий день профессор вместе с геодезисом обследовал нижнюю пещеру, находившуюся поблизости от «писанного камня».

18 февраля ученые снова были в пути — сначала направились в Иркутск, а затем в Селенгинск и Кяхту знакомиться с «редкими жителями» того края, их обычаями, верованиями, историей. Путешественников поразило резкое отличие Восточной Сибири от Западной. «От Енисея реки как на восток, так на юг и на север,— писал впоследствии Гмелин,— земля другой вид имеет, и не знаю, какую другую силу получила; хребты и холмы сперва попадались местами, а там уже вся страна была гориста и красотою долин и степей, между гор лежащих, никакой стране не уступала. Оказывались звери нигде неизвестные, как например кабарги или степные бараны. Не попадались уже травы, везде в Европе растущие, но вместо них новые и в Европе незнаемые помалу появлялись. Сверх того, чистые, светлые и здоровые воды, вкусные рыбы и птицы и самый различный род тамошних на-

¹³ Гмелин И. Г. Предисловие к первому тому «Флоры сибирской» / Пер. С. П. Крашенинникова, СПб., 1749, с. 68—69.

¹⁴ С. П. Крашенинников в Сибири, с. 62—63.

родов довольно доказывали, что там особливая часть света»¹⁵.

Летом 1735 г. ученые посетили Нерчинск и Читу. Путешествовали они то на лошадях, то на плотах, то на дощаниках. 6 июля Миллер в сопровождении Крашенинникова предпринял поездку к аргунским серебряным заводам. Когда переправлялись через реку Шилку, начался такой сильный дождь, что за несколько минут путешественники промокли до костей. По словам Крашенинникова, дождь шел два дня и две ночи «и в дороге не малою помехою был». Несколько дней путешественники посвятили сбору материалов, на основании которых затем Миллер составил «Историческое описание Аргунских серебряных заводов», оставшееся, к сожалению, неопубликованным. В Нерчинске, где не удалось сыскать грамотного человека, академики оставили студента Василия Третьякова для продолжения метеорологических наблюдений. Кроме того, он обязан был проводить, «когда море Байкал вскрыется и сколько долго оно от льду не очистится», а в журнал наблюдений записывать повышение и понижение уровня в озере и отмечать, в какое время на его поверхности «нефть плавает». «А понеже, — подчеркивал Гмелин в наставлении Третьякову, — временами трясение земли случается, то тебе прилежно записывать, в который день и в который час оно учинилось и движение земли толи коли снизу кверху было или подобно волнам примечено; сколько долго такое трясение продолжалось, много ли раз в одно время трясась и как сильны оные трясения были. Силу трясений можешь ты тем описать, когда объявишь, звонили ли колокола тогда сами от себя, сбрасывало ли от того кровли хором и прочее»¹⁶.

27 июля 1735 г. Миллер и Гмелин в сопровождении переводчика Яхонтова, художника Люресниуса и проводника из солдат местного гарнизона выехали к остаткам старинной крепости в 10 верстах от реки Аргуни. Достигнув устья реки Чаны, путешественники отправились на поиски укрепления. Вместо древнего покинутого города Миллер обнаружил остатки земляных валов крепостных бастионов и колодцев. Затем осмотрели развалины укреплений на западном берегу Аргуни и остатки древне-

¹⁵ Гмелин И. Г. Предисловие..., с. 44—45.

¹⁶ Тихомиров Е. И. Инструкция русским метеорологическим станциям XVIII века, — Изв. ГГО, 1932, № 1/2, с. 10.

го земляного вала, кое-где уже до основания разрушенного дождями и ветрами. Кочующие тунгусы рассказали Миллеру, что этот вал берет начало в стенах Монголии и уходит далеко на север в Забайкалье.

«Старался я узнать, но безуспешно,— писал Миллер,— не сохранилось ли у тунгусов какого-либо предания об истории этих укреплений и вала... Упомянутые укрепления, кажется, служили лагерною стоянкою (где древние властители этих стран, проводившие кочевую жизнь под шатром, собирались только вследствие военных обстоятельств), чем постоянным местопребыванием. На более возвышенных местах укрепления по ту сторону Аргуни находилось, кажется мне, местопребывание князя или вождей его, а небольшие ровики в том же укреплении, по моему мнению, составляли межи жилищ отдельных семей, так что упомянутый вал, вероятно, служил границей между различными народами»¹⁷.

Особенно заинтересовали Миллера могильные курганы Забайкалья. Ни в Красноярске, ни в Иркутске, ни в Селенгинске он ничего не слышал о подобных памятниках древности. И теперь, путешествуя по окрестностям Нерчинска, он заметил множество их на берегу рек Уды, Шилки и на равнинах между Аргунию и Оноком. Миллер решил провести археологические раскопки. Были тщательно обследованы два захоронения, которые Миллер описал в статье «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском». Уже после того как он возвратился из нерчинского путешествия в Удинск, один из местных жителей сообщил ученому, что «в гористых местностях рек Кемника и Джиды, впадающих с запада в Селенгу, на обрывистых скалах часто видны изображения животных и иные фигуры, хорошо известные в других местах по писанным камням»¹⁸.

Человек, передавший это известие, заслуживал всякого доверия. Но академический отряд уже собирался возвращаться в Иркутск, и Миллеру, по его словам, с великим сожалением пришлось отказаться от мысли самому посетить эти места. Не имел возможности академик послать в те места и кого-либо из своих спутников — надо было спешить. Тем более, что в Удинск уже прибыло судно, на котором отряд должен был переправиться через

¹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 517.

¹⁸ Там же, с. 519.

Байкал. Однако судно оказалось малю. Пришлось посылать нарочного в Селенгинск, тот через две недели пригнал в Удинск три дощаника. 15 сентября отряд спустился в устье Селенги, где два дня переждал шторм.

17 сентября установилась «способная погода». Едва суда вышли в плавание, как поднялся сильный ветер. С большим трудом суда были дотянуты бечевой до Соболева отстоя. Здесь каждое судно отдало по два якоря и пришвартовалось двумя канатами к берегу. Шторм усиливался. Снасти лопались одна за другой. Один из дощаников, на котором находился Крашенинников, ветром развернуло, якорь оторвался. «Итак,— писал Крашенинников,— мы в немалом страхе были. Потому что, если бы снастей опять на берег вывести не успели, то, без сомнения, и другой бы якорь оторвало, понеже погода гораздо большая поднялася. И так бы нас, отогнав от берегу, на середку Байкала отнесло. Большого страха причиною было наше судно, которое таким шатким оказалось, что и в небольшую непогоду опрокинуться могло. Тем более, что подобное уже случалось. Потом, как мы через Байкал ехали, наше судно дважды чуть не опрокинулось»¹⁹.

19 сентября академический отряд с трудом достиг Иркутска, где уже находился Делаacroer, совершивший переход от Тобольска вместе с партией Чирикова.

21 января 1736 г. Миллер и Гмелин отправили Крашенинникова и геодезиста Иванова на реку Баргузин для исследования теплого ключа, бьющего из горы и стекающего в реку в верстах около 10 от берегов Байкала. Путешественники по дороге посетили Итанкинский острог. Крашенинников, которого Гмелин снабдил гигрометром, «пробовал тягость и легкость вод» в Никольской заставе на Ангаре и вблизи Голоустного зимовья и Посольского монастыря на Байкале, у Кабанского острога на реке Кабанке и в Ильинском остроге на реке Селенге. В Баргузине Крашенинников и Иванов просмотрели старые приказные дела. Здесь они узнали, что поблизости имеются «иные теплые воды», вытекающие из-под земли тремя ключами. Сливаясь вместе, они образуют речку. От воды исходил крепкий неприятный запах, похожий на «протухлые яйца». Исследованию минеральных источников путешественники посвятили два дня, сделав их опи-

---

¹⁹ С. П. Крашенинников в Сибири, с. 83.

сание на латинском языке. Было определено местоположение Баргузина, составлен словарь тунгусского языка, сочинен «реестр деревьям, зверям, рыбам и птицам» и собраны сведения о верованиях тунгусов, «богатстве, разделении родов и количестве».

Затем Крашенинников и Иванов направились к речке Горячей и отыскиали ключи, исследование которых было главной целью их поездки. Вода в них оказалась горячеей, чем в источниках вблизи Баргузина. По словам путешественников, в этой воде можно было варить и яйцо, и мясо. По крайней мере кусок говядины, который сутки лежал в источнике, стал мягким до такой степени, что проводник «оное мясо съел». Геодезист Иванов составил план ключей, а Крашенинников исследовал состав их вод.

Закончив изучение минеральных источников, Крашенинников и Иванов двинулись в Верхоленск. Благополучно добравшись туда 1 марта 1736 г., они приступили к производству метеорологических наблюдений и сбору статистических и этнографических материалов.

26 марта Крашенинников получил письмо от Миллера. В нем содержалось поручение изучить в Верхоленске старинные архивные дела, описать острог, составить реестр слободам и деревням, отметив при этом, на каких реках или речках они находятся. Просмотрев архивы, Крашенинников и Иванов сняли копии с документов, по их мнению, имевших отношение «до истории Верхоленского острога».

Вскоре к путешественникам присоединился Делаacroер. Втроем на дощанике они спустились вниз по Лене, описывая «по морским компасам» течение и берега и отмечая на карте «впадающие в нее реки и речки и прочие урочища»²⁰. Из Турской слободы Крашенинников отправил Миллеру и Гмелину отчет о своих работах, описание Лены и скал с древними рисунками, которые в нескольких местах имелись на правом берегу реки, между Верхоленском и деревней Категой, и которые подробно описаны в «Истории Сибири». Летом 1736 г. Крашенинников прибыл в Якутск, где встретился с академиками Миллером и Гмелиным.

27 февраля 1736 г. ученые добрались до Илимска. Здесь они приступили к изучению архивных дел, Посколь-

²⁰ Там же, с. 121.

ку документов было немного, Миллер занялся «раскладыванием их по годам» и поручил студентам делать из них выписки. «Сей труд,— писал Миллер,— подал мне великую ясность в обстоятельном познании подлинного состояния архива. Притом удостоверился я, что впредь на чужие глаза не следует надеяться. С этих пор, сколь архивы ни были велики, я просматривал все дела сам и имел от того такую великую пользу, которая, может быть, в последующие времена явна будет»²¹.

Из Илимска Миллер и Гмелин двинулись в Якутск, где находился Беринг с морскими офицерами. Одним из них предстояло идти на север, другим — к неведомым берегам Северо-Западной Америки.

В якутском архиве Миллера ждали уникальные находки — сохранились документы не только о первых походах россиян в Сибирь и освоении этой страны, но и об их замечательных плаваниях через полярные моря из Лены в Тихий океан. Задача, над которой трудились северные отряды второй Камчатской экспедиции, по свидетельству документов, уже была решена смелыми землепроходцами XVII в. Особенно поразило Миллера известие о плавании казаков Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы в Тихий океан к устью реки Анадырь. «Сие известие об обходе Чукотского Носу,— писал Миллер,— такой важности есть, что оно паче вышешписанных примечания достойно, ибо известие есть, что прежде никогда подлинно не знали, не соединилась ли в сем месте Азия с Америкою, которое сомнение и к первому отправлению господина командора Беринга в Камчатку причину подало. А ныне в том уже никакого сомнения больше не имеется»²².

Далее Миллер первым из историков подробно рассказывал о плаваниях Федота Алексеева, Герасима Анкудинова и Семена Дежнева вокруг Чукотского Носа. При этом на всем пути от Колымы до Тихого океана мореходы не встретили, очевидно, больших трудностей, потому что в их отписках «ни о каком страхе не упомянуто»²³.

²¹ Цит. по кн.: Пекарский П. История императорской Академии наук..., т. 1, с. 325—326.

²² Цит. по кн.: Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Географгиз, 1950, с. 258.

²³ Там же, с. 259.

При вступлении в Тихий океан был разбит коч Герасима Анкудинова. Находившиеся на нем мореходы перребрались на два других судна; несмотря на позднее время (сентябрь) они счастливо обогнули Чукотский Нос. Мореходы усмотрели к востоку от него два острова, на которых жили люди, украшавшие свое лицо моржовыми зубами. Потом Миллер подробно описывал, как во время бури кочи Федота Алексеева и Семена Дежнева были разлучены. Коч Дежнева долго носило по морю и только 1 октября выбросило на берег за рекой Анадырем. Дежнев поставил на Анадыре острог, построил новые суда и собирался предпринять поход вокруг Чукотского Носа к устью Колымы, а возможно, и Лены. Однако за неимением крепких парусов, канатов и якорей, он не решился отправиться в этот дальний путь, тем более что море по «скасам тамошних народов не во всякий год от льду чисто бывает»²⁴. Дежнев использовал эти суда для ознакомления с ближайшими районами. В 1654 г. в коряцком селении, мужское население которого при приближении казаков разбежалось, нашел он среди женщин и детей «якутскую бабу», жившую некогда у Федота Алексеева в Якутске, и «та баба сказала, что Федотово судно разбило близ того места, а сам он, Федот, поживши там несколько времени, цингою умер, а товарищи его иные от коряков убиты, а иные в лодках неведомо куда убежали»²⁵. Среди них находился сын Федота Алексеева. Он якобы поселился на Камчатке вблизи устья реки, которую и теперь называют Федотовкой.

Собранные в якутском архиве сведения Миллер изложил в труде «Известия о Северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран». Отрывок из этого сочинения он вручил Берингу, переславшему затем его в Петербург президенту адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину. «Известие», безусловно, повлияло на решение высших морских кругов продолжать исследования северных берегов России, которые по причине неудач и больших жертв едва не были приостановлены.

Наряду с краткой историей мореходства по полярным водам России Миллер в своих «Известиях» приводил свидетельства русских землепроходцев о том, что Северо-Западная Америка находится недалеко от Чукотского Носа.

²⁴ Там же, с. 260.

²⁵ Там же, с. 261.

Эта земля «не малой величины» и «на полдень зело далеко распространяется, ибо чукчи оттуда и куниц получают, которые не в столь студеных местах находятся, но где гораздо теплее бывает»²⁶.

Миллер поставил под большое сомнение вопрос о существовании «великой земли на Ледовитом море». Сведения, которые удалось собрать ученому, не удовлетворяли его. Миллер находил их малоубедительными, чтобы делать какие-либо заключения. Вряд ли так называемая великая земля обитаема неизвестным народом. «А о жителях,— писал он,— и рассуждать нечего, понеже о них и подлинных признаков не найдено, да и не можно надеяться, чтобы какой народ в той жестокой стране, около которой ни летом, ни зимою лед не тает, долго жить или бы там плодиться мог»²⁷.

Материалы, собранные в якутском архиве, послужили впоследствии основой для уникального труда Миллера о русском полярном мореплавании в XVII—начале XVIII в.

Что касается Гмелина, то профессор прежде всего со своими помощниками занялся пополнением зоологической и ботанической коллекций и устройством метеорологических наблюдений не только в Якутском крае, но и в Охотске и на Камчатке. Узнав, что якутская канцелярия отправляет на Анадырь чиновника для сбора ясака, естествоиспытатель рассудил привлечь его для получения сведений о том далеком и труднодоступном крае. Особенно он просил записывать сведения о том, «какова бывает погода около Анадырского острога, случаются ли великие дожди и снега, бывает ли часто сильный гром, не бывает ли великой пурги и в которое время, не усматривается ли иногда и в зимнее время в северной стороне великого снегу или огненных столбов, с которых пор бывает самая великая стужа и сколь глубоко земля летом тает»²⁸.

Подобных поручений Гмелин сделал великое множество. Значительная часть из них дала результаты. Полученные таким образом сведения были им обработаны и переправлены в Петербург. Внимательно следил Гмелин за состоянием метеорологических наблюдений на ранее созданных им станциях. Он лично проверял обсервации,

---

²⁶ Там же, с. 262.

²⁷ Там же, с. 263.

²⁸ Тихомиров Е. И. Инструкция..., с. 12.

заботясь о том, чтобы они охватывали возможно более широкий круг геофизических явлений.

Особое внимание во время пребывания в Якутске Гмелин обратил на изучение вечной мерзлоты. «18 июня,— писал он,— мы решили копать в Якутске землю на высоком месте до тех пор, пока не дойдем до мерзлоты. Земля простиралась примерно на 11 дюймов, а под ней лежал слой песку, который был еще рыхлым до глубины 2,5 фута, затем сделался твердым и через 0,5 фута стал настолько твердым, что едва поддавался нашей кирке. Стало быть, почва едва оттаяла на 4 фута. Я велел проделать такой же опыт недалеко отсюда на более низком месте. Здесь слой земли был в 10 дюймов, затем до 2 футов 4 дюймов шел рыхлый песок, а дальше все было замерзшим. В Якутске различные сорта ягод, высоко ценящиеся здесь как лакомство, хранятся без изменения в течение всего года в подвале просто потому, что они никогда не оттаивают, хотя глубина подвала не превышает сажени. Рассказывают, что даже в Аргунском остроге, который лежит несколько севернее 50-й параллели, во многих местах почва не оттаивает больше, чем на полтора локтя, и потому с трудом можно копать колодцы. Как пример, жители рассказывали об одном опыте, который был произведен незадолго до моего приезда. В одном дворе, который лежал поодаль от реки, хотели вырыть колодец и для этого постепенно оттаивали почву и затем прокопали ее на несколько сажен. Шахта была прорыта на полторы сажени ниже уровня Аргуни, и все же в колодце не собралось ни капли воды»²⁹.

Таким образом, Гмелину принадлежит первая попытка исследовать вечномерзлую почву в Сибири, изучение которой затем будет привлекать многих ученых, в том числе академиков К. М. Бэра и А. Ф. Миддендорфа.

Четвертый год сибирского путешествия Гмелин почти целиком провел в Якутске. Его помощники набили множество чучел птиц и мелких зверей. Великолепны были сборы растений. Художники сделали более 100 рисунков представителей местной фауны и флоры. Гмелин готовил несколько работ, где подводил итог своим изысканиям.

8 ноября 1736 г., когда ученые были в гостях у Беринга, в доме Гмелина вспыхнул пожар. Спасти ничего

²⁹ Цит. по ст.: *Тихомиров Е. И.* Из истории метеорологических наблюдений..., с. 104.

не удалось. Однако Гмелина огорчало не столько это, сколько то, что пропали плоды целого года научных изысканий, результаты, по его словам, «истинно похвальнейшие были» по сравнению с наблюдениями и обсервациями прежних лет. «Рисунков,— писал он,— более ста было, из которых только восемнадцать осталось, т. е. которые у живописцев не отделаны были и у них имелись. Звери и птицы, бумагою набитые, в пепел обратились. История стран забайкальских, которую из Иркутска чрез письма обещал прислать, сгорела ж. Также обсервации все пропали, которые чрез три года и больше о птицах, рыбах, четвероногих, змеях и мухах с прилежным старанием сочинил. Как описи, так и образцы грибов все пропали. Оригиналы всех рисунков, как обсерваций писанных, с которых копии в Петербург с дороги посылали, все погорели. Протокол, или записная книга наша дорожная, сгорела же»³⁰.

То была невосполнимая потеря. В следующем году Гмелину пришлось многое начинать заново. Удручало и другое — его товарищ по путешествию, профессор Миллер заболел. Намерение посетить Камчатку пришлось отложить. Руководитель экспедиции Беринг не гарантировал, что обеспечит Миллера, Гмелина и их свиту всем необходимым, и в первую очередь продовольствием, во время их пути на Камчатку и пребывания там. Не обещал Беринг немедленно перевезти ученых и через Охотское море, так как его суда еще не были построены и неизвестно, когда можно было начать плавание к Америке и Японии.

Гмелин и Миллер решили отправить на Камчатку Крашенинникова, поручив ему построить светлицы на случай приезда отряда и собрать материалы об истории, народах и природе этого далекого труднодоступного края.

Миллер и Гмелин, покинув Якутск, отправились в путешествие по Лене. В Киренске ученые расстались. Причиной тому был недуг Миллера. Решено было, что Гмелин останется в Киренске, а Миллер отправится в Иркутск, где можно было рассчитывать на медицинскую помощь. «Сия болезнь,— писал Гмелин в Академию наук,— состоит в жестоком биении сердца и превеликом страхе, который по переменам проходит, а иногда три и четыре

---

³⁰ *Пекарский П.* История императорской Академии наук..., т. 4, с. 436.

дня не перестает с таким движением пульса, что я часто обмороков опасался»³¹.

В Иркутске болезнь Миллера усилилась. Он был не в состоянии привести в порядок собранные им материалы по истории и географии Илимского, Якутского и Иркутского уездов. 10 декабря 1737 г. ученый решил отправить письмо в Петербург с просьбой об отзыве его из второй Камчатской экспедиции. При этом Миллер просил разрешить ему на обратном пути посетить новые места — он намеревался завершить исследование сибирских архивов.

Весной 1738 г. Миллера навестил Гмелин, и они вместе отправились в Енисейск. Гмелин также послал рапорт в Академию наук, в котором просил разрешить возвратиться в Петербург. По дороге в Енисейск ученые вели наблюдения: один — исторические и географические, другой — ботанические, зоологические и метеорологические. Делали они это тщательно и увлеченно и вскоре даже стали сожалеть (в особенности Гмелин) о том, что отправили письма с просьбой об увольнении из второй Камчатской экспедиции. «Мне уже было много радости от новых растений, которые случалось встречать ежедневно, — писал Гмелин, — и... при виде нового растения у меня тотчас являлось опасение, что эта радость может быть легко сокращена скорым разрешением моего ходатайства»³².

В 1739 г. Гмелин и Миллер предприняли путешествие сначала на север к старинному городу Мангазее, а затем по Енисею поднялись до Саянского острога, обследовали Омайский рудник, Луганский и Ирбанский горные заводы.

Вернувшись в Красноярск 7 октября 1739 г., Миллер застал там бумаги, присланные из Петербурга. Его увольняли «от камчатской поездки» и предписывали следовать в Петербург теми местами, где он еще не был или «в бытность свою довольного времени не имел». Для того чтобы ранее намеченные исследования были успешно завершены, в Сибирь вслед за адъюнктом Георгом Вильгельмом Стеллером был отправлен в помощь адъюнкт Иоганн Эгергард Фишер, которому Миллер должен был передать свой архив. Миллер категорически возражал против это-

³¹ Там же, с. 327.

³² Там же, с. 439.

го распоряжения Академии наук, так как считал, что, если у него заберут собранные им обширнейшие материалы, его путешествие по Сибири «останется бесплодным». Тридцать рукописных книг (фолиантов) Миллер не хотел отдавать в чужие руки.

Миллер отправился на запад, а Гмелин остался в Красноярске. В 1740 г. в Сургуте он встретился с адъютантом Фишером и составил для него подробную инструкцию. Между тем Миллер не спешил в столицу. Он отправился в Березов, где, по его словам, в местном архиве открыл много старинных и полезных известий. С них были сняты копии «для будущего пользования». Одновременно на основании расспросов местных жителей он составил описание «тамошних стран до Ледовитого моря».

«Это путешествие, — писал Миллер, — было мне весьма полезно для полнейшего изучения остяцких и вогульских инородцев, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам заметок о всем, касающемся самоедов»³³.

Летом 1741 г. ученый совершил плавание по Ирбит-реке. Он разыскал интересовавшую его беловатую скалу, на которой красной краской были сделаны рисунки. Многие из них были едва различимы или уже стерлись под действием осадков и ветра. «Я, — писал Миллер, — не колеблюсь сравнить их с рисунками детей или праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь изображения людей, там — животных, ничем органически не связанные... Мне трудно уверить себя, что такие произведения принадлежат людям, которые хотели передать потомству память о себе или своих деяниях»³⁴.

Там же на Ирбите Миллер осмотрел пещеры, но не нашел ничего достойного внимания. Он пытался отыскать на реке Пышме скалу, на которой Страленберг нашел «вырезанные изображения красного цвета». Но его ждали лишь разочарования. «На реке Пышме, — писал Миллер, — ничего подобного не встречается, и в той местности нет скал. Когда я был на этой реке в разных местах, я настойчиво расспрашивал об этом русских и татар, жи-

³³ Там же, с. 329.

³⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 529.

вущих там, но не мог получить известий о какой-либо скале, на которой были бы какие то ни было изображения... Я думаю, что Страленберг был введен в заблуждение ложным рассказом и доставленными ему вымышленными изображениями, насколько мне лично известно, каких нигде во всей Сибири не находится»³⁵.

Прав или не прав Миллер, но очевидно одно — даже к области исторических свидетельств, представлявшихся ему второстепенными, он подходил с исключительным вниманием, стремился предоставить в распоряжение науки самые надежные, самые достоверные источники и сведения. Эта требовательность и взыскательность в научном поиске в итоге обогатили отечественную историю уникальным комплексом исторических источников.

8 июля 1741 г. Миллер прибыл в Екатеринбург, где очень тяжело заболел. Но едва к нему вернулись силы, он отправился в Далматов монастырь и затем посетил крепости Челябинскую, Мияскую и Еткульскую. По дороге в Тобольск на реке Исете он встретился с Гmeliным. В Тобольске ученые пробыли до января 1742 г., когда отправились вместе в Туринск. Здесь Миллер снова заболел. Истощенный болезнью, изнуренный многолетними странствиями, он все же не спешил возвращаться в Петербург. Ученый был полон планов. Он выехал в Соликамск, где ознакомился не только с местным, но и привезенным для него чердынским архивом. Только изучив этот комплекс документов, Миллер мог доложить Академии наук, что он сделал все возможное, чтобы собрать важнейшие материалы по истории Сибири со времени открытия ее русскими.

Из Соликамска Миллер направился в Устюг Великий, затем посетил Вологду. 14 февраля 1743 г. он вернулся в Петербург. Закончилось одно из самых успешных путешествий историка, длившееся почти 10 лет.

Двумя днями позже в Петербург возвратился Гмелин. Вместе с ним приехал и Крашенинников, который по поручению «благородных академиков» почти четыре года провел на Камчатке. Это его путешествие, как и сибирское путешествие Миллера и Гмелина, составило целую эпоху в познании этой далекой земли России. Началось оно летом 1737 г.

---

³⁵ Там же, с. 531.

Вечером 5 июля Крашенинников отправился из Якутска в Охотск. 19 августа Крашенинников увидел Охотское море и небольшой Охотский острог, откуда ему предстояло еще плыть к берегам Камчатки. В Охотске он встретил капитанов Алексея Чирикова и Мартына Шпанберга. Прежде всего Крашенинников занялся устройством метеорологических наблюдений, которые сначала вел сам, а затем поручил служивому Михаилу Попову. Кроме того, по его инициативе вблизи устья реки Охоты был установлен флутшток для наблюдения за приливами и отливами.

4 октября 1737 г. на судне «Фортуна» естествоиспытатель отплыл к берегам Камчатки. В тот же день в корабле открылась течь. Вода прибывала столь быстро, что два насоса не успевали ее откачивать. Чтобы избавиться от неминуемого потопления, сбросили за борт 400 пудов грузов, в том числе многие казенные и личные вещи Крашенинникова. «Провианту моего брошено в море одиннадцать сум,— писал он Гмелину и Миллеру,— также чемодан с бельем и больше у меня ничего не осталось, как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была»³⁶.

14 октября «Фортуна» приблизилась к устью реки Большой, но не смогла в нее зайти. Сильным волнением судно едва не затопило. Попытались стать на якорь, но канаты лопнули. Волной выбросило корабль на «низменную кошку». Здесь путешественники прожили несколько дней. Наконец, 22 октября Крашенинников на небольших пяти «батах» перевез остатки своего имущества в Большерецк.

«Приехавши в Большерецкий острог,— писал ученый Гмелину и Миллеру,— сочинил я имеющимся в здешних местах зверям, птицам и рыбам и растущим около здешнего места деревьям и травам реестры с русскими и камчатскими названиями»³⁷. Он составил словарь чукотского языка и приступил к собиранию у старожилов известий о том, «кто с самого начала бывал на Камчатке и кем она и в котором месте сперва завоевана и от чего она Камчаткою называется»³⁸. На основании расспросов местных жителей Крашенинников к середине декабря

---

³⁶ Там же, с. 555.

³⁷ Там же, с. 559.

³⁸ Там же, с. 561.

заключил исторический очерк, который затем вошел во второй том классического труда «Описание земли Камчатки».

17 января 1738 г. Крашенинников покидает Большерецк, чтобы предпринять свое первое путешествие по Камчатке. Его сопровождают два казака и писарь Осип Аргунов. Естествоиспытатель держит курс к теплым ключам, которые били по берегам одного из притоков реки Большая Баня. Спустя четыре дня он уже исследовал пробы воды и сочинил описание источников, сопроводив его подробным планом. Затем ученый направился к «горящей» горе на реке Аваче, но вскоре его встретил посланный вперед проводник и «объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника» на собачьих упряжках невозможно взобраться даже на подножие вулкана.

2 февраля 1738 г. Крашенинников вернулся в Большерецк и продолжал собирать сведения о Камчатке, о народах, ее населяющих, их вере, обычаях, развлечениях («играх»), занятиях, промыслах.

29 марта путешественники добрались до «курильской землицы», где осмотрели горячие ключи, сняли их на карту и затем составили описание. Крашенинникова интересовали также землетрясения, о которых сообщали местные жители. Одно из землетрясений началось на Камчатке за день до того, как он выехал из Охотска. По рассказам очевидцев, оно продолжалось до весны 1738 г. «В Нижнем остроге трясение земли,—отмечал Крашенинников,—было волнистое. Три вала прошли невдалге один подле другого так сильно, что едва хоромы не попадали, а печи в избах и балаганы падали и колокола звонили»³⁹.

В июне ученый отправился к морю и месяц наблюдал приливо-отливные явления вблизи устья реки Большой, описывал породы рыб и собирал растущие там травы. Осенью он стал готовиться к поездке в Верхнекамчатск, где собирался пробыть несколько недель, а возможно, и месяцев, «потому что там острог негромленный и архив, может быть, от его начала имеется». До Верхнекамчатска он добрался 8 декабря 1738 г. и сразу же приступил к изучению старинных дел местного архива. Документов оказалось чрезвычайно много. Однако в основном это

³⁹ Там же, с. 568.

были челобитные или книги ясачного сбора. «К выписанию годного мало нашлось», — констатировал ученый. Архивные бумаги ни мало не прояснили вопрос о первых русских поселенцах на Камчатке. Он пытался восполнить этот пробел расспросами старожилов, в частности записал рассказы Ивана Лосева и его товарищей «о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности приказчиков». Ученого озадачило «великое несходство» между рассказами верхнекамчатских и большеерецких старожилов.

2 января 1739 г. путешественник направился на семи нартах в Нижнекамчатск. Спустя две недели Крашенинников был у цели. Здесь он пробыл более двух месяцев. Прежде всего были поставлены метеорологические наблюдения. Одновременно ученый приступил к сбору географических, исторических, статистических и этнографических материалов.

18 марта 1739 г. путешественник простился с Нижнекамчатском и направился берегом Тихого океана. «В дороге, — сообщал Крашенинников, — описал впадающие в Восточное море и имеющиеся на вершинах Шемячина-реки горячие ключи и сочинил описание пути от Нижнего Камчатского острогу до Большеерецка, в котором все урочища, реки и речки записывал»⁴⁰.

Летом 1739 г. Крашенинников вел метеорологические измерения, ездил к устью Большой реки наблюдать приливо-отливные течения, хлопотал о постройке жилья для Миллера и Гмелина, которые должны были приехать в скором времени. Но они не появлялись. Более того, от них не было никаких вестей. Крашенинников не знал, дошли ли его рапорты и отчеты с обширными материалами научных исследований и наблюдений. Поэтому «ящики с птицами и рыбами» он решил вывезти лично, как только получит приказ от своих наставников о возвращении в Сибирь. В 1740 г. на Камчатку прибыли Делаacroер и Стеллер.

10 января 1742 г. Крашенинников получил письмо от Миллера, находившегося в это время в Тобольске. Профессор был недоволен тем, что Делаacroер и Стеллер поручали Крашенинникову исполнение лишь административных дел и приказывал «ехать немедленно к нам со всеми при вас находящимися обсервациями и собранными

---

⁴⁰ Там же, с. 594.

по оное число натуральными и прочими курioзными вещами»⁴¹.

Миллер высоко оценивал научные изыскания талантливого студента. В рапортах, отправленных в сенат и Академию наук, он неоднократно отмечал его «особливое трудолюбие» и «отменное искусство» в исполнении поставленных перед ним научно-исследовательских задач, подчеркивая при этом, что его успехи доставляют академикам «совершенное довольство» и радость. Гмелин писал в Академию наук, что молодой ученый Крашенинников создал изрядные труды и заслуживает самой высокой награды, так как во время путешествия он превзошел своих товарищей «добрыми поступками».

Как отмечалось, вместо Миллера Академия наук отправила во вторую Камчатскую экспедицию адъютанта Фишера, до тех пор бывшего директором академической гимназии. В сопровождении переводчика Якова Линденау он покинул Петербург 4 октября 1739 г. и в июне 1740 г. встретился с Миллером в Сургуте. Академик обещал к осени подготовить для своего младшего коллеги подробную инструкцию о проведении исторических наблюдений, и в первую очередь на Камчатке. Вскоре они расстались. На пути к Охотску он обследовал местные архивы. Дорожные наблюдения он запечатлел в историко-географических описаниях пути между Тоболом и Леной, в которых содержатся оригинальные материалы по географии, истории и этнографии Сибири.

В июле 1741 г. Фишер приехал в Якутск, где жил более года. В августе следующего года он отправился в Охотск, где вскоре был арестован и под конвоем отправлен назад в Якутск, куда его доставили 3 апреля 1742 г. На положении арестанта Фишер оставался недолго. Якутская канцелярия допросила его обвинителей и, уличив их в клевете, приняла решение освободить ученого. Фишер после этого неприятного приключения направился не на восток, а на запад. Вскоре он получил указ Академии наук, которым ему предписывалось встретиться со Стеллером и вместе с ним вернуться в столицу. Особенно долго он пробыл в Томске, где дожидался Стеллера. За время пребывания в Томске он собрал интересные материалы как географического, так и исторического характера.

⁴¹ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 2, д. 7, л. 140.

«Судя по тому, что в бумагах Фишера, относящихся ко времени пребывания в Томске в 1745—1746 гг., — отмечает А. И. Андреев, — оказалась копия грамоты 7065 г. (1557 г.) царя Ивана Васильевича Певгею — одному из князей Орекордской и Сорикидской земель, надо думать, что находкой этого интересного документа, все еще недостаточно изученного, мы обязаны Фишеру»⁴².

23 февраля 1746 г. Фишер покинул Томск. В декабре 1746 г. ученый добрался сначала до Москвы, а затем и до берегов Невы. Все время он вел дорожные наблюдения, посвятив им работу «Описание пути от города Тобольска чрез Москву до Санкт-Петербурга и притом разные известия о разных народах, яко: татарах, вогуличах, пермяках, вотяках и черемисах, которые обретаются на том пути».

Всего Фишером было представлено в Академию наук 28 рукописей и обсерваций. Они представляют определенный интерес. Его исторические, этнографические и географические работы, содержащие нередко уникальные сведения и данные, должны «занять свое место в богатой сокровищнице материалов и трудов участников второй Камчатской экспедиции»⁴³.

Интересные исследования выполнил переводчик Яков Линденау, который, хотя и должен был сопровождать Фишера, большую часть своих путешествий по Сибири совершил самостоятельно. В 1741 г. он закончил описание пути по Лене с характеристикой впадающих в нее рек и речек. Затем с позволения Фишера он переехал в Охотск и собрался в 1742 г. плыть на Камчатку, но судно «Елизавета» было застигнуто в море штормом и отнесено к югу от Амура. Вернувшись в Охотск, Линденау занялся сбором сведений о крайнем востоке России. В это время им было составлено «Географическое описание реки Анадыря» и «Описание Чукотской земли». Кроме того, им было составлено описание сухопутной дороги между Охотском и Анадырем. По мнению А. И. Андреева, эти труды исследователя принадлежат к числу первых и самых ранних описаний северо-востока Сибири, Чукотской земли, соседних островов и даже «Большой Земли»⁴⁴. К этим трудам Линденау составил карту, которая не

⁴² Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1963, вып. 2, с. 300.

⁴³ Там же, с. 302.

⁴⁴ Там же, с. 304.

дошла до нашего времени. Кроме того, ученым были отправлены изустные сведения о сибирских реках на пространстве от Индигирки до Колымы, а также об островах на Ледовитом море и о народах, живущих по берегам Северного Ледовитого и Тихого океанов. В 1743 г. Линденау предпринял путешествие из Охотска в Ямский острог, а в 1744 г. в Удский острог, где прожил до конца февраля следующего года. Обратный путь он проделал частью на нартах, частью пешком.

Линденау собрал ценнейшие сведения об Удском остроге, реке Уде, Медвежьих и Шантарских островах и обобщил их в обширном «Описании пути от Якутска до реки Торума и обратно». Научный интерес представляло «Описание о реке Амуре».

В Якутске Линденау получил указ Академии наук. Его, как и других ученых, отзывали в столицу. Часть возвратного пути он проделал вместе со Стеллером, в Петербург возвратился 21 августа 1746 г.

Итак, исследования представителей Академии наук, участвовавших во второй Камчатской экспедиции Беринга, продолжались 13 лет. Труды Миллера, Крашенинникова, Гмелина, Стеллера, Горланова, Красильникова, Фишера и многих других была заново открыта Сибирь, и прежде всего ее история и природа. Созданные путешественниками фундаментальные труды «История Сибири», «Сибирская флора», «Описание земли Камчатки», сотни уникальных географических карт, тысячи метеорологических наблюдений, уникальные исторические документы обогатили науку великими достижениями, о значении которых будет речь впереди. А пока возвратимся к морским отрядам, начавшим исследования в Арктике в то самое время, когда академики развернули свои исследования в Сибири.

Исследования на Севере России

Весной 1733 г. в Тобольске по распоряжению прибывшего туда Мартына Шпанберга была начата сначала заготовка леса, а затем постройка дубель-шлюпки. Руководил работами корабельный подмастерье Коротаев.

26 января 1734 г. Беринг осмотрел построенное судно, которое имело в длину 70, а в ширину 15 футов. Его

назвали «Тобол», по имени реки, на которой дубель-шлюпка предстояло начать свое плавание сначала к Оби, а затем к Северному Ледовитому океану. Первым на север отправлялся лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын, в юности участвовавший в плавании к берегам Испании. Под его командой находилось 56 человек, в том числе геодезисты из академического отряда Моисей Ушаков и Федор Прянишников. В экспедиции участвовали подштурман Дмитрий Стерлегов, рудознатец Захар Медведев и штурманский ученик Федор Конищев. Отряд был снабжен необходимыми инструментами и припасами, которые были погружены на небольшие плоскодонные суда — дощаники.

14 мая Овцын со своими спутниками распрощался с Тобольском. Его провожали Миллер, Гмелин и Чириков. «Тобол» в сопровождении дощаников направился вниз по Иртышу. 1 июня караван достиг Березова, здесь отряд задержался на три дня, чтобы провести переговоры с местными властями — им вменялось в обязанность оказывать помощь путешественникам.

11 июня «Тобол» отдал якорь у Обдорска. Отсюда путь лежал в Обскую губу. Из-за того, что дощаники не могли справляться с сильным волнением, их пришлось разгрузить и на берегу соорудить продовольственный склад. Вскоре начались мели. Они сильно затрудняли плавание, в результате «Тобол» достиг устья Тазовской губы лишь 31 июля. Губа была промерена и положена на карту Стерлеговым и геодезистом Ушаковым. На ее берегу моряки соорудили навигационный знак. Он должен был служить маяком для их товарищей, которые под начальством лейтенанта С. В. Муравьева прибывали сюда морем из Архангельска.

Чем дальше к северу поднималась дубель-шлюпка, тем опаснее становилось плавание. И хотя мели встречались уже реже, но все чаще дули крепкие ветры. Однажды во время шторма у дубель-шлюпки выбило руль. Когда появились льды, поврежденное судно не в состоянии было с ними бороться, до выхода в Северный Ледовитый океан оставалось еще много сотен верст. К тому же в начале августа выпал снег. Зимовать за 70° с. ш. с очень скромными запасами продовольствия было рискованно. Дмитрий Овцын созвал совет. Решено было прекратить плавание и возвращаться в Обдорск. Но прежде чем повернуть назад, Овцын приказал подштурману Стер-

легову и геодезисту Выходцеву на ялботе продолжить опись Обской губы дальше к северу.

4 сентября 1734 г. «Тобол» встал на зимовку в Обдорске. Вскоре туда прибыли Стерлегов и Выходцев. Расставшись с отрядом, они несколько дней пробирались между льдинами к северу. Исследователи каждый день наносили на карту новые участки побережья Обской губы. Но настал день, когда льды окружили их судно. Путешественники не теряли надежды, что ветер разгонит льды, и они снова выйдут на открытую воду. Но северный ветер все крепче и крепче сжимал льдины. Они угрожающе сталкивались и громоздились. Ялбот не выдержал напора льдов. Его обшивка лопнула, и он пошел ко дну. Стерлегову и его спутнику пришлось много дней тащиться по тундре до обжитых русскими мест.

Таким образом, поставленная перед отрядом задача — совершить плавание из Тобольска к устью Енисея — не была выполнена. Из-за «великих льдов» и сильных встречных ветров не удалось ее решить и в следующем году. Льды простирались за 68° с. ш., из чего путешественники пришли к заключению, что Обская губа летом 1735 г. полностью не вскрывалась.

Адмиралтейств-коллегия, которую в конце 1735 г. посетил Овцын с картами и журналами, решила построить новое, более удобное для плавания судно, но поскольку оно не было закончено к навигации 1736 г., Овцыну снова пришлось плыть на пришедшем в ветхость «Тоболе». 5 августа 1736 г. путешественники достигли $72^{\circ}40'$ с. ш., однако сплошная стена льда не позволила им выйти из Обской губы в Северный Ледовитый океан.

Гораздо успешнее был сухопутный поход казачьего десятника П. Лапотникова. В 1735 г. он предпринял путешествие сначала по восточному берегу Ямала и благополучно достиг его северной оконечности, затем спустился на юг и, перейдя Обскую губу, направился снова на север по западному берегу полуострова Ямал. На его западном и восточном берегах были поставлены навигационные знаки, на которые мог ориентироваться морской отряд во время плавания в устье Обской губы. Важный вклад в изучение Гыданского и Енисейского севера внес геодезист Ф. Прянишников. Со своими спутниками он обследовал Тазовскую губу и реку Таз. Когда начался ледостав, он бросил лодку и на оленях отправился на восток.

Вскоре после возвращения из третьего плавания Овцын отправил в пешее путешествие двух геодезистов. Прянишникову он поручил обследовать западный берег Енисея в его нижнем течении. Эта задача была путешественниками успешно решена, и, когда Овцын с корабельным мастером И. Н. Кошелевым прибыл на судах «Тобол» и «Обь-почтальон» к устью Енисея, здесь их встретил Прянишников и показал вход в великую сибирскую реку. Не менее важен был поход Выходцева, который поднялся по западному берегу полуострова Ямал до $72^{\circ}51'$ с. ш., пересек его и обследовал западный берег Гыданского залива, а также реку Гыду.

В конце июня 1737 г., как только устье Оби освободилось от льдов, Овцын вышел в четвертое плавание. На этот раз, кроме дубель-шлюпки под командой Ивана Кошелева, в его распоряжении имелся бот «Обь-почтальон». Морякам удалось выйти в море и достигнуть $74^{\circ}02'$ с. ш., где они встретили большие скопления непроходимых льдов. Соорудив маяк на острове, который ныне носит имя Шокальского и который ошибочно приняли за северо-западную оконечность восточного берега Обской губы, путешественники направились на восток. По пути к Енисею им встретились киты и стада белух. Шли по чистой воде. Лишь в отдалении виднелись льды. В последний день августа приблизились к устью великой реки. То был Енисей. Едва легли курсом на юг, как показалась лодка — навстречу морякам ехал ученик геодезии Федор Прянишников. Он показал вход в Енисей и привел их к складу припасов, устроенному по поручению сибирских властей вблизи устья реки Гольчихи. Здесь путешественники пополнили запасы продовольствия и 2 сентября возобновили плавание вверх по Енисею. Спустя месяц начался ледостав. Овцын укрыл свой бот в устье реки Ангутихи, а Иван Кошелев завел дубель-шлюпку «Тобол» в реку Денежкину. Путешественники на берегу Енисея выстроили зимовье, состоявшее из дома, бани и амбара, в котором хранились припасы и снаряжение. «А во время следования его между обским и енисейским устьями островов, лежащих на Северном море против сибирского берега к норду, и кочующих никаких народов не видал,— писал Беринг о плавании Овцына,— и рудознатца во многих местах рек и на морской берег для искания руд в пристойным конвоем спускал, токмо никаких руд не

сыскали, и рудознавец объявил, что земля мерзлая и песчаная»¹.

Зимой Овцын выехал в Туруханск. Здесь он привел в порядок свои журналы. В декабре 1737 г. он отправил донесение в адмиралтейств-коллегию, рапорт и письмо Берингу. Успешное плавание «Тобола» и «Оби-почтальона» весьма обрадовало руководителя экспедиции. Он писал Овцыну:

«Государь мой, Дмитрий Леонтьевич!

Желаю Вам здравия и благополучия на множество лет.

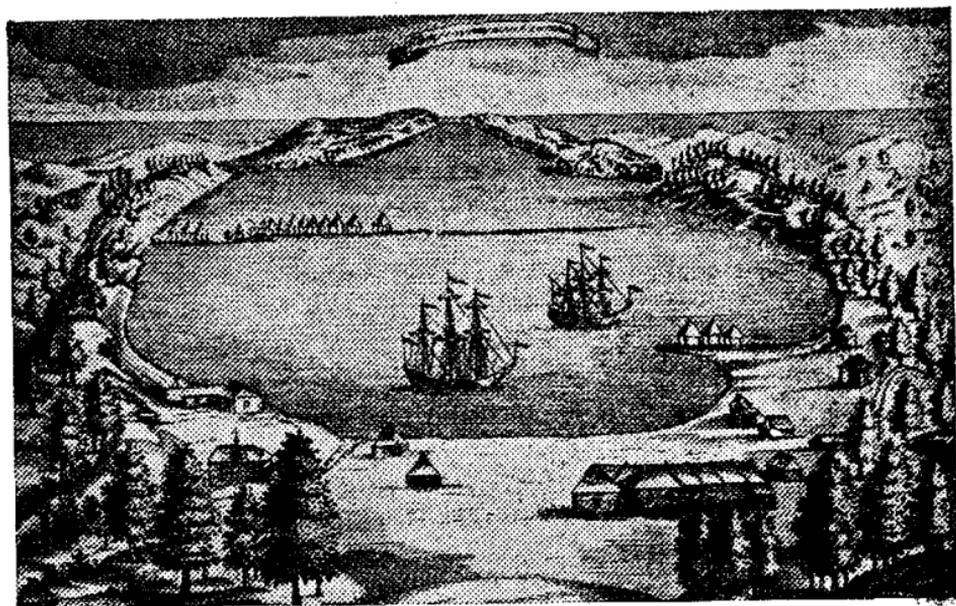
А мы с командою обретаемся в Охотске в добром здравье. За писание Ваше, отпущенное 14 декабря прошедшего 1737 года, а в Охотске полученное июля 31 числа сего 1738 года, в котором (кроме полученного от Вас того же числа рапорту) объявляете о счастливом на судне от Обского устья чрез Северное море в Енисей реку Вашем прибытии, благодарствую и весьма радуюсь о таком благополучном и еще до сего необретенном, ныне же счастливо Вами сысканном новом пути. Причем и Вас о том Вашем благополучии поздравляю. И прошу, дабы я и впредь приятным Вашим уведомлением оставлен не был, чего я охотно слышать желаю»².

В начале марта 1738 г. рапорт Овцына был доставлен в Петербург и вскоре был рассмотрен адмиралтейств-коллегией. После освобождения Енисея от льдов Овцыну было приказано направиться вверх по реке до Енисейска, где надежно укрыть суда. По пути отряду следовало выполнить опись реки, опираясь на астрономические определения. Затем Овцыну, оставив команду в Енисейске, предстояло с обстоятельным описанием его плавания из Оби в Енисей, журналами и картами ехать немедленно в Петербург и явиться с докладом в адмиралтейств-коллегию. Однако, еще не зная об этом приказе, Овцын послал «Обь-почтальон» под командой штурмана Федора Минина для исследования северных берегов к востоку от Енисея. Так что в Енисейск прибыла лишь одна дубель-шлюпка «Тобол». Овцын поручил команду Ивану Кошелеву, а сам отправился с бумагами в далекую столицу.

Он и не подозревал, что его ждет большая неприятность. Когда путешественник прибыл в Тобольск, его арестовали. Оказалось, что на него был послан донос.

¹ Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941, с. 309.

² Там же.

Петропавловская гавань

Один из «слуг ее величества» осведомил тайную канцелярию о том, что Овцын во время пребывания в Березове поддерживал дружеские отношения с ссыльными князьями Долгорукими. Адмиралтейств-коллегия пыталась отстоять Овцына как самоотверженного офицера, но ее заступничество успеха не имело. Овцына судили и, разжаловав в матросы, отправили в распоряжение второй Камчатской экспедиции. Под конвоем он был доставлен в Охотск. Беринг встретил его как друга и сделал своим адъютантом. Вместе с Берингом на корабле «Св. Петр» он участвовал в плавании и открытии северо-западных берегов Америки, перезимовал на Командорских островах и благополучно возвратился на Камчатку, где вскоре узнал о возвращении ему офицерского чина.

Объ-енисейскому отряду было поручено вести исследования во взаимодействии с морскими офицерами Степаном Муравьевым и Михаилом Павловым, которых адмиралтейств-коллегия направляла для описи северного побережья России между Белым морем и устьем Оби. 4 июля из Архангельска вышли два коча. Спустя три недели суда находились в проливе Югорский Шар. 29 июля путешественники вступили в Карское море, сво-

бодное от льдов. Вскоре они достигли Ямала у речки Мутной. Пополнив запасы пресной воды и дров, направились на север. Вблизи Шарановых Кошек, где суда застиг крепкий встречный ветер, пришлось стоять пять дней, а затем из-за бури искать убежища в Мутном заливе.

В середине августа предприняли попытку обогнуть Ямал. Кочи поднялись до $72^{\circ}35'$ с. ш. Из-за позднего времени и неблагоприятной погоды Муравьев и Павлов решили возвращаться на зимовку в устье Печоры. Здесь, в деревне Тельвицы, укрыли суда. Зимовали в Пустозерске.

Плавание в 1735 г. оказалось еще более трудным. Карское море было заполнено льдом, от которого суда едва не погибли в Югорском Шаре. В первой половине августа путешественники попытались добраться сквозь несколько разредившиеся льды до устья Оби. Они поднялись на север до $73^{\circ}11'$ с. ш. и находились недалеко от северной оконечности Ямала. Но во время этого плавания суда разлучились, их командиры не решились идти в одиночку сквозь льды на северо-восток, не подозревая о том, что выполнили большую и наиболее трудную часть стоявшей перед ними задачи. Не имея ни жилья, ни дров для зимовки, Муравьев и Павлов самостоятельно возвратились к реке Печоре. При этом каждый из них считал другого погибшим.

Адмиралтейств-коллегия считала необходимым закончить исследование северного берега между Югорским Шаром и устьем Оби. Для экспедиции были построены в Архангельске две дубель-шлюпки. Лейтенанты Муравьев и Павлов были отстранены от участия в экспедиции и разжалованы в матросы. Во главе отряда был поставлен лейтенант Степан Гаврилович Малыгин.

С наступлением светлого времени из Пустозерска отправился на оленях отряд геодезиста Василия Селифонтова. Ему удалось благополучно пройти перевалами Урал и спуститься к Оби. Следуя левым берегом Обской губы, Селифонтов достиг северо-восточных берегов Ямала и картировал их. Затем он переправился на остров Белый и описал его южное побережье. Всюду на приметных местах Селифонтов ставил навигационные знаки, в том числе и на западном берегу Ямала, вплоть до тех мест, которые раньше были осмотрены Муравьевым и Павловым.

Таким образом, к середине 1736 г. благодаря усилиям Селифонтова, Овцына, Муравьева и Павлова были полу-

чены достоверные данные о действительной конфигурации и протяжении Ямала и собраны сведения о проливе, отделяющем его от острова Белого.

Между тем в августе 1736 г. отряд Малыгина на двух ботах вошел в Карское море. Неблагоприятная ледовая обстановка вынудила путешественников остановиться на зимовку в устье реки Кары. В самом начале зимы к ним прибыл на оленях Селифонтов. Малыгин, оставив суда под присмотром 12 матросов, с остальными членами экспедиции перебрался в Обдорск, где благополучно перезимовал.

В начале июля 1737 г. отряд Малыгина на двух ботах вышел во второе плавание. Задержанные льдами путешественники обследовали Байдарацкую губу. Вскоре ледовая обстановка улучшилась. 22 июля достигли маяка, который поставил Муравьев в 1734 г. На следующий день суда вошли в пролив, отделяющий остров Белый от Ямала и ныне носящий имя Малыгина. Туман и северо-восточные ветры задержали путешественников в этом проливе.

16 августа 1737 г. суда обогнули северо-восточную оконечность Ямала. Льдов не было ни в море, ни в Обской губе. Путь к устью Оби был открыт. Его достигли 11 сентября. Встречавший путешественников отряд казаков помог им провести суда до Березова. Отсюда Малыгин отправился с картами и отчетами в Петербург. Адмиралтейств-коллегия была удовлетворена результатами изысканий отряда и приказала лейтенанту Скуратову, под начальством которого оставался отряд в Обдорске, в следующую навигацию отправиться на судах в Архангельск. В первое лето моряки, пробираясь с трудом между льдов, достигли устья Кары, где оставили суда на зимовку. В июле 1739 г. отряд возобновил плавание на запад. Сначала много хлопот доставляли льды. Они сопутствовали судам до Баренцева моря. Дальнейшее плавание проходило без серьезных затруднений. В середине августа 1739 г. путешественники достигли Архангельска. По итогам шести плаваний Скуратов по приказанию адмиралтейств-коллегии составил карту северного берега России от Архангельска до устья Оби, которая впервые была основана на инструментальных определениях.

Говоря о деятельности офицеров этого отряда, выдающийся полярный исследователь Ф. П. Литке писал: «Управлявшие экспедицию исполнили все, что им было

возможно. Из них наипаче Малыгин и Скуратов отличались всеми достоинствами, коим мы удивляемся в первейших и наиболее славимых мореходцах: решительностью, осторожностью, неутомимостью. Но препятствия физические были столь велики, а напротив средства им данные столь недостаточны, что более должно удивляться, что совершено ими, нежели тому, что не сделано»³.

Столь же высоко оценивали последующие поколения ученых и исследователей плавания русских морских офицеров по полярным морям.

3 августа 1738 г. бот «Обь-почталъон» достиг устья Енисея. Спустя пять дней миновали мыс Ефремов Камень, где путешественников остановили льды. Погода стояла ненастная, штормовая. Падал снег. Начались морозы. Палуба обледенела, снасти покрылись ледяной коркой. Четыре дня отстаивались в Волгином зимовье. Наконец буря утихла. Бот снова направился на север. В районе Ефремова Камня опять встретили льды, но их удалось обойти.

16 августа отряд встретил на 73°07' с. ш. обширнейшую группу каменных островов. По словам Минина, островов было такое множество, что их невозможно было обследовать не только за одну, но и за две кампании. «А впереди,— докладывал Минин Овцыну,— еще чрез лед видно было к завороту земли к осту оных множество. А все каменно наружные, и земли на оных не имеется, токмо весьма прекруты и высоки»⁴.

Минин назвал эти острова Северо-Восточными. Со всех сторон горизонта в море виднелись «льды беспрерывные». Моряки надеялись, что ветер отгонит их от северных берегов, но они оставались неподвижными. Непрестанно шел снег. Несколько попыток пройти на боте вблизи берегов не дали результата. Лишь Стерлегову на шлюпке удалось пробраться между льдов на 40 верст. Он убедился, что и здесь нет открытого моря. Неподвижные мощные льды блокировали острова и берега. Стерлегов вынужден был возвратиться, потеряв надежду на благополучный исход плавания. После того как Стерлегов привез неутешительные вести, Минин созвал совет. Путешественники были единодушны в том, что наступившие морозы и снегопады при устойчивых встречных северо-

³ Лигке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб., 1828, ч. 1, с. 91.

⁴ Экспедиция Беринга, с. 312.

восточных ветрах — грозный предвестник приближающейся зимы. Решено было следовать к реке Енисею и зимовать в удобном месте.

30 августа путешественники, у которых были на исходе запасы пресной воды, покинули Северо-Восточные острова. 7 сентября 1738 г. они вошли в Енисей и занялись картированием его западного берега. Через 12 дней на реке начался осенний ледоход. Отряд Минина вынужден был избрать своим пристанищем зимовье Исакова, а бот укрыть в речке Курьей. Дров поблизости не было, и их возили на собаках за 10 верст. Особенно, по словам Минина, досаждали весьма великие стужи и «пурги чрезвычайные», которые иногда продолжались беспрерывно около двух недель.

В навигацию 1739 г. опись к северо-востоку от Енисея не удалось продолжить, поскольку путешественники потеряли много времени на плавание от места зимовья до Туруханска, чтобы получить запасы продовольствия, которое у них кончилось. «Объ-почталъон» совершил плавание лишь по устьевому участку Енисея. Минин возвратился на зимовку в Туруханск. Отсюда в конце января 1740 г. он послал на север Стерлегова. 22 марта на четырех собачьих нартах путешественники достигли Северо-Восточных островов, где выполнили цикл астрономических определений. На следующий день приступили к картированию материкового берега, с трудом продвигаясь то по глубокому снегу, то восторошенному льду. Изредка путешественникам встречались убогие избушки, которые служили пристанищем для промышленников, занимавшихся добычей морского зверя. Вскоре Стерлегов достиг устья Пясины и, положив его на карту, продолжал продвигаться на северо-восток. Стояли удивительно солнечные морозные дни, снег ослепительно блестел. Потом начались метели. У всех путешественников разболелись глаза. С трудом добрались они до мыса, расположенного на $75^{\circ}26'$ и впоследствии названного именем Стерлегова. Здесь моряки соорудили памятный знак из выкидного леса (плавника). «А мыс, на котором поставлен маяк с приметой, — писал Стерлегов, — каменный, высокий, собою узок, вышиною около 5 сажен, на берегу земля черная с мягким ломанным камнем аспидом, а далее от берега глина со мхом»⁵. Отряд повернул назад. Источен-

⁵ Там же, с. 815.

ные собаки едва тащили нарты. Несколько дней путешественники провели в зимовье промышленников в устье Пясины, дав возможность собакам отдохнуть от многоверстного трудного пути. Затем снова направились к юго-западу и 28 мая достигли Енисея.

Спустя шесть недель после возвращения Стерлегова из санного путешествия «Обь-почталъон» под командой Минина отправился в последнее арктическое плавание. 11 августа показались Северо-Восточные острова. Море на этот раз было свободно от льдов. Дул попутный ветер. Пользуясь благоприятным случаем, Минин направился на северо-восток вдоль берега, который едва можно было различать во время частых туманов и снежных бурь. Неожиданно на судно обрушился шторм и смыл с палубы шлюпку. Пришлось двое суток пережить непогоду под защитой безымянного острова. Потом снова плыли на северо-восток. 15 августа приблизились к устью Пясины, но из-за частых мелей не смогли в него зайти. Скоро встретились острова, которые называли Каменными. Вокруг было множество подводных скал. Идти вперед можно было, только ведя непрерывный промер. 20 августа на горизонте появились льдины. Их становилось все больше. Вскоре они плотной массой окружили бот. Чтобы избежать вынужденной зимовки у пустынных берегов Таймыра с весьма скромными запасами провизии, решили повернуть обратно.

В это время бот «Обь-почталъон» находился на $75^{\circ}15'$ с. ш. Целые сутки путешественники выбирались из густых льдов на чистую воду. В конце сентября они вошли в Енисей и остались на зимовку в Дудино. На этом закончились исследования Овцына и Минина на Таймырском полуострове, в изучение которого значительный вклад внесли также сначала Василий Прончищев, а затем его преемник Харитон Лаптев со своими отважными спутниками Челюскиным, Чекиным и многими другими.

Витус Беринг еще находился в Тобольске, а в верховьях Лены уже велась заготовка лиственничного леса для постройки судов, на которых морякам предстояло обследовать арктическое побережье России между Енисеем и Колымой, а «оттуда подле берегов к востоку» до Чукотского Носа («угла» на 73° с. ш.).

В начале января 1735 г. в Якутске были заложены бот «Иркутск» и дубель-шлюпка «Якутск». Их спустили

на воду 23 мая. Командиром дубель-шлюпки назначили лейтенанта Василия Прончищева. Ему сопутствовала жена Мария Прончищева, штурман Семен Челюскин, геодезист Никифор Чекин и более 40 человек команды.

Командиром бота «Иркутск» Беринг определил лейтенанта Петра Ласиниуса. Его команда состояла примерно из 50 человек, в числе их были подштурман Василий Ртищев, геодезист Дмитрий Баскаков и штурманский ученик Иван Глазов.

В конце июня 1735 г. Беринг проводил путешественников. Только 7 августа Прончищев вышел в море, где встретил отдельные полосы льда. Обойдя острова дельты Лены, дубель-шлюпка легла курсом на запад. 25 августа достигли устья реки Оленек. Путешественники занялись исследованием ее фарватера и, найдя проход через бар, втянулись в реку, поскольку, по словам Беринга, «за поздним временем и от великих морозов далее следовать было невозможно»⁶.

Прончищев выстроил две избы, где разместил свою команду. Поблизости от зимовья находилось русское поселение. Кроме того, недалеко жили чукчи и тунгусы. Они порой навещали путешественников, принося интересные известия, в частности рассказали Прончищеву, что на берегу реки Анабара видели руду.

В сентябре солнечные дни сменились ненастными. Северный ветер принес непогоду и нагнал лед в устье реки. Ударили крепкие морозы. 20 сентября Оленек стал. Прончищев со своими спутниками провел на берегу 11 месяцев. Только 3 августа 1736 г. льды отступили от устья реки и позволили путешественникам возобновить плавание на запад к Таймырскому полуострову. Спустя два дня достигли устья Анабара. Прончищев отправил вверх по реке геодезиста Д. Баскакова, поручив ему осмотреть гору с выходами руды, о которой рассказывали местные жители. Рудознатец спустя пять дней привез образцы руды. Впоследствии они были отправлены в Якутск профессору Гмелину. Гмелин произвел анализ проб. «Токмо,— писал в «Отчете» Беринг,— ни золота, ни серебра, ни меди из оной руды не явилось, а явилась сера горячая»⁷.

---

⁶ Там же, с. 158.

⁷ Там же, с. 159.

10 августа дубель-шлюпка «Якутск» снялась с якоря и направилась к Хатанге. Вскоре встретились тяжелые льды, между которыми пришлось продвигаться на запад «с великой опасностью». Спустя три дня путешественники высадились на левом берегу Хатангской губы, где обнаружили зимовье русских промышленников. Правда, его обитателей застать не удалось — они, по-видимому, ненадолго отлучились, потому что в избе лежал хлеб.

Дубель-шлюпка «Якутск» вскоре возобновила плавание к Таймыру. 17 августа у восточных берегов полуострова Прончищев открыл острова, которые были названы именем Петра I. Льдов становилось все больше. Лед виднелся в море, неподвижно стоя у берегов. По узкому каналу шли на север, рискуя каждый час быть раздавленными льдами. «И 18 августа,— докладывал Беринг о плавании Прончищева,— прибыли к реке Таймыре и от одной реки подошли великие острова, меж которыми и берегом великий стоит лед, и к тем островам и подле берега прохода никакого не нашли»⁸. Впоследствии выяснится, что за устье реки Таймыры моряки ошибочно приняли залив Св. Фаддея, к которому не смогли приблизиться из-за неподвижного льда, гладкого, как на озере. Не было на нем и признаков торосов. Поэтому моряки сделали вывод, что этот «лед ни в какое лето не ломает». Вдоль многолетнего припая плыли следующий день, удаляясь все дальше от берега. Глубины были все значительнее, и лот длиной в 240 м не доставал дна моря. В середине дня наплыл туман. Моряки продолжали плыть к северу. Когда, наконец, мрак рассеялся, путешественники «увидели впереди себя и по обе стороны льда великие, стоячие, а в море видимы были посяющиеся льды и такие частые, что не токмо на дубель-шлюпке, но и на лодке пройти невозможно»⁹.

Отряд в это время достиг 77°29' с. ш., не подозревая, что находится недалеко от самой северной точки Азии. Путь дальше к северу был отрезан. Погода заметно ухудшилась, начинались морозы. Прончищев созвал совет, чтобы обсудить положение. Решено было возвращаться назад. К этому времени лед совсем окружил судно, и только к исходу дня выбрались из ледовой ловушки. Ночью наступил штиль и ударил мороз. Путешественни-

⁸ Там же, с. 168.

⁹ Там же.

кам казалось, что вода стала густой. Началось образование молодого льда. Ледяное сало неприятно шуршало о борта дубель-шлюпки. Шли на веслах, поскольку из-за штиля паруса безжизненно висели. Надвигалась угроза замерзнуть в лед, не имея ни дров, ни жилья. Но на следующий день сорвался свежий попутный ветер. Появились волны, которые звенели хрупкими образовавшимися ночью льдинками. Паруса наполнились. И приунывшие было путешественники воспряли духом. Дубель-шлюпка «Якутск», пробираясь среди старых мощных льдин, все дальше и дальше уходила от северо-восточных берегов Таймыра. Спустя четыре дня путешественники достигли Хатангской губы, но на зимовку не решились — на берегах было мало выкидного леса и никакого жилья. Пришлось возвращаться к зимовью на реке Оленек, однако из-за штормовых ветров семь дней не могли войти в его устье.

Силы путешественников, изможденных голодом и непогодами, были на исходе. Многие страдали от цинги, тяжелее всех болели командир отряда Василий Прончищев и его верная спутница Мария Прончищева. Шторм жестоко трепал небольшое суденышко, снасти и борта которого покрылись льдом. Казалось, этому испытанию не будет конца. 29 сентября скончался Василий Прончищев. Еще трое суток дубель-шлюпка «Якутск» держалась на рейде. 2 октября судно завели в устье реки. 6 октября хоронили командира отряда, а спустя пять дней умерла его жена Мария Прончищева и была похоронена вместе с мужем. Эта могила сохранилась до сих пор. Оставшиеся в живых члены отряда Прончищева под командой Челюскина и Чекина возвратились следующим летом в Якутск. Этим двум исследователям предстояло внести решающий вклад в изучение Таймыра.

Еще трагичнее сложилась судьба отряда Петра Ласиниуса. Едва выйдя на боте «Иркутск» из устья Лены, он встретил великие льды. Они блокировали путь. Дважды пытались пробиться на восток, но успеха не имели. 14 августа путешественники вошли в залив Вуорхая и остановились на зимовку в устье реки Хараулах. Команда выстроила обширный дом, который отаплился тремя печами. Чтобы хватило продовольствия на два года, была урезана порция провизии. Скоро среди моряков появились заболевшие цингой. Первым погиб сам Ласиниус. Всего болезнь унесла 38 человек. Только девять путешествен-

ников во главе с подштурманом Ртищевым перенесли зимовку, остались в живых и четверо служителей, которых Ласиниус осенью 1735 г. отправил в Якутск с рапортом и картами.

По указанию Беринга была сформирована новая команда бота «Иркутск», а во главе отряда поставлен лейтенант Дмитрий Яковлевич Лаптев. 31 мая 1736 г. он вышел из Якутска вниз по Лене на трех дощаниках. У мыса Быковского отряд был остановлен льдами. Оставив суда с провиантом, Лаптев двинулся в Хараулах, где заново оснастил зимовавший здесь бот «Иркутск». 29 июля вышли в море, где льды и ветры доставили много хлопот и неприятностей. Десять дней добирались до дощаников.

11 августа, после того как запасы провизии были перенесены на бот «Иркутск», отряд предпринял плавание к Колыме. Лаптев приказал идти как можно мористее, предполагая, что вдали от берегов будет меньше препятствий. Спустя два дня на $73^{\circ} 16'$ с. ш. к северу от мыса Буорхая встретились мощные полярные льды. Сутки стояли у ледяного поля, тщетно надеясь, что море разобьет льды. Между тем положение становилось все более опасным. Лыдины часто напирала на судно, грозя его раздавить. По словам Лаптева, люди пребывали в великом страхе и выбивались из сил, отталкивая баграми лыдины. Каждый час канал чистой воды, которым можно было отступить назад, мог закрыться.

14 августа Лаптев созвал совет, на котором все единодушно признали, что плыть на северо-восток к Колыме не представляется возможным. При этом офицеры, участвовавшие в совете, вспомнили рассказы местных жителей о том, что этот «стоячий» лед простирается до $76^{\circ} 20'$ с. ш., до Святого Носа, «о котором тамошние якуты показали, что 20 лет знают и по всякое-де лето у той земли на море чрез все лето стоит лед и морем не ломает»¹⁰. Решено было возвращаться к реке Лене. Одновременно совет высказался за прекращение попыток поиска морского пути, поскольку «к проходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды»¹¹. Экспедиция остановилась на зимовку в устье реки Борисовой на $70^{\circ} 40'$ с. ш.

¹⁰ Там же, с. 107.

¹¹ Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9, с. 114.

Отсюда Лаптев отправил рапорт Берингу в Якутск.

Капитан-командор получил его в то время, когда его серьезно тревожила дальнейшая судьба исследований второй Камчатской экспедиции в Арктике. За две навигации самого выдающегося успеха добился Прончищев, но его уже не было в живых. Неудачи преследовали Овцына. Не смог на восток от Лены пройти и Лаптев, не достигли конечной цели Муравьев и Павлов. Два года, отпущенные северным отрядам второй Камчатской экспедиции на поиски морского пути из Архангельска на Камчатку, истекли. Результаты, по мнению Беринга, весьма скромные, и всякий день можно ждать указаний из Петербурга, куда он исправно слал донесения, о приостановлении изысканий. Именно в это время находившийся в Якутске Миллер сообщил о своей уникальной находке. Он обнаружил в якутской канцелярии бумаги, которые свидетельствовали о небывалом размахе мореплавания в русских полярных морях,— поморы и казаки смело плавали на утлых «погибельных судах» под парусами из оленьих кож. «А снасти из ремней и ремнями шиты доски судов, а якоря деревянные с навязанными камнями». Миллер составил историю русских полярных морских походов. Документы свидетельствовали, «что в прежние годы часто хаживали кочи по Ледовитому морю между ленским и колымским устьями». Более того, имелись достоверные сведения о «морском ходе из устья колымского вокруг Шелагского или Чукотского Носу даже до устья реки Анадыря и далее»¹².

«Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю учиненных» Герарда Миллера было рассмотрено профессором Делаacroером, который весьма пессимистически относился к предпринимаемым Россией попыткам пройти отдельными участками на судах из Архангельска в Тихий океан. По его мнению, различные препятствия, встречавшиеся мореходам в прежнее время, весьма умножились, и прежде всего Ледовитое море «много убыло и подле берегу стало мелко». Кроме того, лед на море иногда вовсе не ломается. «Из чего рассудить можно,— заключал Делаacroер,— что морской ход по Ледовитому морю весьма опасен и может быть непроходимой, ежели искать проходу вдали, а не подле берегу. А ежели подле берегу итти, то ныне в рассуждении убы-

¹² Экспедиция Беринга, с. 380.

ли морской воды также невозможно быть кажется, чтоб ботом или иными большими судами пройти»¹³.

Делакроер рекомендовал до особого указания адмиралтейств-коллегии отложить дальнейшие поиски прохода на восток от Лены, которые предстояло вести Дмитрию Лаптеву.

Для обсуждения этого вопроса Беринг созвал совет. На нем присутствовали и ученые, и морские офицеры. Было решено ввиду небывалых препятствий, с которыми встретились отряды на севере, в новый «вояж не ходить до тех пор», пока не придет распоряжение адмиралтейств-коллегии о продолжении или приостановке полярных плаваний.

Мнения Миллера и Делакроера, во многом противоположные друг другу, рапорт Беринга, донесения Д. Лаптева и других офицеров 20 декабря 1737 г. были обсуждены адмиралтейств-коллегией. Рассмотрев все поступившие из Якутска материалы, включая журналы и карты, адмиралтейств-коллегия пришла к выводу, что нет причин для отчаяния. Напротив, изложенные в документах обстоятельства «к изысканию морских проходов надежду весьма подают». Было принято решение продолжать исследование северного побережья России как к востоку, так и к западу от Лены. Если не удастся осмотреть все в одно лето, то исследования должны продолжаться до тех пор, пока не приведены будут в окончание. Офицерам рекомендовалось не возвращаться к прежним жилищам, а зимовать в тех местах, в которых они будут остановлены неодолимыми препятствиями, «дабы дальним назад возвращением в действии той экспедиции промедления не иметь и времени не потерять»¹⁴. Предполагалось создать на берегах Северного Ледовитого океана продовольственные склады, соорудить маяки и оказывать местными силами вспоможение морским отрядам. Адмиралтейств-коллегия подчеркивала, что действия экспедиции на севере будут продолжаться до тех пор, пока не удастся решить вопрос о морском проходе из Архангельска на Камчатку. Через несколько недель после того как было принято это решение, в Петербург с разрешения Беринга прибыл Лаптев. Он привез свой отчет и отчет Челюс-

¹³ Там же.

¹⁴ Материалы для истории русского флота: В 11-ти т, СПб., 1880, т. 8, с. 390.

кина, где подробно описывалось плавание отряда Прончищева к северо-восточным берегам Таймырского полуострова.

27 февраля 1738 г. адмиралтейств-коллегия заслушала рапорт Лаптева и рассмотрела привезенные им карты. Лаптев заявил, что проход северными морями из устья Лены к берегам Камчатки невозможен. Адмиралтейств-коллегия не приняла во внимание эти доводы и подтвердила свое решение о продолжении поисков морского пути между Леной и Камчаткой. Если в течение двух плаваний ледовая обстановка в достигнутом месте будет без всяких перемен и «к судовому проходу ни по каким способам уже не будет», то предлагалось ограничиться попытками двух кампаний¹⁵.

Кроме того, адмиралтейств-коллегия разрешала Лаптеву, если он не сможет из-за льдов обойти морем Святой Нос, этот участок берега пройти посуху; при этом наряду с описью берегов чинить наблюдения за характером и простиранием как припая, так и носящегося по морю льда, его сплоченностью и густотой. Следовало отмечать, постоянно ли держится лед в исследуемых районах или его относит. «Ежели,— предписывала адмиралтейств-коллегия Лаптеву,— найдутся такие места, где сильного препятствия от льдов нет, то выяснить, возможно ли судами тамо проходить»¹⁶. Особенно тщательно необходимо было исследовать устья рек, промерять их глубины, определять их местоположение на карте и выяснять, насколько они пригодны для сохранения судов и устройства зимовки.

По достижении реки Колымы Лаптеву разрешалось ехать сухим путем в Анадырский острог и требовать от Беринга «для походу от Камчатки на Колыму реку морского судна», на котором без промедления направиться в Ледовитое море для достижения поставленной цели.

Дмитрий Лаптев вернулся снова в Сибирь. Весной 1739 г. он находился в Усть-Куте на берегах Лены и занимался подготовкой к новому плаванью, в том числе следил за постройкой двух судов. Одновременно он хлопотал о починке бота «Иркутск» и о доставке в район Индигирки запасов провизии для предстоящего сухопутного путешествия, так как был убежден, что льды снова

¹⁵ Экспедиция Беринга, с. 107.

¹⁶ Там же, с. 108.

остановят его суда. «Я весьма безнадежен обойти Святой Нос», — писал он президенту адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину. Дальше он сообщал, что в случае неудачи намерен построить суда на Индигирке для плавания к устью Колымы и вокруг Чукотского Носа.

Однако в действительности многое сложилось не так, как предполагал Д. Лаптев. 21 июля 1739 г. его отряд Быковской протокой вновь вышел в море. В этот день путешественники встретили матроса Лошкина, отправленного Лаптевым весной для осмотра северных берегов к востоку от Лены. Вести были приятные. Лошкин произвел опись до реки Алазеи и осмотрел одну из проток Индигирки.

Завершив опись губы Буорхая, Лаптев взял курс на восток. Два дня путешественники с великой опасностью для жизни пробивались через сплоченный лед, рубя его пещнями и топорами. Наконец они вышли на чистую воду, вернее, вошли в прибрежный неширокий канал, поскольку рядом на севере непрерывным поясом держался густой сплоченный лед. 7 августа достигли одного из рукавов Яны. Когда находились перед устьем этой реки, северным ветром пригнало лед. Бот невозможно было укрыть. Казалось, что и эта попытка пройти на восток к Колыме закончится безуспешно, если не трагически. К счастью, мощные льды остановились на мелководье, не дойдя всего несколько кабельтовых до судна. Правда, отдельные мелкие и тонкие льдины несло прямо на бот, но с ними моряки без труда справлялись, отталкивая их шестами. В течение трех суток вынужденной стоянки занимались промером и картированием устья Яны. 13 августа буря утихла, и льды стали удаляться от берегов.

Путешественники возобновили плавание на северо-восток и вскоре без всяких препятствий миновали Селягскую губу. А под вечер ветер снова усилился и начался шторм. Ночь простояли в укрытии, а утром следующего дня снова были в пути. Как бы ни было опасно, но надо было воспользоваться попутным ветром, чтобы добраться до мыса Святой Нос. Согласно прежним картам он находился на $76^{\circ}20'$ и, по словам якутов, всегда был окружен льдом.

14 августа 1739 г. Лаптев со своими спутниками увидел этот лед «неломанный, гладкий и здоровый, как среди вимы». Он действительно держался у обрывистого каменного Святого Носа, располагавшегося на самом деле на

72°50' с. ш. Но между берегом и льдом держался канал чистой воды. Этим каналом бот «Иркутск» без труда прошел через пролив, отделяющий море Лаптевых от Восточно-Сибирского. Неприятности доставляло только мелководье. Попытки приблизиться на боте к берегу не приносили успеха. Несколько раз Лаптев посылал шлюпку на берег, но моряки не смогли отыскать гавань, где можно было бы укрыть судно. 21 августа Лаптев, судя по распресненной воде, решил, что находится вблизи устья Индигирки и отправил нескольких человек отыскать проход в реку. Между тем погода резко испортилась. Подул северо-восточный ветер. Температура воздуха понизилась. Начались морозы. Сильная волна помешала посланным на берег людям вернуться на судно. На море снова появились льды. По словам Лаптева, судно даже днем с трудом лавировало среди льдин, а ночью «всеми людьми бот охраняли», то снимаясь с якоря, то снова становясь на него.

«Во все дни,— писал Лаптев,— от льдов и мелей беспокойство было. И часто бродили во льдах, как в густом лесу, и когда ветер был умеренный, то с нуждой пробавлялись, а в крепкий ветер и в шторм близ конечного отчаяния были, но тем спаслись, что отмелый берег большие льдины останавливал, и до самых заморозков так было»¹⁷. В конце августа началось ледообразование. Настал день, когда море замерзло полностью. Затем вдруг обрушилась буря. Бот «Иркутск» вместе с молодым льдом понесло в море. Казалось, путешественникам придется встречать зиму вдалеке от берегов, в плену сковавших его льдов. Но спустя несколько часов ветер переменился. Лед взломался. Судно направилось к югу и через четверо суток стало вновь на якорь вблизи устья Индигирки.

10 сентября, когда море снова покрылось льдом, Лаптев отправил партию моряков на берег. Здесь на берегу восточной протоки они встретили ранее посланных товарищей, которых считали погибшими. «Выкинутые на берег, обмокшие, без огня, без пищи они претерпевали жестокий холод и едва не умерли с голоду, питаясь травой и встречаемыми песцами»¹⁸.

Вернувшиеся на бот моряки доложили Лаптеву, что по словам геодезиста П. Киндякова, посланного на Инди-

¹⁷ Там же, с. 319.

¹⁸ Соколов А. П. Северная экспедиция..., с. 121.

гирку еще весной, в 50 верстах от здешних мест находится поселение Русское Устье. Вскоре к боту «Иркутск» Киндяков пригнал несколько собачьих упряжек. Лаптев на нартах отправил своих людей на зимовку в Русское Устье.

Приведя в порядок журналы плавания, Лаптев послал в Петербург составленную им карту исследованного берега Сибири. «Берег,— писал он,— как у Яны, так и от Святого Носу до Индигирки самый низкий и мокрый, и на берегу, как в болоте, сухой земли сыскать не можно. И весь берег от Лены до Колымы пустой. И входа с моря ни в одну реку за мелкостью нет. И дров ничего нет, и только в редких реках наносной лес и к плаванию на море пригоден один август месяц (а в июле все море полно льда)»¹⁹.

Он сообщал далее, что если бот «Иркутск» не будет раздавлен льдами, то он будущим летом продолжит плавание на восток в надежде достичь Колымы и обогнуть Чукотский Нос, хотя подобное предприятие считал почти неосуществимым. Он подвергал даже сомнению известие Миллера о бывших походах по ледовитым морям. Лаптев соглашался только с тем, что русские мореходы выходили в океан на своих судах. Но, по его мнению, ни одно плавание не завершилось желаемым успехом, о чем свидетельствуют выброшенные морем останки судов к востоку и к западу от Индигирки.

Зимой Лаптев совершил на собаках поездку к реке Хроме и нанес ее на карту. В то же время геодезист Киндяков отправился на Колыму и описал ее устьевой участок.

В июне 1740 г., прорубив канал во льду, Лаптеву удалось вывести бот «Иркутск» в безопасное место, хотя и не обошлось без неожиданностей. 27 июня к берегу подошел недавно взломавшийся лед и выбросил бот на мель, с которой его снимали в течение двух недель. Прошло более месяца, прежде чем ледовая обстановка на море улучшилась.

31 июля Лаптев приказал сняться с якоря и следовать на восток. На следующий день отряд находился вблизи устья реки Алазеи. 2 августа увидели остров, по святым он был назван в честь Св. Антония и вскоре переименован в Первый Медвежий. Спустя двое суток Лаптев до-

¹⁹ Экспедиция Беринга, с. 319.

стиг Колымы и немедленно отправил сообщение в Нижнеколымск о том, что намерен продолжать плавание к Чукотскому Носу. К востоку от Колымы в море виднелись огромные ледяные массы. 8 августа 1740 г. путешественники вышли в сплоченные льды, среди которых не было ни одной прогалины. Лишь у берега виднелся капал чистой воды. Лаптев направил туда бот «Иркутск». Сутки плыли без особых затруднений. 9 августа положение резко ухудшилось. Канал свободной воды перерезали льды. Погода испортилась. Небо заволокло тучами, повалил густой снег. Лавируя среди огромных и мелких льдин, по словам Лаптева, «часто в оные стучались и в страхе были, что проломит борт от тех ударов». Рискую потерять судно, Лаптев пробирался на восток, укрываясь за огромными стамухами от напора дрейфующих льдов. Количество льдин в прибрежном канале заметно увеличивалось, и, наконец, настал такой день, когда он сузился до такой степени, что не осталось «ни на один вершок воды между льдом и берегом».

14 августа, когда отряд находился у берегов Большого Баранова Камня, Лаптев созвал совет. Все были единодушны в том, что из-за сплоченных густых льдов ввиду приближающейся осени невозможно продолжать плавание по направлению к Чукотскому Носу. Решено было возвращаться на зимовку. 23 августа бот «Иркутск» прибыл в Нижнеколымск.

30 октября 1740 г. Лаптев направил в Петербург отчет о своем плавании, карту северного берега России между Леной и Колымой и план своих действий на ближайшее время. Одновременно в письме к Н. Ф. Головину он сообщал, что для предстоящей навигации строит два гребных судна, которые намерен использовать для исследования берегов. Кроме того, он послал в Анадырский острог за казаками, хорошо знающими колымский север и владеющими чукотским и корякским языками. Через них он надеялся получить «основательное известие о Чукотском Носе». «При команде моей,— писал он Н. Ф. Головину,— обретается чукотская баба, которая имела жительство меж Колымою и Чукотским Носом и неоднократно через Нос оный на анадырской стороне бывала... Она объявляет: меж Колымою и Чукотским Носом находятся две великие реки, на которых она жила»²⁰. По рассказам этой жительницы, расстояние меж-

²⁰ Там же, с. 328.

ду Колымою и восточным берегом Чукотки составляло от 800 до 1000 верст, что согласовывалось с показаниями участников прежних экспедиций. Далее Лаптев сообщал Головину, что если он и его люди останутся в живых, летом 1741 г. употребит все меры для того, чтобы окончательно убедиться, «есть ли к Камчатке проход или конечно нет»²¹.

Зимовка прошла благополучно. Был обследован путь до Анадыря, откуда в случае неудачи Лаптеву предстояло предпринять плавание на север вокруг Чукотского Носа. В то же время геодезист Киндяков положил на карту реку Колыму до ее верховьев.

29 июня 1741 г. Лаптев вышел в новое плавание. 8 июля он снова увидел полярное море, которое до горизонта было покрыто сплоченным льдом. Много дней ждали того часа, когда откроется путь на восток. Льды не расступались. Только 25 июля пробились к Большому Баранову Камню, где, как и в прошлом году, путешественников остановили льды. Вскоре льды пришли в движение и вынудили моряков отступить по направлению к колымскому устью. Лаптев не хотел мириться с неудачей. Он послал вперед сопровождавших его два дощаника под командой штурмана Щербинина. В то время как Щербинин отыскивал безопасный путь для бота «Иркутск», льды окружили дощаники и бот. Началось сжатие. Вдруг раздался треск. Дощаники не выдержали напора льдов. Суденышки пришлось покинуть, а их командам по льдам добираться до бота, который также находился в опасном положении. К месту его стоянки приближались мощные льдины. К счастью, не было ветра. Если бы начался шторм, то, по словам Лаптева, от бота, снаряжения и припасов ничего бы не осталось. Не желая рисковать судном и людьми, Лаптев приказал во второй раз отступить к Колыме. Делал это с глубокой убежденностью в том, что он и его мужественные спутники «такой трудный, много бедственный и неизвестный путь морем, где было по силе человеческой возможно, проходили, и к вечnodостойному ведению исправно описали, а о непроходимых местах достоверно свидетельство учинили»²².

²¹ Соколов А. П. Северная экспедиция..., с. 125.

²² Там же, с. 127.

6 августа Д. Лаптев созвал совет, чтобы обсудить со своими спутниками создавшееся положение. Как отмечалось, адмиралтейств-коллегия разрешала руководителям отрядов, если они два года подряд встретят в одном и том же месте непроходимые льды, прекращать дальнейшие поиски. Поэтому моряки решили в следующем 1742 г. ботом в море не выходить.

Вскоре отряд благополучно возвратился в Нижнеколымск, а 27 октября Лаптев со своими спутниками на 45 собачьих упряжках выехал в Анадырский острог, до которого добрался за три недели. Той же зимой была предпринята опись восточного побережья России между Анадырским острогом и рекой Пенжиной. Летом 1742 г. моряки исследовали и картировали реку Анадырь от острога до впадения ее в море. Осенью весь отряд возвратился в Нижнеколымск. Здесь Лаптев оставил свою команду, а сам выехал по зимнему пути в Якутск, надеясь установить контакт с руководством второй Камчатской экспедиции. 8 марта 1743 г. он добрался до знаменитого города на Лене. В Якутске его встретил капитан Чириков, поведавший ему о гибели Беринга. Лаптев получил приказ следовать в Петербург, куда он прибыл в декабре 1743 г. Там уже находился его двоюродный брат, на долю которого выпало завершить работы по исследованию и картированию Таймыра, столь успешно начатые Василием Прончищевым.

21 июля 1739 г. бот «Якутск» под командой Харитона Лаптева достиг моря и взял курс на устье реки Оленек, где решено было оставить в зимовье Прончищева запасы продовольствия. Несколько дней среди льдов и густого тумана пробирались путешественники на запад. Первую остановку сделали вблизи Усть-Оленекских островов, затем открыли залив Нордвик. Льды принудили Лаптева и его 45 спутников искать убежища в вершине Хатангской губы, где, по словам Беринга, «от великого ветра с моря и великих льдов едва спаслись». Буря задержала путешественников на много дней. Во время шторма повредило два якоря. Только 14 августа возобновили плавание. Через несколько дней моряки находились на 76° с. ш., где бот прижало густым льдом к берегу. Спустя сутки во льду появились прогалины и путешественники продолжили плавание, распихивая льдины шестами. «21 августа,— писал Беринг в своем «Отчете» об этом плавании,— прошли против Таймырской губы в широте 76 градусов и

41 минута по льду стоячему, который начался от самого берега и лежит к северо-востоку неломанный»²³.

Лаптев приказал спустить на лед собачью упряжку, поручив геодезисту Чекину разведать состояние льдов около берега. Чекин возвратился через 12 часов и объявил, что ехать далее было невозможно, так как «лед очень худ» и разделен множеством полыней. Он поднимался на берег и, когда рассеивался туман, видел на севере высокие горы. Лаптев отправился на берег. На ближайшем мысу Св. Фаддея он не нашел ни выкидного леса, пригодного для постройки зимовья, ни источников пресной воды, ни бухты, в которой можно было бы укрыть судно.

«Мыс Св. Фаддея,— писал Лаптев,— лежит утесом каменным... На нем местами мелкий камень, белый, подобный алебастру. Земля, глина, и изредка мох, непригодный для оленьего корма. Здесь мамонтовый рог выкопали из земли длиною в 4 фута. Находясь у сего мыса, видели морских зверей, великих собою и подобных рыбе, шерсть маленькая, белая, яко снег, рыло черное. Поздешнему называют белуга. На сем мысу сделан от нас маяк из плитного камня, вышиною в полторы сажени... К северу и северо-востоку стоит лед неломанный гладкий»²⁴.

Пока путешественники исследовали берега мыса Св. Фаддея, начались морозы. Снежницы покрылись молодым льдом. Приближалась осень с ее непогодами. Надежды, что льды взломаются и отойдут в море в это позднее время, не оставалось никакой. Решено было возвращаться к устью Хатанги. Вблизи речки Блудной они встретили несколько семей тунгусов и решили построить здесь зимовье из плавника.

Весной 1740 г. были возобновлены исследовательские работы. 23 марта зимовье покинул геодезист Чекин. Он направлялся к реке Таймыре на собачьих нартах. Ему удалось добраться до озера Таймыр и спуститься до моря по Нижней Таймыре. Затем Чекин направился по льду на запад и осмотрел около 100 верст северного побережья, пока не оскудели запасы провизии и корма для собак. Он не предполагал, что от реки Пясины навстречу

²³ Экспедиция Беринга, с. 162.

²⁴ Записки лейтенанта Х. П. Лаптева.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9, с. 18.

ему шел Стерлегов и что их разделяет всего около 200 верст. Почти в один и тот же день они повернули обратно. Чекин едва добрался до зимовья. Корма не хватило, собаки гибли одна за другой. Настал день, когда нарты уже некому было тащить. Их пришлось бросить среди тундры и идти пешком. Только 17 мая Чекин встретился со своими товарищами, которые готовились к новому плаванью.

Ледовая обстановка в навигацию 1740 г. оказалась более сложной, чем в предыдущем году. Почти месяц моряки выбирались к морю сквозь сплоченные льды, непрестанно носившиеся по Хатангскому заливу. Наконец 11 августа они вышли в море. Спустя двое суток на $75^{\circ} 30'$ с. ш. судно оказалось в ледовом плену. Течениями и ветром «Якутск» понесло к северу. Льды приближались к судну. Под их напором трещали борта. Появились пробоины. Трюм стало заливать водой. Моряки пытались бревнами защитить борта судна, но льды ломали их. Пробоин становилось все больше. Их не успевали заделывать, вода заметно прибывала, грозя затопить бот. Лаптев, посоветовавшись со своими ближайшими помощниками, решил выгружать на лед продовольствие и снаряжение. Наступила ночь, ненастная и тревожная. Команда по приказу Лаптева покинула «Якутск» и направилась по льду к берегу. Только в полдень 16 августа они ступили на твердую землю.

Две недели провели здесь моряки. Появились больные. Но Х. Лаптев и его ближайшие помощники не теряли присутствия духа. В середине октября они привели отряд к своему прежнему зимовью на реке Блудной²⁵. Во время этого трудного перехода погибли четыре человека. «Грустно было слушать рассказы о бедствиях и страданиях, испытанных несчастной командой этих судов,— писал С. Ваксель об отряде Лаптева.— Судно, направленное к западу для разведывания пути к устью Енисея, шло в прибрежной полосе, между льдом и материком, до 76° северной широты. Дальше оно уже не могло идти из-за льда, а к северу от него виднелась еще какая-то земля. В конце концов судно было раздавлено льдом, так что команде пришлось его оставить на расстоянии пяти или шести немецких миль от твердой земли и пойти пешком по льду по направлению к матерiku с та-

²⁵ Материалы для истории русского флота, т. 9, 1882, с. 72.

ким запасом сухарей, сколько каждый мог унести для себя на спине. Добравшись с большими трудностями до твердой земли, они пошли дальше сушей вдоль берега до самой северной его оконечности, а когда они достигли уже почти 77° северной широты, берег стал опять поворачивать к юго-западу. Поэтому они снова повернули к реке Хатанга, где зимовали за два года до того и где оставили небольшой запас продовольствия. Это случилось в августе, когда они добрались до 75°, и ни к западу, ни к востоку, ни к северу не видно было открытой воды, а все море было загромождено стоячими высокими, как горы, торосами. От названной северной оконечности материка до прямого берега и до реки Хатанги им предстояло пройти еще около 700 верст через пустынные места, прежде чем они могли бы рассчитать встретить жилье и людей, отдельных немногих туземцев, которые в известное время года приходят в эти места, занимаясь охотой на белого медведя и песка. Эти несчастные сильно терпели от голода, очень ослабели и перенесли много бедствий»²⁶.

Как и его брату Д. Лаптеву, Х. Лаптеву два года подряд в одних и тех же местах встречался непроходимый лед. Это, согласно указу адмиралтейств-коллегии, давало ему основание прекратить дальнейшие попытки пройти к Енисею морем. Уже в ноябре 1740 г. он со своими помощниками решил осуществить исследование берегов Таймыра по сухому пути.

17 марта 1741 г. зимовье покинул Челюскин с двумя матросами. Он направлялся в верховья реки Пясины, по которой ему предстояло спуститься вниз до моря, а затем на собаках двинуться на восток, навстречу Лаптеву.

15 апреля на трех нартах в сопровождении солдата и якута выехал на север Чекин с заданием описать северо-восточное и северное побережье Таймырского севера до реки Таймыры.

Последним зимовье оставил Лаптев. На четырех собачьих нартах он добрался до Верхней Таймыры и, достигнув устья Нижней Таймыры, установил, что она находится гораздо западнее, чем считали путешественники, ошибочно принявшие залив Св. Фаддея за устье Таймыры.

---

²⁶ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, Л.: Главсевморпуть, 1940, с. 27—28.

Отсюда Лаптев направился на восток. «Чинил,— писал он в Петербург,— описание берега по крайней возможности и доехал до такого льда, который много лет не ломан, ибо на нем летней токмо проталины ямами и тут набило снегом, а меж ними, где не стояло... весь почернел. К тому же находил на оных льдах лес наносной. И потому видеть можно, что только на сем льду бывает в летнее время вода полая, а его не ломает»²⁷.

13 мая, когда путешественники находились на 76° 42' с. ш., их «захватила превеликая вьюга и туман». Они вынуждены были остановиться. По словам Лаптева, непогодой так «перебило» глаза, что они не могли видеть далее пяти сажен. «Видя крайнюю гибель от оной очной болезни в худых и пустых местах», Лаптев возвратился к устью Таймыры. Здесь путешественники отдохнули два дня и 19 мая выехали по льду на запад, описывая по пути морской берег, осматривая заливы и приметные места.

1 июня партия Лаптева встретила с Челюскиным. Путешественники направилась к устью Пясины. Летом Лаптев на лодках добрался до Енисея и затем поднялся вверх до Дудинки, где его ждал Чекин. Он описал восточный берег Таймыра до 76° 35' с. ш., откуда возвратился из-за болезни глаз. У него недоставало собачьего корма, и если бы не удалось пополнить его запасы охотой, «могли бы быть в крайней гибели».

Лаптев тем временем отправился в Туруханск и потребовал, чтобы местные власти заготовили и доставили припасы на север Таймыра, где оставались неописанными несколько сот верст.

Завершение описи северного побережья Таймыра и открытие самой северной точки Азии выпало на долю Челюскина. 4 декабря 1741 г. он выехал из Туруханска в низовья Хатанги. Почти три месяца путешествовал он с тремя солдатами по тундре, прежде чем достиг знакомых ему мест. Здесь он приготовил собачьи упряжки, запасся кормом и продовольствием. 3 апреля 1742 г. Челюскин отправился в свое последнее путешествие, которое обессмертило его имя. 1 мая он добрался до мыса Св. Фаддея и начал опись к северу. В тот же день открыл два небольших гранитных островка и вскоре заметил остров «немалого размера». Неистовствовали метели,

²⁷ Экспедиция Беринга, с. 111.

часто их сменяли туманы. Двигались по морскому льду, проходя около 16 верст в день. Наст уже плохо держал, и собаки выбивались из сил. Чтобы дать им отдых, пришлось остановиться почти на целые сутки. В это время поднялся сильный ветер, гнавший по земле огромные массы снега. Из-за метели ничего вокруг не было видно. Только под вечер 8 мая погода несколько улучшилась и путешественники возобновили опись берега. В тот же день они достигли самой северной точки Азии, которая носит название мыса Челюскин.

«Сей мыс каменный, прирый высоты средней,— записал Челюскин 8 мая 1742 г. в своем журнале,— около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный Восточный Северный мыс»²⁸.

Отсюда Челюскин направился с описью к устью Нижней Таймыры. 14 мая он издали увидел собачьи нарты — это солдаты, посланные Лаптевым, везли для него запасы корма и провизии. На следующий день он положил на карту последние неисследованные версты северного побережья Таймыра — замкнулась цепь описей, выполненных Чекиным и Лаптевым на запад от Нижней Таймыры до устья Пясины.

Таким образом, почти все задачи по изучению морского пути из Архангельска в Тихий океан, поставленные перед отрядами второй Камчатской экспедиции, были решены. Остался не осмотренным лишь северный берег России между Большим Барановым Камнем, лежащим к востоку от Колымы, и Чукотским Носом. Решение этой трудной проблемы спустя 80 лет выпало на долю великого российского полярного исследователя Фердинанда Петровича Врангеля, одним из первых обстоятельно рассмотревшего деятельность северных отрядов второй Камчатской экспедиции.

«Описание сих путешествий,— писал Ф. П. Врангель о действиях северных отрядов,— представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против коих плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей и мужественным терпением, самыми отличительными свойствами мореходцев всех веков и народов. Не ослепляясь пристрастием, мы невольно должны признаться, что

---

²⁸ Северо-Восточный мыс: Из журнала штурмана Челюскина, Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9, с. 63.

подвиги лейтенантов Прончищева, Ласиниуса, Харитона и особенно Дмитрия Лаптевых заслуживают удивления потомства»²⁹.

Лишь спустя 90 лет было заново картировано побережье России от границы с Норвегией до устья Оби и от устья Сленека до Берингова пролива, а описи Д. Овцына, Ф. Минина, Д. Стерлегова, В. Прончищева, Н. Чекина, Х. Лаптева, С. Челюскина, первыми картировавшими северное побережье России от Оби до Лены, оставались единственными до конца XIX—начала XX в.

---

²⁹ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах. Л.: Главсевморпуть, 1948, с. 74.

Великий подвиг россиян

В начале 1734 г. вторая Камчатская экспедиция в полном составе собралась в Тобольске. Прежде всего Беринг обсудил с профессорами Миллером и Гмелиным вопрос о посылке по сухому пути геодезистов по берегам Северного Ледовитого океана, где одновременно должны были вести исследования морские отряды. Дело в том, что с выполнением этого пункта инструкции возникли трудности. Тобольская канцелярия доказывала, что посылать по северному берегу геодезистов рискованно и тем более бесполезно, потому что летом они не смогут преодолеть реки и болота, которые «де обыкновенно на взморье имеютца». По мнению сибирских властей, геодезистов следовало включить в состав морских отрядов, тем более, что в Тобольске геодезистов, подчиненных местному начальству, «не обреталось». Берингу пришлось взять двух человек из свиты профессоров. С «общего согласия» Гмелина, Миллера и Делаacroера руководитель экспедиции выдал геодезистам особую инструкцию, в которой «было велено им о всех обсервациях и исследованиях исправные журналы содержать и... с тех журналов, рисунков и карт командующим офицерам копии сообщать»¹.

Поручив руководство отрядами и обозом экспедиции

---

¹ Экспедиция Беринга; Сб, док. М.: Гл. арх. упр., 1941, с. 111.

Алексею Чирикову, Беринг с семьей 16 февраля 1734 г. покинул Тобольск и направился на восток, на берега Лены.

23 октября 1734 г. он прибыл в Якутск. Здесь он узнал, что провиант, который Шпанберг должен был завезти в Охотск для строителей судов и морских команд, не доставлен. Более того, в Якутске не было построено ни одного судна для перевозки снаряжения и запасов экспедиции. Сам Шпанберг, суда которого в пути были остановлены льдом, находился в очень тяжелом положении.

Наступившие холода лишили его возможности добраться до Юдомского Креста. Шпанберг оставил вмерзшие в лед суда и в сопровождении нескольких человек отправился на лыжах в Охотск. На долю Шпанберга и его спутников выпали «великие и тяжкие трудности» — они мерзли и голодали, многие недели питаются лишь кореньями. При этом надо было заготавливать лес, строить помещения для экспедиции и перевозить грузы, брошенные за Юдомским Крестом.

Узнав о тяжелом положении Шпанберга, Беринг решил срочно оказать помощь отряду. Было собрано более 100 лошадей, на каждую из них навьючили 200 фунтов провизии. Караван благополучно добрался до Охотска.

Гораздо лучше обстояли дела у Алексея Чирикова, на долю которого выпала забота об основном обозе экспедиции. Хозяйство экспедиции в Тобольске непомерно увеличилось. В свою команду Чириков принял здесь 200 солдат и более 1500 ссыльных для работы на судах. Проводив в плавание Д. Овцына, Чириков выехал из Тобольска. На 12 больших барках разместились люди и все снаряжение и припасы. «Мы,— писал участник этого похода С. Ваксель,—плыли по Иртышу, Оби и Кети до села Маковского, куда прибыли в конце июня 1734 года. Здесь нам пришлось оставить наши суда, так как предстоял переход почти в сто с лишним верст сушей до Енисейска. Перевозка припасов сопряжена была с большим трудом и задержками, так как едва удалось собрать необходимое количество лошадей, а в особенности затруднительным оказалось положение с подводами для перевозки наших тяжеловесных и громоздких грузов, как-то: якорей, якорных канатов, пушек и т. п. Хотя были приняты меры к предварительной подготовке таких подвод и хотя, действительно, многое было подготовлено

к нашему приезду заранее, нам же не хватило повозок, и пришлось одним и тем же подводам совершать путь дважды, что связано было для нас, конечно, с большой потерей времени. Прибыв, наконец, со всей нашей поклажей в Енисейск, мы немедленно опять приступили к погрузке в другие суда, которые для нас уже были заранее приготовлены. Здесь мы задержались на семь или восемь дней и продолжали затем наш путь по Енисею и Верхней Тунгуске до реки Илима. До этой реки мы добрались поздней осенью, разгрузили наши суда и сложили грузы в пустые избы, а команду распределили на квартиры по близлежащим деревням.

Между тем мы немедленно же начали принимать меры к заготовке потребного количества саней, обеспечению лошадей и всего необходимого для путешествия, чтобы сразу по установлении санного пути двинуться в путь до села Усть-Кут на реке Лене, от которого мы находились на расстоянии примерно шестисот двадцати с лишним немецких миль. Туда мы добрались небольшими партиями, и в декабре 1734 года оказались все на месте в сборе»².

Беринг, проезжая здесь несколькими месяцами раньше, договаривался с местными властями, что они окажут Чирикову помощь в постройке судов в Верхоленске. Якутская администрация «дала в работу служилых людей, разночинцев и ссыльных 731 человек». Весной 1735 г. на верхней Лене под начальством Чирикова было построено 3 барки, 24 дощаника и 43 небольших судна, которые он надеялся также использовать для доставки провизии из Якутска вверх по рекам до Юдомского Креста. В июне 1735 г. был доставлен в Якутск 41 521 пуд муки, круп и «протчаго провианту»³.

По приказу Беринга часть этих грузов на 41 малом судне и 14 дощаниках 29 июня и 5 июля была отправлена в Охотск. Беринг был удовлетворен тем, что он и его помощники сделали все возможное, чтобы снарядить и укомплектовать северные отряды своей экспедиции. Гораздо труднее оказалась проблема доставки основных экспедиционных грузов в Охотск.

---

² *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.: Главсевморпуть, 1940, с. 24—25.

³ Экспедиция Беринга, с. 192.

Якутские власти не только не завезли провиант для экспедиции, но и не построили ни одного судна для его перевозки к Охотску. Надо было без промедления изыскивать способы доставки снаряжения, провизии, артиллерии и другого имущества к берегам Тихого океана. По свидетельству Вакселя, главной заботой Беринга в 1735 г. была подготовка к тому, чтобы в следующем 1736 г. осуществить перевозку в Охотск продовольствия и снаряжения в наибольшем объеме. Это дало бы возможность отправить туда как можно больше людей и ускорить постройку судов для плавания к Японии и Америке.

«Для этой цели была начата постройка нескольких добавочных судов в Якутске и в устье реки Май,— писал Ваксель,— а для того, чтобы обеспечить еще более успешный ход дела, руководство перевозками на 1736 год было поручено капитану Чирикову... Так как капитан Шпанберг был назначен главным начальником японского отряда экспедиции, но плавание свое должен был совершить по указанию командора Беринга, то его суда, во избежание потери времени, были изготовлены в первую очередь. Капитан Чириков в эту же зиму 1736 года отправился в Охотск, а в 1737 году были заложены два бота, предназначенные для американской экспедиции, постройка их по мере возможности продвигалась вперед, однако ускорить ее не представлялось возможным до окончания судов капитана Шпанберга»⁴.

Мысль о переезде в Охотск Берингу пришлось отложить. Поскольку якутская канцелярия бездействовала, необходимо было самим путешественникам и впредь заботиться о доставке провианта и экспедиционных материалов с берегов Лены к Тихому океану. Чтобы ускорить строительство судов, Беринг все свое «старание и внимание» употребил на хлопоты о постройке железоделательного завода — продукция его шла на изготовление якорей и других принадлежностей для кораблей. Одновременно он организовал заготовку смолы и распорядился соорудить канатную мастерскую. Немедленно было начато изготовление различного рода такелажа, который не имелось возможности, по словам Вакселя, привезти из Петербурга в необходимом для экспедиции наборе.

---

⁴ Ваксель С, Вторая Камчатская экспедиция..., с. 32—33.

И все же дела экспедиции развивались гораздо медленнее и неблагоприятнее, чем предполагал Беринг. Местные власти не только бездействовали, но и чинили всяческие препятствия в деле обеспечения экспедиции провизией и необходимым снаряжением. «Все это,— писал А. П. Соколов,— провиант, пушки, якоря, канаты, пенька, порох и прочее, доставляемое сюда трудно и медленно, частью употребляемое на месте многочисленную команду здесь собравшейся экспедиции и двумя отрядами, уже действовавшими по Лене, еще труднее и медленнее могло быть переправляемо в Охотск»⁵.

Путь от Якутска до Юдомского Креста пролегал по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. Если первые три реки суда проходили без особых приключений, то плавание быстрой Юдомой изобиловало опасностями. Почти на каждой миле встречались «худые и трудные места». Особенно много хлопот доставляли путешественникам пороги и каменные гряды. Отыскать среди них безопасный фарватер было «зело трудно». Юдома почти ежегодно изменяла свои глубины. По словам Беринга, там, где она в прошлом году была глубока и безопасна, в следующее лето появлялись мели, а там, где была она прежде мелка, вдруг становилась глубокой. Более того, Юдома, как установили служители, часто изменяла течение, прокладывая местами совершенно новое русло, или засыпала камнями прежний фарватер. Расчистить «порог и подпорожье (где наивысшая трудность)» у Беринга не было никакой возможности, поскольку и так не хватало людей для доставки провианта. А проведение этих работ потребовало бы несколько лет.

От Юдомы до Урака шел волок длиной около 40 верст. Он проходил по низким топким местам. Чтобы перевезти грузы через волок, надо было расчищать лес, строить мосты через топи, переносить грузы с судов на лошадей, с трудом продвигавшихся по гатям и каменистым россыпям. Выбивались из сил все, но другого выхода не было.

В 1736 г. Алексей Чириков не только доставил значительную часть грузов в Охотск, но и подготовил, как это требовалось указом сената, описание пути между Леной и побережьем Охотского моря. Более того, на этой почти непроходимой дороге он через каждые 15—20 верст

---

⁵ Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 11, с. 40.

построил теплые избы, в которых могли найти приют путешественники. Позже Беринг поручил доставку грузов штурману своей экспедиции лейтенанту Вакселю, который занимался этим трудным делом в 1737 г. «Зимой,— писал он,— перевозка совершалась на людях, из которых образовался своего рода грузовой обоз или караван. Каждый из них получал груз в шесть пудов и грузил его на узкие длинные сани, называемые нартами, их он был обязан доставить к месту назначения груза. Таким способом перевозка происходила только зимой, летом же не было других перевозочных средств, кроме лошадей, которых приходилось посылать туда из Якутска порожняком. Мы хотели было продержатъ в течение зимы сотню лошадей в Юдомском Кресте, однако как в этом месте, так и вообще на всем течении реки Юдомы не нашлось сена даже для прокорма хотя бы десятка лошадей, а тем более целой сотни, а потому эту мысль пришлось оставить. В первое время перевозка производилась от Юдомского Креста непосредственно в Охотск, да и в настоящее время перевозят таким образом особо ценные грузы. Между тем на полпути к Охотску расположена река, называемая Урак, по которой никогда ранее судоходства не было. Мы не знали, пригодна ли эта река для наших целей, а потому была произведена разведка, и оказалось, что весной, когда уровень воды в реках обычно повышается, а также в дождливую пору эта река вполне может быть использована для судоходства. Немедленно же по этой реке были сооружены склады и жилье для людей, и перевозка нартами производилась с тех пор не далее как до этих складов. Однако и эта работа оказалась для людей крайне тяжелой и утомительной, так как им пришлось на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти таким образом каждому около двух тысяч верст, и притом все время в запряжке, на манер лошади. Провизии также не было в изобилии, кроме обычного пайка, состоявшего из ржаной муки и небольшого количества крупы, так что люди оказались крайне изнуренными»⁶.

В марте 1737 г. весь отряд Вакселя находился на берегах реки Урак. Воспользовавшись зимней дорогой, путешественники вместе с солдатами и работными людьми доставили еще одну партию экспедиционных грузов по

⁶ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 33—34.

волоку, проложенному от реки Юдомы. Теперь надо было немедленно приступать к постройке небольших судов вместимостью от 150 до 200 пудов. Барки и дощаники большой грузоподъемности для плавания по Ураку были не пригодны из-за подводных камней и порогов. Течение было столь быстрым, что морякам не требовалось ни парусов, ни весел. Надо было только ловко управлять судном, чтобы обходить мели и другие опасные места. Меньше чем за сутки путешественники добирались до Охотского моря и затем, держась берега, направлялись в Охотск для разгрузки.

Путь от Якутска до Охотска был обследован и картирован сначала Чириковым, а затем Вакселем. Гораздо хуже обстояло дело с изысканием пути к Охотекому морю в более южных районах Сибири. Посланные в 1734 г. Берингом в Нерчинск для решения этой задачи геодезисты Василий Шетиллов и Петр Скобельцын не смогли найти здесь себе проводника. Им пришлось на помощь Миллер и Гмелин. Напутствуя геодезистов, они поручили им ежедневно заносить в журнал сведения о погоде, об особенностях гидрологического режима рек, появлении первого льда, выпадении первого снега, о ложных солнцах, полярных сияниях и других астрономических и небесных явлениях.

Скобельцын и Шетиллов предприняли летом 1735 г. обследование речек, впадающих в Лену и в Амур. В октябре они начали подготовку к походу на нартах к верховьям реки Уды, по которой надеялись выйти к берегам Тихого океана, но сопровождавшие их местные жители разбежались. Скобельцыну и Шетиллову пришлось возвращаться в Якутск. Беринг был неудовлетворен результатами их исследований и приказал вернуться в Нерчинск, откуда затем выехать в Приамурский край. 7 июля 1737 г. путешественники отправились на плотах по Шилке. Осенью они добрались до реки Зеи, по которой на нартах и лыжах шли до 22 декабря 1737 г. В этот день у отряда кончились все припасы. Чтобы не умереть с голоду, повернули к Амуру, где 29 января 1738 г. встретились с русским промышленником Буруком, а затем направились к Нерчинску. По подсчетам геодезистов они прошли более 1300 верст от Нерчинска до Охотского моря. Исследованный путь они признали негодным из-за множества «непроходимых мест, гор каменных и болот топких»¹.

¹ Экспедиция Беринга, с. 133.

Кроме того, в этих местах «имеется не малая нужда» в корме для быков и лошадей, которые из-за частых каменных россыпей могут проделать с грузом не более 8—9 верст в сутки.

После получения этих сведений решено было прекратить исследование Приамурского края. Сохранившийся путевой журнал Скобельцына и Шетилова содержит множество наблюдений за природой во время их вояжа от Иркутска к Камчатскому морю. Геодезистами была составлена карта всех посещенных мест между Ангарой и Леной и подготовлено «Известие» о городе Нерчинске и Нерчинском уезде. В описании было указано, где и какие народы живут, какими промыслами занимаются и «чем питаютца»⁸.

Между тем жизнь Беринга в Якутске протекала в непрерывных хлопотах. Местные власти были обеспокоены его активной деятельностью. И вместо того, чтобы заботиться о заготовке и доставке в Якутск и Охотск запасов провианта, слали доносы в Петербург. Скверные отношения складывались с начальником Охотского края Скорняковым-Писаревым⁹, который был бит кнутом и сослан в Сибирь за участие в заговоре против Меншикова. Этому опальному сановнику сенатом было приказано выехать заранее на берега Тихого океана, приступить к подготовке судов для экспедиции и обеспечить доставку ее грузов, и в первую очередь продовольствия, из Якутска в Охотск. Но вместо помощи Скорняков-Писарев старался очернить Беринга.

Один из жалобщиков сообщал в адмиралтейств-коллегию, что капитан-командор раздавал служителям непервосортную муку, забывая о том, что нередко у них вообще не было муки, тем более, что ее заготавливали сибирские власти. Тот же челобитчик жаловался, что Беринг заботится не об экспедиции, а о своей семье, и, не желая разлучаться со своими близкими, живет безвыездно в Якутске. А тут в адмиралтейств-коллегию пришло еще одно письмо, ставшее предметом гораздо более тщательного обсуждения, чем рапорты Беринга, Овцына, Прончищева и других его сподвижников. Коллегия в своем ре-

⁸ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1965, вып. 2, с. 85.

⁹ Материалы для истории русского флота: В 11-ти т, СПб., 1880, т. 8, с. 194.

шении (№ 520 от 26 февраля 1736 г.) отметила, что Беринг «нерадетельно» заботится о делах экспедиции. Без выяснения причин, которые вынудили Беринга задержаться в Якутске, выразила свое неудовольствие ходом дел экспедиции и отметила, что это обстоятельство «без взыскания на нем оставлено не будет».

Берингу было приказано не заниматься посторонними делами, хотя главным «посторонним» делом была доставка провианта и грузов из Якутска в Охотск.

Воевать с местными властями оказалось делом гораздо более трудным, чем плавать по неизвестным морям и отыскивать неведомые земли. Когда сенат потребовал от Беринга как можно скорее оставить Якутск, он отвечал, что затянувшееся на три года «бытие здешнее так мило, что он гораздо легче три и хотя бы более морских кампаний окончил, нежели здесь быть один год»¹⁰. Адмиралтейств-коллегия лишила Беринга двойного жалованья. Он отправил жену в Петербург, а сам продолжал заниматься делами экспедиции.

Беринг покинул Якутск лишь в 1737 г. «Он уехал,— по словам Вакселя,— лишь после того, как уверился, что обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами не могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности»¹¹.

О том, как ревностно заботился Беринг о нуждах и судьбе экспедиции, свидетельствует его рапорт в адмиралтейств-коллегию, отправленный в 1737 г. Он снова и снова обращал внимание на необычайно трудное положение экспедиции, так как он и его офицеры ни в малейшей степени не могли рассчитывать на помощь якутских и охотских властей. Местные чиновники ничего не делали для снабжения экспедиции, хотя именно им, согласно указу сената, надлежало заботиться об этом. Беринг подчеркивал, что только крайняя нужда вынудила его взять на себя все хлопоты по обеспечению экспедиции. В противном случае за минувшие три года не было бы отправлено в Охотск ни одного пуда провианта и не было бы построено ни одного судна.

---

¹⁰ ЦГАДА, ф. сената, д. 669, л. 121.

¹¹ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 33.

Беринг справедливо опасался, что с его отъездом из Якутска, очевидно, замедлится доставка провианта. Для одного состава экспедиции его требовалось около 16 тыс. пудов, не считая, что еще надо было заботиться о прокормлении около 500 человек, занимавшихся сплавом леса в Охотск для постройки судов, покоев и складов. «И ежели, — писал Беринг, — повсегодного отправления провианта не будет, то всемерно в таких пустых и безхлебных местах востребуется великая нужда и страх»¹². Он еще раз подчеркивал в заключение рапорта, что недостаток с подвозом провианта может привести к гибели многих людей и он вынужден будет «всех служителей распустить» и оставить все дела экспедиции.

В 1737 г. Свену Вакселю удалось доставить в Охотск значительную часть снаряжения для тихоокеанских отрядов экспедиции. Гораздо хуже обстояло с запасами провизии. После того, как летом в Охотск по настоянию адмиралтейств-коллегии перебрался Беринг вместе со своей командой, стало очевидно, что доставленных запасов продовольствия едва ли хватит до будущего лета. Пришлось отложить в 1737 г. отправку судов к берегам Японии.

Для «лучшего поспешения и надзирания в перевозке провианта» Беринг в феврале 1738 г. отправил под командой лейтенанта Вальтона отряд в составе 30 человек к Юдомскому Кресту. Им было поручено вместе с обретавшимися у Юдомского Креста служителями доставить возможно больше продовольствия к плотбищу на Ураке и построить к имеющимся 40 судам еще 20 барок. Как только река освободится от льда, суда, приняв груз провизии и других экспедиционных материалов, должны будут немедленно направиться в Охотск с тем, чтобы не задержать отправку отряда Шпанберга к берегам Японии.

Одновременно надо было заботиться о заготовке леса для постройки пакетботов, на которых ему вместе с Чириковым предстояло отправиться к берегам Америки. 14 февраля 1738 г. «в лес на Кутуй реку» было отправлено 42 служителя. К 20 марта они заготовили 491 «штуку» для судового набора и 638 бревен для постройки жилых покоев и сараев. На этом работы пришлось прекратить, поскольку кончилось продовольствие. Приш-

¹² Соколов А. П. Северная экспедиция..., с. 137.

лось взять 30 пудов муки из запасов отряда Шпанберга. Но и этого количества хлеба хватило бы лишь до середины апреля. Чтобы «не поморить людей с голоду», Беринг, прекратив работы по заготовке леса, отправил часть своей команды к плотбищу на Ураке. В Охотске остались лишь моряки, которые были необходимы для подготовки к плаванию судов отряда Шпанберга.

3 июня 1738 г. в Охотск прибыла продовольственная эскадра лейтенанта Вальтона. На 36 баржах он доставил 4499 пудов провианта и 138 ведер вина. При этом не обошлось без потерь — четыре судна, на которых находилось 592 пуда провизии, разбились. Прежде всего Беринг распорядился выдать годовой запас «морского и сухопутного провианта» отряду Шпанберга, отправлявшемуся к Японии. Утром 18 июня 1738 г. он покинул Охотск. Оставшихся служителей Беринг откомандировал на постройку пакетботов. Однако люди были крайне изнурены заготовкой леса и перевозкой экспедиционных грузов, многие тяжело болели. О том, в каком трудном положении находился Беринг в Охотске, дает представление его письмо к Н. Ф. Головину. «Служители платьем и обувью обносились, — сообщал он 30 июня 1738 г., — и все стали наги и босы, а помощи никакой учинить невозможно, и купить ничего негде, понеже здесь место пустое... К тому же служителям команды моей платья и обуви купить не на что, ибо на нынешний 1738 год денежного жалованья ничего не получали. И будучи служители в такой нужде у перевозки провианта, весьма исхудали и в зимнее время от великой стужи иные руки и ноги познобили и от такой трудности и за неимением другого харчу многие такие есть, что едва ходят, и во весь июнь месяц не менее 22 человек было больных и все исхудали. Что привело меня в немалое сомнение»¹³.

Спустя несколько месяцев Беринг снова сообщал Головину, что положение в Охотске отнюдь не улучшилось. На требования Беринга о доставке провианта иркутские власти отвечали, что эти работы возложены на коменданта Охотска Скорнякова-Писарева. Однако последний письменно уведомил, что его запасы ничтожны.

О бедственном положении моряков вспоминал Ваксель. «После отправления в 1738 году японской экспедиции, — писал он, — мы остались с таким малым запасом

¹³ Экспедиция Беринга, с. 306.

продовольствия, что до следующего 1739 года могли оставить у себя для продолжения постройки судов лишь каких-нибудь двадцать плотников, а всех остальных должны были отправить к складу на реке Урак к Юдомскому Кресту с тем, чтобы перебросить оттуда как можно больше провианта, и таким образом для нас бесплодно пропал целый год. Все же и с немногими оставшимися в Охотске людьми работа продвигалась вперед, так что большая часть деревянного остова судов, а частично и обшивка были готовы. Когда же в 1739 году удалось благополучно перебросить по Ураку в Охотск более сорока судов с провиантом под командой капитана Чирикова, а в 1740 году такая же перевозка была выполнена под моей командой, то мы в течение этих двух лет уже могли содержать на месте почти всех наших плотников, в числе около восьмидесяти человек, а кроме того, кузнецов, слесарей, парусников и тому подобных рабочих, и наша работа стала продвигаться очень успешно. Вместе с тем мы старались не оставлять в Охотске лишних людей, а направляли всех, кроме необходимых для охраны, на Урак и Юдому, всего в количестве около ста двадцати человек. Они должны были получить продовольствие на месте и понемногу также помогать перевозке провианта в Охотск, так как нашей главной заботой оставалась все время перевозка. В 1740 году состав нашей экспедиции был усилен еще двумя офицерами, а именно Иваном Чихачевым и флота мастером Софроном Хитрово: они должны были заменить в экспедиции захворавших и уволенных в отпуск офицеров»¹⁴.

В это время резко обострились отношения между Берингом и Скорняковым-Писаревым. «Дело, наконец, дошло до того,— писал А. П. Соколов,— что экспедиционное поселение Беринга и острог Писарева, стоявший подле, но несколько выше, были похожи на два враждебных стана. Недовольные Писаревым нижние чины и ссыльные перебежали к Берингу, по живописному выражению Писарева, „как некогда бежали из России на Дон и в Запорожье“, и были им принимаемы милостиво. Писарев, со своей стороны, насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом. Там и здесь беспрестанно подавались доносы, производились следствия, а у Писарева — даже пытки. Случалось, что Беринг приходил

¹⁴ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция..., с. 48—49.

со своею командою освобождать своих пленных и несколько раз грозился арестовать самого Писарева»¹⁵.

Между тем в Петербурге были недовольны тем, что экспедиция медленно разворачивала свои работы. Проходили годы, а реальных результатов достигнуто не было. На побережье Ледовитого океана гибли от цинги лучшие офицеры флота, на востоке еще только строились корабли для предстоящих плаваний к берегам Америки. Все новые требования Беринга о посылке денег опустошали казну (затраты на экспедицию достигли 300 тыс. руб.).

В сентябре 1738 г. кабинет императрицы Анны Иоанновны занялся рассмотрением дел экспедиции и рекомендовал сенату и адмиралтейств-коллегии остановить работы, а офицеров и матросов вернуть обратно в Петербург. Казалось, великое предприятие ждет неминуемая гибель. Однако, по счастью, нашлись люди, способные защитить Беринга. Это были президент адмиралтейств-коллегии Головин и адмирал Урусов. Атака кабинета императрицы была отражена.

В то время как в Петербурге решалась судьба экспедиции, Беринг продолжал руководить доставкой новых партий груза к исходной базе. В Охотск уже было привезено основное снаряжение: якоря, пушки, пенька, канаты, смола. Одного только хлеба, не считая других продуктов, ежегодно требовалось около 16 тыс. пудов.

В своих донесениях в адмиралтейств-коллегию Беринг писал, что «ежели и впредь жалование будет присылаться с таким же опозданием, как и ныне, то всемерно и на море выттить будет не с кем. Понеже ныне лучшего матроса от худости и наготы признать неможно, что он матрос, а показывает, якобы самый вящий невольник»¹⁶.

Дела складывались скверно. Одна надежда была на адмиралтейств-коллегию, но влиятельный Головин не всегда мог быстро прийти на помощь. Тем более, что положение и его самого весьма пошатнулось, о чем Беринг, живя в Охотске, разумеется, не мог знать. Надежда на то, что успех Д. Овцына, совершившего в 1737 г. плавание из устья Оби к устью Енисея, произведет благоприятное впечатление в Петербурге, не оправдалась. Не улучшило положения Беринга и успешное плавание к берегам Японии отряда лейтенанта Шпанберга.

¹⁵ Соколов А. П. Северная экспедиция..., с. 143.

¹⁶ Экспедиция Беринга, с. 225.

18 июня 1738 г. японский отряд в составе трех судов покинул устье Охоты. Бригантиной «Архангел Михаил» командовал Шпанберг, дубель-шлюпкой «Надежда» — лейтенант Вальтон и ботом «Св. Гавриил» — мичман Шельтинг. В открытом море встретились льды, которые пришлось обходить несколько дней. Затем начался шторм. Во время непогоды суда разлучились и дальше следовали самостоятельно. В Большерецке в начале июля суда вновь соединились. Здесь был пополнен личный состав отряда матросами бота «Фортуна», той самой «Фортуны», на которой приехал на Камчатку Крашенинников.

15 июля вышли к Курильским островам. Здесь вновь из-за густого тумана суда разлучились. Шпанберг прошел вдоль Курильской гряды, не высаживаясь на скалистые берега, тем более, что сильное течение и большая волна на море не позволяли стать на якорь. 3 августа, достигнув острова Уруп, Шпанберг решил возвращаться в Большерецк — он считал рискованным плавать в «жесткие погоды», к тому же и запасы сухарей подходили к концу.

Более удачным было плавание бота «Св. Гавриил». Командовавший им Вальтон положил на карту 26 островов, приблизившись к берегам острова Хоккайдо. Самые скромные результаты достались на долю мичмана Шельтинга. Разлучившись со своими товарищами, он повел свое судно в Большерецк.

Первое плавание японского отряда, хотя и не достигшего поставленной цели, принесло новые сведения о Курильской гряде, на которой первые россияне побывали еще в XVII столетии. Было составлено несколько карт Курильских островов, в шканечные журналы занесены первые описания их берегов, глубин и течений вблизи них. Велись ежечасные записи о ветрах, по несколько раз в сутки давалась общая характеристика погоды и ее изменений. Эти наблюдения, представляющие ценный материал для истории климата северной части Тихого океана, хранятся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота.

В течение зимы Шпанберг со своими спутниками готовился к новому плаванию. Были отремонтированы суда и построен небольшой шлюп «Большерецк». Командование им было поручено боцманмату Эрту. 21 мая 1739 г. отряд покинул зимовку и спустя четыре дня сделал остановку у первых Курильских островов. Затем суда легли

курсом на восточную оконечность гипотетической земли де Гама, но не обнаружили каких-либо признаков исполинской суши, нанесенной на карту.

16 июня 1739 г. примерно на 39° с. ш. Шпанберг приблизился к берегам Японии и направился вдоль них к югу, встречая по пути множество небольших японских судов. С борта «Архангела Михаила» моряки рассмотрели на берегу четыре большие деревни, поля были засеяны хлебом. Местами виднелся лес. 22 июня суда отдали якоря на расстоянии около версты от берега. «Тогда,— писал Беринг,— приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, из которых многие были на судах его, шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы». Жители ближних селений доставили «пшено сарочинское, огурцы соленые и редис большой, и табак листовой и прочие овощи». «Вещи, в которых была нужда», моряки брали «со всякою дружескою ласкою». Японцы с удовольствием принимали ответные подарки, благодарно «прижимая их руками к груди». Затем корабль Шпанберга посетили «знатные люди», которых одарили золотыми монетами.

Через несколько дней Шпанберг отдал приказ сниматься с якорей и следовать к Курильской гряде. По пути открылись неизвестные острова, затем была обнаружена большая группа островов.

В 20-х числах июля на корабле Шпанберга появились больные цингой. Решено было возвращаться в Большерецк.

Отдельно от отряда совершил плавание на боте «Св. Гавриил» лейтенант Вальтон. Чтобы пополнить запасы пресной воды, моряки высадились на восточный берег Японии в районе $37^{\circ}42'$. Их дружески встретили жители селения Амадумура (остров Хонсю), угощали вином, овощами, табаком, вареным сарочинским пшеном.

24 июня «Св. Гавриил» лег на обратный курс и через месяц возвратился благополучно в Большерецк. Отсюда три из четырех кораблей японского отряда прибыли в Охотск. Туда же направлялась и шлюпка «Надежда». Однако на пути к цели суденышко попало в жестокий шторм. Несколько дней моряки находились на краю гибели. Убедившись в невозможности зайти в устье Охоты, решили идти к Камчатке и 8 октября добрались до Большерецка, где остались на зимовку. Лишь в июле 1740 г. «Надежда» присоединилась к остальным судам японского отряда.

Итак, в 1738—1739 гг. японский отряд второй Камчатской экспедиции обследовал Курильскую гряду и посетил Японию. Беринг уведомил петербургские власти о результатах вояжа к берегам Японии и поручил Шпанбергу послать рапорт в адмиралтейств-коллегию, что тот и сделал 19 ноября 1739 г.

Судя по проекту указа кабинета министров, в Петербурге были весьма удовлетворены итогами плавания Шпанберга. «...Особливо зело приятно из оного рапорту нам видеть было,— отмечалось в документе,— коим образом вы во втором вояже не токмо многие острова Японские видели, но и к самим берегам японской земли приближались, тамошний народ видели и початок ласковому обхождению положили»¹⁷. В проекте указа далее отмечалось, что решено поручить Шпанбергу начальство («Главную дирекцию») над Камчатской экспедицией, всеми ее командами и делами. Берингу приказывалось передать Шпанбергу инструкции, казну, дела и возвращаться немедленно в Петербург.

Между тем находившийся в полном неведении Беринг отправил Шпанберга со всей его командой в Якутск. Здесь 10 апреля 1740 г. Шпанберг получил указ верховного тайного кабинета, утвержденный 24 января 1740 г. императрицей Анной Иоанновной, согласно которому ему следовало «дневно и ночью» ехать в Петербург. Шпанберг не знал, что спустя четыре дня после экстренного отправления из Якутска будет принят иной указ. Едва Шпанберг миновал Киренский острог, как его встретил «нарочно посланный лейб-гвардии каптенармус Аврам Дукорт». Прежнее распоряжение отменялось — Шпанбергу было приказано возвратиться в Охотск и приступить к подготовке нового плавания к Курильским островам, Японии и устью Амура.

Целый год ушел на подготовку экспедиции, в состав которой входили пакетбот «Св. Иоанн», дубель-шлюпка «Надежда», бригантина «Архангел Михаил» и шлюп «Большерецк». В сентябре 1741 г. три судна направились из Охотска в Большерецк, а дубель-шлюпка «Надежда» под командой Шельтинга взяла курс на Шантарские острова и вскоре приступила к их описи. Затем путешественники обследовали устье реки Уды с ее множеством рукавов и посетили Удский острог. Вскоре в судне поя-

¹⁷ Экспедиция Беринга, с. 259.

вилась течь, и моряки решили идти в Большерецк, которого благополучно достигли 9 октября. После зимовки на Камчатке, в мае 1742 г. все четыре корабля экспедиции вышли в море и взяли курс на Курильские острова, где вели исследования до конца июля. Частые штормы изрядно потрепали суда и все они, за исключением «Надежды», нуждались в починке. Корабли взяли курс сначала на Большерецк, а затем — на Охотск. В отдельное плавание ушла лишь «Надежда». В начале августа она прошла проливом между Сахалином и Японией, ныне носящим имя Лаперуза, и приблизилась к устью Амура. Проведя съемку берегов между Амуром и Удой, Шельтинг направился в Охотск, куда прибыл 10 сентября 1742 г. Из Охотска Шпанберг со своей командой направился в Якутск, поручив мичману Хмелевскому осмотреть берега Охотского моря к северу от Охотска и к северу от Большерецка.

На этом закончились исследования японского отряда, внесшего важный вклад в изучение Тихого океана. Прежде всего на месте мифических земель де Гама они обнаружили океан, открыли на всем протяжении Курильскую гряду и положили ее на карту. Вопреки представлениям западноевропейских ученых и мореплавателей, помещавших на своих картах Японию к востоку от Камчатки, русские моряки не только установили действительное положение японских островов, но и посетили их. При этом было установлено, что между Японией и Америкой нет связи. Был проложен морской путь между Камчаткой и Японией и доставлены науке первые данные об Охотском море и Амурском лимане.

Однако вернемся к Берингу, который в напряженные дни лета 1740 г. внимательно следил за последними приготовлениями к плаванью к неведомым северо-западным берегам Америки, не подозревая о том, что за это время его успели сместить, а потом снова назначить руководителем второй Камчатской экспедиции. Еще неделя-другая, думал он, и его суда вступят под паруса. Но 24 августа 1740 г. в Охотске появился каптенармус Аврам Дукорт, привезший Берингу срочные бумаги из Петербурга. Указом верховного тайного кабинета капитан-командору вменялось в обязанность составить «обстоятельную ведомость» о деятельности экспедиции, дав ответ на каждый пункт инструкций сената и адмиралтейств-коллегии.

Беринг понимал, что для составления обстоятельной записки о делах экспедиции потребуются месяцы. А он не мог потратить на это даже неделю. Необходимо было без промедления отплыть из Охотска к Камчатке, иначе будет упущено время и плавание к Америке будет отложено еще на год. Беринг отправляет с Дукортом в Петербург лишь краткое донесение об итогах второй Камчатской экспедиции, при этом сообщая, что обстоятельную ведомость он пришлет с берегов Камчатки. Проводив Дукорта, капитан-командор отдает приказ готовиться к отплытию из Охотска.

8 сентября 1740 г., спустя семь с половиной лет после отъезда из Петербурга, экспедиция, наконец, вышла в море. Теперь все зависело от Беринга, его помощника Чирикова, офицеров и матросов, от их мужества, смелости, выносливости.Packetботы «Св. Петр» под командой Беринга и «Св. Павел» под командой Чирикова оделись парусами и вышли на рейд. Вскоре к ним присоединились два небольших судна с продовольствием. Маленькая флотилия направилась к берегам Камчатки. Здесь, в устье речки Большой предполагалось создать продовольственный склад, а если позволит фарватер, то и остаться на зимовку всей экспедицией. Однако глубина на бере реке оказалась незначительной. Войти в нее судам было невозможно. «Св. Петр» и «Св. Павел» направились в Тихий океан проливом между Камчаткой и первым курильским островом. Ваксель отмечал в своей книге, что плавание этим проливом, посередине которого лежит каменный риф, было очень опасным. «За всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плавал на море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности»¹⁸.

Одиннадцать лет назад этим проливом Беринг шел на судне «Св. Гавриил», уверенный в том, что существует пролив между Азией и Америкой и что Америка находится где-то недалеко от Камчатки. И вот он снова стоит на борту корабля, который после зимовки у берегов Камчатки отправится на поиски неизведанных северо-западных берегов Америки. Мечта его сбылась. Но какой ценой он заплатил за нее, сколько потрачено сил, исхожено и изъезжено дорог! Он уже потерял счет трудностям и лишениям. Лишь худое изможденное лицо с глубокими складками около рта и воспаленными глазами выдает, что

---

¹⁸ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 11.

этот мужественный человек только усилием воли держится на ногах.

А между тем ветер усиливается. Капитан отдает приказ убрать часть парусов. «Св. Петр» несет только фок- и грот-марсель. Огромная волна ударяется о корму судна и прокатывается по всей палубе. Приходилось держаться за канат, чтобы не быть смытым в море. Судно попало в сулой. Прилив, шедший с востока, встретился с западным течением. Там, где столкнулись два потока, образовались огромные 20-метровой высоты водяные горы. Когда корабль падал с их вершин в ложбину, то казалось, что он непременно коснется днищем грунта и будет разнесен на куски. Привязанную за кормой шлюпку волны бросали, как щепку, беспощадно били о борт судна и грозили выбросить ее на палубу. Ветер налетал бешеными шквалами, и судно, не в силах побороть встречное течение, застывало на месте.

Беринг и его спутники опасались за главную мачту — она могла не выдержать несущихся потоков воздуха и рухнуть на палубу. Капитан стоял у штурвала и, обливаясь холодным потом, старался держать судно по ветру вразрез волне. Он, выдавший на своем веку немало бурь и штормов, понимал, что едва судно станет бортом под ветер, как волны навсегда похоронят его в океанской пучине. «Если бы в этот момент, — вспоминал Ваксель, — руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы, несомненно, пропали бы без малейшей надежды на спасение»¹⁹.

Когда прилив пошел на убыль, «Св. Петр» выбрался из опасного места и, дождавшись «Св. Павла», менее пострадавшего от сулоя, направился вдоль берегов Камчатки на север. 26 сентября суда подошли к Авачинской губе, где предполагалось остановиться на зимовку, но войти в нее не смогли. Неожиданно наплыл туман и окутал окрестности. Ночью разыгрался шторм. Суда ушли в море в ожидании, когда стихнет буря. «Св. Петру» опять не повезло — он потерял шлюпку.

Десять дней продолжался неистовый шторм. Только 6 октября суда смогли, наконец, войти в Авачинскую губу. Подходя к берегу, путешественники увидели несколько новых домов и складов. Их выстроил штурман Иван Елагин, посланный год назад на Камчатку, чтобы

¹⁹ Там же, с. 49.

подыскать удобную стоянку. Это была большая радость — офицеры и матросы могли спокойно провести зиму, живя на берегу в довольно сносных условиях. Беринг распорядился снять такелаж и поставить пакетботы на зимовку. Но теперь перед путешественниками вставала новая задача. Прежде всего надлежало позаботиться о том, как распределить скромные запасы морского провианта и на время зимовки и на предстоявшее путешествие. «Было принято решение, — писал Ваксель, — кормить команду в течение зимы рыбой и оленьей и выдавать ей половинную норму хлеба, с тем чтобы будущей весной, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытывали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов. Сушеной рыбой мы могли заготовиться в нужном количестве у камчадалов, а северные олени в количестве нескольких сот голов уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились все это время на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии, их мясо оказалось весьма приятным на вкус»²¹. (Не исключено, что именно эта вынужденная экономия привела затем к тяжелым последствиям, вызванным появлением цинги во время плавания кораблей к северо-западным берегам Америки.)

Затем экспедиции надо было решить другую сложную и ответственную задачу — организовать доставку грузов из устья реки Большой. Было подряжено около 400 собачьих упряжек — единственное транспортное средство на Камчатке, — на которых перевезли к месту зимовки половину запасов. Другая часть грузов впоследствии была погружена на провиантское судно и доставлена в Авачинскую губу в мае 1741 г.

Зимовка в Петропавловске (так был назван порт, заложенный экспедицией в Авачинской губе) прошла благополучно. Жители передали экспедиции больше сотни оленей, несколько сот пудов вяленой рыбы. Экономии только хлеб — муку надо было сохранить для предстоявшего плавания.

Вскоре в Петропавловск приехали Делаacroер, Стеллер, Крашенинников и Горланов, зимовавшие в Большерецке. Их рапорты, донесения, записки, полные любопытных сведений о природе Камчатки, местных жителях, их занятиях и обычаях дошли до нашего времени в составе

²¹ Там же, с. 52.

фондов Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР и Государственного архива древних актов в Москве.

Беринг предложил Стеллеру сопровождать его в плавание к северо-западным берегам Америки. Ученый немедленно ответил согласием. В 1741 г. ему было 32 года. Он получил высшее образование в Германии. По окончании университета Стеллер решил поискать счастья в России — некоторое время работал врачом в русских войсках, затем отправился в Кронштадт. Вскоре он познакомился с известным деятелем русского просвещения Феофаном Прокоповичем. По его рекомендации Стеллер был принят адъюнктом в Петербургскую академию наук и затем назначен на должность натуралиста второй Камчатской экспедиции. 24 декабря 1737 г. в сопровождении художника Ивана Корнельева ученый выехал в Сибирь. До Енисейска, где он встретился с Миллером и Гмелиным, Стеллер добирался более года, перенеся по дороге тяжелую болезнь. Академики предложили Стеллеру отправиться на Камчатку, чтобы помочь Крашенинникову завершить полное описание истории и природы этой земли.

Спустя полтора месяца Стеллер вместе со студентом Горлановым и художником Берканом двинулся на восток. Стеллера, по словам Гмелина, «нисколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он... Несмотря на всю беспорядочность, выказываемую им в образе жизни, он, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях, так что в этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было ничем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки»²².

В июле 1739 г. Стеллер переправился через Байкал, ознакомился с окрестностями Баргузина и осмотрел горы, расположенные по реке Витиму. Он не знал, что эти места уже обследовал Крашенинников. В начале лета Стеллер находился в Якутске, а 20 августа был на берегу Тихого океана. Еще через месяц он высадился на берегу реки Большой на Камчатке, где, как отмечалось, он

²² Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, т. 1, с. 591.

²³ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800, л. 368.

встретился с Крашенинниковым. В конце 1740 — начале 1741 г. Стеллер предпринял две поездки по Камчатке. Затем он стал готовиться к предстоящему плаванию, известив Беринга о том, что готов взять на себя производство «наблюдений, которые касаются до истории натуральной и народов и достояния земли», а также заниматься во время путешествия отысканием металлов и минералов²³.

Крашенинникова Стеллер отправил в Иркутск, а Горланову и Беркану поручил собирать материалы о животном и растительном мире Камчатки.

Тем временем Витус Беринг, Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, штурман Свен Ваксель, штурман Михаил Плаутин и «флота мастер» Софрон Хитров в течение всей зимы трудились над составлением «ведомости» о второй Камчатской экспедиции. Можно предположить, что в создании этого обстоятельного и исключительно достоверного с научной точки зрения труда, вероятно, принимал участие и лейтенант Дмитрий Овцын, который являлся адъютантом Беринга. Его подпись под документом отсутствует только потому, что он был в это время разжалован в матросы.

«Отчет» дает представление о многообразной деятельности второй Камчатской экспедиции с 1733 по 1740 г., включая исследования северных отрядов, геодезистов и моряков во внутренних районах Сибири и на побережье Охотского моря, плавания к Японии и Курильским островам. Менее всего освещены в нем изыскания Миллера, Гмелина, Крашенинникова и других участников академического отряда. Сделано это потому, что согласно инструкциям Беринг должен был лишь оказывать помощь в проведении астрономических обсерваций. Поэтому в «Отчете» отмечено: «что касалось до исправления, то исполняли, а что впредь... к исправлению принадлежит, то со всякою возможностью исполнять будем»²⁴. Вместе с тем в «ведомости» обстоятельно отражено взаимодействие отрядов экспедиции с учеными. Перечитывая скупые строки «ведомости», Беринг и его спутники не могли не испытывать чувства гордости за то, что сделано ими и их товарищами, но самое главное еще было впереди.

Оставались считанные недели до выхода судов в плавание. Шло обсуждение предстоящего маршрута. «Был созван совет из офицеров и штурманов, на который, со-

---

²⁴ Экспедиция Беринга, с. 171.

гласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии Делаacroер, француз по происхождению, — писал Ваксель. — Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных. На этой карте была показана так называемая земля Хуана де Гама в направлении к северо-восток-востоку от Авачинской бухты, расположенная на 47 и 45° северной широты и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты. На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на юго-восток-восток, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13° »²⁵.

Протокол подписали все участники совета. Для некоторых из них это был смертный приговор — экспедиция отправлялась на поиски земли, в действительности не существовавшей.

Заканчивались последние приготовления к дальнейшему плаванию. Грузили хлеб и воду, приводили в порядок паруса и такелаж. Суда были заново проконопачены и просмолены. Во второй половине мая все было готово к отплытию. На борт кораблей были погружены подарки для жителей островов и земель, которые могли быть открыты экспедицией. Всего в плавание на двух кораблях уходили 152 офицера и матроса и двое членов академического отряда. Делаacroер был определен на судно «Св. Павел», а Стеллера Беринг включил в состав своего экипажа.

В конце мая суда подошли к устью Авачинской губы, где сделали остановку, поджидая попутного ветра. 4 июня 1741 г. корабли вышли в море. Их провожало несколько солдат, остававшихся охранять склады в Петропавловске. Они искренне желали своим соотечественникам удачи и счастья. Экспедиция шла на юго-восток, к берегам вымышленной земли Хуана де Гама. Суда трепали штормы, но Беринг настойчиво шел вперед, стараясь точно исполнить указ сената. Часто наплывал туман. Чтобы не разлучиться, на кораблях били в колокол или стреляли из пушек. Прошла неделя плавания. Суда достигли 47° с. ш., где, судя по карте Делиля, должна была находиться земля Хуана де Гама, но никаких при-

²⁵ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 54.

знаков суши не было. 12 июня путешественники пересекли следующую параллель, но результат был тот же. Для всех стало ясно — они обмануты.

«Упомянутая карта,— писал Свен Ваксель,— была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через землю Хуана де Гама... Было бы, однако, честнее сперва исследовать действительно неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии мифической страны де Гама; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уже так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами. Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и трудов. Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его потому, что кровь вакипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью»²⁸.

Сознание, что бесценные дни потрачены на погоню за призраком, угнетало Беринга. Силы были на исходе. Он едва держался на ногах. Страшная цинга избрала его своей первой жертвой. Изнемогая от болезни, он приказал идти на северо-восток. Другого пути не было. Живым или мертвым, но он решил достичь северо-западных берегов Америки, еще не посещенных и не исследованных ни одним мореплавателем.

Едва суда прошли первые десятки миль к северу, как Беринга постиг новый удар. Океан вдруг окутало молочно-белым туманом. Пакетбот «Св. Павел» исчез из виду. Несколько часов было слышно, как там били в колокол, давая знать о своем местонахождении. Мелодичный уда-

---

²⁸ Там же, с. 55—56.

ляющийся звон будил в Беринге тревожные чувства. Опасения не были напрасны. Вскоре не стало слышно ударов колокола и глубокая тишина легла над океаном. Капитан приказал выстрелить из пушки, но ответа не последовало. Лишь было слышно, как закипает вода под кораблем и скрипят снасти рангоута.

Когда наступило утро и туман рассеялся, вахтенный офицер доложил Берингу, что второго судна не видно. Капитан послал матроса на салинг, но и он ничего не заметил в океане. Весь день моряки дежурили в бочке, но море было по-прежнему пустынно. Сомнения не было, суда разлучились. Беринг отдал приказ лечь на обратный курс.

Три дня пакетбот «Св. Петр» бороздил море, как было условлено, в тех широтах, где разлучились суда, но так и не встретил отряда Чирикова. Между тем Чириков три дня разыскивал пакетбот «Св. Петр». Убедившись в тщетности своих усилий, он лег курсом на северо-восток. 26 июня на горизонте заметили очертания гор, но вскоре выяснилось, что за землю они приняли облака. 7 июля на поверхности воды увидели траву с зелено-желтыми цветами, но при ближайшем рассмотрении убедились, что за траву приняли медуз. Спустя шесть дней цвет воды изменился, над мачтами «Св. Павла» пролетели птицы. Затем увидели плавающие стволы деревьев.

День 15 июля на корабле начался как обычно. Весь экипаж жил надеждой на встречу с землей. Вахтенные отмечали: «До полуночи была погода облачная с туманом и мокротою, а по полуночи сделалась погода ясная и до полудня было сияние солнца. В 2 часа по полуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли в дрейф. В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть, на которой виден был берег, и оной признавали мы подлинною Америкою по месту, по положению, по длине и по ширине»²⁷. Действительно, утром 15 июля перед мореплавателями открылись не исследованные ни одним путешественником берега. Это была Северная Америка.

Чириков подошел к ней в районе $55^{\circ} 11'$ с. ш. и $133^{\circ} 57'$ з. д. Таким образом, произошел один из удиви-

---

²⁷ Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережью Америки: С приложением судового журнала за 1741 г. М.: Географгиз, 1951, с. 209.

тельных случаев в истории географических открытий. Два корабля, раздельно совершавших плавание в течение месяца, подошли почти в один и тот же день к неизвестным берегам четвертого континента, тем самым начал исследование земель, получивших впоследствии название Русской Америки (Аляски).

Радость великого открытия, однако, вскоре была омрачена трагическими событиями. Чириков спустил шлюпку и отправил на ней под командой одного из лучших офицеров Абрама Дементьева 10 матросов, поручив им подыскать стоянку для корабля и ознакомиться с ближайшими окрестностями. Дементьеву даны были на разведку одни сутки, но прошел день, другой, третий, а команда не возвращалась. Впрочем, на берегу каждую ночь горели огни. Быть может, шлюпка при подходе к берегу разбилась о камни, и Дементьев со своими людьми не мог вернуться на корабль. Решено было отправить ялик с шестью служителями, вооруженными ружьями. Они должны были разыскать шлюпку и оказать ее команде необходимую помощь. На следующее утро из-за мыса появились два небольших суденышка. Вахтенные приняли их за шлюпку и ялик. Весть о возвращении товарищей обрадовала весь экипаж. Чириков приказал готовить к отплытию корабль. Однако радость была преждевременна — в суденышках оказались индейцы. Теперь всем было ясно, что их товарищи погибли. Чириков подошел со своим судном к тому месту, где приставали его шлюпки, но никого не увидел. Моряки бесследно исчезли. Послать экипаж на выручку товарищей он не мог, так как не осталось ни одного весельного суденышка. Так Алексей Чириков лишился почти четверти своего экипажа, обоих гребных судов и потерял неделю драгоценного времени. Эта потеря впоследствии стоила новых жертв.

25 июля «Св. Павел» возобновил плавание. Шли вдоль берега. Встречались киты, сивучи, моржи, многочисленные стаи уток и чаек. Невдалеке виднелись покрытые лесом горы. Затем встретили «превысокие горы, которые высотой своею камчатские высокие горы превосходят и все покрыты снегами». 26 июля Чириков принял решение прекратить исследование берегов Америки, осмотренных на расстоянии 400 верст, и следовать к берегам Камчатки. Впоследствии выяснится, что Чириков возвращался обратно примерно тем же курсом, что и Беринг, лишь временами уклоняясь то к северу, то к югу.

9 сентября на острове Адах путешественники заметили местных жителей. Вскоре семь байдарок подошли к борту корабля. Гостей одарили табаком, бусами, курительными трубками и объяснили, что нуждаются в пресной воде. Вскоре были доставлены к пакетботу два больших пузыря, наполненных речной водой. Чириков выменял различные предметы быта и одежды. После небольшой стоянки судно продолжало путь к западу. 22 сентября оно находилось у предпоследнего острова Алеутской гряды. Чириков в это время был уже болен и редко поднимался на палубу. Цинга поразила почти весь экипаж. Из офицеров держался на ногах лишь штурман Иван Елагин. Он и привел корабль «Св. Павел» в Петропавловскую гавань 12 октября 1741 г. В тот день судно «Св. Петр» под командой Беринга еще плавало в районе Алеутских островов.

В начале лета 1742 г. Алексей Чириков, оправившись от болезни, вышел в новое плавание к берегам Америки. Он открыл остров Св. Федора, побывал вблизи острова Атту, самого западного острова Алеутской гряды. Штормовая погода и слабое здоровье команды вынудили Чирикова повернуть в Петропавловск. На обратном пути он прошел мимо Командорских островов.

1 июля 1742 г. Чириков вошел в Авачинскую бухту, а спустя полмесяца моряки были уже в Охотске. Все они были уверены, что «Св. Петр» погиб вместе с командой. И никто из них не подозревал, что шли мимо острова, названного впоследствии именем Беринга, на котором нашли пристанище их менее удачливые товарищи.

Когда Беринг расстался с Чириковым, пакетбот «Св. Петр» трое суток бороздил море, как и было условлено, в тех широтах, где разлучились суда. Видя бесполезность поисков, Беринг приказал следовать к северу. День за днем «Св. Петр», подгоняемый штормовым ветром, летел по океанским просторам, круглые сутки офицеры и матросы несли вахту и внимательно следили за горизонтом, стараясь заметить землю или признаки ее близкого расположения. И вот впереди появилась черная точка, увеличивающаяся в своих размерах с каждой пройденной вперед милей. Все способные двигаться высыпали на палубу, чтобы взглянуть на клочок суши, которую они уже не видели несколько недель. Над крохотным островком кружились стаи птиц. Боясь наскочить на каменные рифы, моряки стали измерять глубину. Од-

нако лот не достал дна. Когда судно подошло поближе, то оказалось, что это не клочок земли, а большой мертвый кит.

Снова были поставлены все паруса, и «Св. Петр» продолжал плавание на северо-восток к западным берегам Америки. Около четырех недель экспедиция шла океаном, встречая по пути лишь стада китов. Все это время шторм нещадно трепал одинокое судно. Бури следовали одна за другой. Ветер рвал паруса, наносил повреждения рангоуту, распатывал крепления. В пазах кое-где появилась течь. Взятая с собой пресная вода была на исходе. Прошло более 40 дней, как суда вышли из Авачинской губы, и с тех пор ни разу не пополнили ее запасы.

На пакетботе появились большие цингой. Некоторые матросы были в тяжелом состоянии, в том числе и Беринг. Каждое утро усилием воли он заставлял себя вставать с койки, подниматься на палубу и поддерживать в своих людях веру в счастливый исход путешествия.

В первой половине июля в море появились водоросли, изредка встречались ветви деревьев, листья которых напоминали листья дуба. В ясные дни к северу параллельно курсу были видны облака каких-то необыкновенных очертаний. Некоторым морякам казалось, что слева видна окутанная туманом земля. То была не игра большого воображения. Экспедиция действительно шла вдоль гряды Алеутских островов. Заветная мечта Беринга вот-вот должна была осуществиться.

День 16 июля 1741 г. начался, как обычно, сменой вахт и определением координат судна. Утро было малооблачное, сияло солнце. Едва перевалило за полдень, как моряки увидели землю с высокими горными хребтами, покрытыми снегом²⁸. Северо-западные берега Америки, наконец, были достигнуты. Как долго мечтал Беринг об этом великом часе. И вот он настал. Всех охватило чувство ликующей радости. Никто уже не сомневался в благополучном возвращении в Петропавловск. Моряки поздравляли друг друга и своего капитана. Все были счастливы. Беринг был сдержан, а по словам участника экспедиции Стеллера, даже печален и угрюм. Когда Стеллер спросил капитана о причине его грусти, то он ответил: «Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть, нас назад не пустит пас-

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 50, л. 31.

сатный ветер. Земля нам незнакомая и для зимовки не хватает провианта»²⁹. Ему было тяжело и грустно сознавать, что в столь торжественную минуту у него едва достало сил, чтобы выйти на палубу и постоять там час-другой, любуясь ослепительно блестящей на солнце своими ледниками горой Св. Ильи.

И Берингу, и его спутникам не терпелось поскорее высадиться на американский берег. Но дули сильные переменные ветры. На море была большая волна. Опасаясь каменных рифов, экспедиция вынуждена была держаться в отдалении от открытой земли и следовать вдоль нее на запад. Только 20 июля волнение уменьшилось и моряки решили спустить шлюпку. На разведку отправился смелый и энергичный Софрон Хитрово, вскоре возвратившийся с интересным известием. «Хитрово,— писал Ваксель,— рассказал, что на одном из островов он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности, возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители, очевидно, имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой. Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. Посланная шлюпка также вернулась на корабль и привезла известие, что удалось найти пресную воду. Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, обнаружены дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова. Матросы встретили также пять живых красных лисиц, которые бегали взад и вперед и совершенно не боялись людей. Найдено было также в этом месте небольшое количество копченой рыбы, из которого четыре или пять штук доставлено на борт корабля. Эти рыбы оказались очень вкусными и по размерам, и внешнему виду напоминали крупных карпов. Немедленно же мы приступили к доставке пресной воды обеими нашими лодками. Воду мы брали с того большого острова, перед которым стояли на якоре.

На этом острове мы обнаружили также земляную юрту, а в ней разбросанные домашние вещи — явные признаки того, что там еще совсем недавно были люди, которые, видя наше приближение, по всей вероятности,

²⁹ Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг., 3-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946, с. 191—192.

спрятались в лесу. Остров оказался покрытым довольно густым лесом, по большей части еловым. После того как мы полностью запаслись водой, мы послали нашу шлюпку на берег, чтобы положить в упомянутую земляную юрту несколько подарков для их обитателей. Подарки эти состояли из куска ситца или гладкого полотна зеленого цвета, двух железных тарелок, двух ножей, двадцати больших стеклянных бус, двух железных курительных трубок и фунта листового табака»³⁰.

Беринг приказал отправить на остров натуралиста Стеллера. Его сопровождал казак Фома Лепехин. Стеллер провел 10 часов на берегу острова Каяк, успев за это время ознакомиться с покинутыми жилищами индейцев, предметами их быта, оружием и остатками одежды. Одновременно он описал 160 видов местных растений. Вечером 20 июля Стеллер возвратился на борт «Св. Петра». По распоряжению Беринга ему поднесли чашку горячего шоколада.

21 июля, назвав обследованное место мысом Св. Ильи, путешественники двинулись на запад. «Мы намеревались, — писал Ваксель, — следовать вдоль берега, и только тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделались, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того, чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля. Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас в противный. Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которых не удалось видеть. Что это действительно были острова, я заключил из того, что временами в течение 2—3 часов при неизменном ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением корабля. В особенности испугались мы однажды темной ночью,

---

³⁰ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 57—58.

после того как в течение нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать сажен. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойтц с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше. Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более, что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг, в течение долгого времени глубины оставались неизменными, наконец мы вышли на глубокую воду. Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми сажен. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него. Этот остров мы назвали на нашей карте „Туманным островом“³¹.

Особенно опасно было плыть у неизвестных берегов, в неведомом море в туманные ночи. Иногда в кромешной тьме вдруг выяснялось, что корабль находится на малых глубинах. И в какую только сторону ни уклонялось судно, глубины не увеличивались. Приходилось с риском идти к югу, надеясь встретить там открытое море.

Конец июля и август «Св. Петр» шел в лабиринте островов, то в отдалении от них. Беринг совсем обессилел и редко оставлял каюту. К концу подходили запасы пресной воды. Надо было думать об их пополнении. 29 августа экспедиция снова приблизилась к земле и стала на якорь между несколькими островами, которые были названы Шумагинскими (по имени матроса Шумагина, только что скончавшегося от цинги).

«Мы, — писал Ваксель, — немедленно послали нашу шлюпку со штурманом Андреем Гейвельбергом на один из самых больших островов, чтобы поискать пресной воды. Он пробыл там недолго и привез нам две пробы воды, качество которой нам показалось не очень хорошим, так как вода имела совсем слабый привкус соли. Мы не могли, однако, терять времени на поиски и полагали, что лучше иметь такую воду, чем никакой, во всяком случае

³¹ Там же, с. 59.

она была вполне пригодна для приготовления пищи, а для питья мы могли при некоторой экономии обойтись прежней водой и, таким образом, не страдать от недостатка пресной воды. Немедленно же были приняты меры к доставке воды в возможно большем количестве, какое только в состоянии была поднять наша большая лодка. Эта работа продолжалась всю ночь. Судно стояло на не вполне безопасном месте, так как оно было совершенно открыто действию южных ветров и мы не видели никакой возможности от них укрыться. Мы торопились поэтому как можно скорее запастись водой, чтобы без всякой поддержки снова выйти в открытое море»³².

Весь день и ночь шлюпка совершала рейсы между островом и кораблем, перевозя бочки с водой. На следующий день Хитрово с несколькими матросами отправился на поиски местных жителей, но встретить их не удалось — лишь горячие угли костра свидетельствовали о том, что они совсем недавно стояли здесь лагерем.

Когда шлюпка плыла назад, ветер засвевел и развел большую волну. О возвращении на корабль против ветра не могло быть и речи. Пришлось поставить парус и, подойдя к ближайшему острову, выброситься на берег. Прибойная волна окатила путешественников с головы до ног и едва не смыла в море. Хитрово распорядился разжечь костер, чтобы обсушиться и дать знать экспедиции о своем бедственном положении.

Между тем ветер усиливался. «Св. Петр» стоял в открытом проливе. Канаты могли не выдержать, и тогда неизбежна потеря якорей. Беринг вместо того чтобы спасти Хитрово и его спутников, приказал выйти в море. Наплывший туман скрыл судно от глаз моряков, потерпевших крушение. «Оставшихся на берегу людей охватило отчаяние, — писал Ваксель, — они были уверены, что для них не осталось никакой надежды на спасение. Переводчик-чукча, видя их отчаяние и громкие жалобы, пытался ободрить их и внушить им мужество. Он говорил, что на корабле остались честные и смелые люди, которые не бросят товарищей в беде, и если кораблю придется выйти в открытое море, а оставшимся пробывать некоторое время одним в ожидании помощи, то нет опасности умереть голодной смертью; на острове есть морская капуста, выброшенная морем в большом количестве, она

³² Там же, в. 59—60.

вполне пригодна в пищу, ею можно питаться, и из моря можно добывать этой морской капусты сколько понадобится. Моим милым друзьям пришлось ограничиться этим угощением, так как лучшего у них под руками не было, а затем они улеглись спать под открытым небом. Кто мог, уснул немедленно, а кто не мог уснуть, те плакали втихомолку, пока не устали от слез и тоже в конце концов уснули. На следующее утро моей первой заботой было послать за ними нашу большую лодку, и хотя ветер продолжал бушевать с большой силой, как только забрезжило утро, лодка была отправлена. Офицеру, командовавшему шлюпкой, я послал письменное приказание немедленно, без малейшей задержки погрузиться со своими людьми в большую лодку и вернуться на борт корабля, так как мы намерены без дальнейших задержек отправиться в море. Если бы оказалось несколько затруднительным привести с собой шлюпку, то из-за этого ему не надлежало задерживаться, а бросить шлюпку на берегу. Мое приказание было на сей раз в точности и без задержки выполнено»³³.

Вскоре Софрон Хитрово и его спутники (из-за прибойной волны им пришлось вплавь добираться до шлюпки) стояли на палубе «Св. Петра». Корабль выбрал якорь, оделся парусами и направился в море, однако через некоторое время вынужден был вернуться обратно под защиту Шумагинских островов — в океане бушевал шторм. Во время этой стоянки и произошла первая встреча русских моряков с американскими индейцами.

Однажды утром вахтенные заметили на одном из островов дым костра. Ветер доносил крики людей. Вскоре в бухте появились две байдарки, сделанные из тюленьей кожи. В каждой из них находился индеец. Байдарки подплыли к самому судну. Офицеры и моряки знаками приглашали индейцев подняться на корабль, но ни один не отважился на столь решительный шаг.

Едва индейцы успели причалить к острову, как вслед за ними отправились на шлюпке Ваксель, Стеллер, девять матросов и переводчик-чукча. У берега был сильный прибой, и, чтобы не разбиться о камни, шлюпка остановилась в некотором отдалении от острова. Свен Ваксель приглашал знаками толпившихся на берегу индейцев в гости, показывая различные подарки. Индейцы

³³ Там же, с. 62—63.

отвечали, что рады принять пришельцев, но и шлюпке не желали плыть на своих байдарках. Эта пантомима в конце концов наскучила нашим мореплавателям, и они отправили на берег вброд двух матросов и переводчика-чукчу. И только когда они ступили на землю, один из местных жителей, по-видимому старейшина, согласился нанести ответный визит русским морякам. Свен Ваксель угостил его водкой. Едва попробовав, старейшина выцлупнул содержимое стакана и с криком ужаса умчался обратно на своей байдарке.

Вскоре стало смеркаться, и Свен Ваксель приказал своим людям возвращаться к шлюпке. Индейцы не препятствовали матросам, но переводчика-чукчу не отпускали. Как ни требовал старший офицер его освобождения, индейцы были неумолимы. Несколько индейцев бросились в воду и, ухватившись за причальный канат, стали тянуть шлюпку к себе. Вакселю ничего не оставалось, как обрубить конец. С берега доносился крик чукчи, умолявшего не покидать его на произвол судьбы. Старший офицер приказал зарядить два мушкета. Едва прозвучали выстрелы, сделанные в воздух, как индейцы в страхе бросились на землю. Переводчик, воспользовавшись переполохом, кинулся в воду и благополучно добрался до шлюпки.

Побывав на острове, матросы убедились, что индейцы не употребляют ни лука, ни стрел, а инцидент с чукчей доказал, что они не знакомы и с огнестрельным оружием. Верхние одежды жителей сделаны или из кишок кита, или из оленьих шкур. Шапки, изготовленные из шкур сивучей, были украшены перьями. «Лица их,— писал Ваксель,— были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев. Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены. Их лица, по всей вероятности, состоит из различных морских животных и китового жира, так как большой кусок его они хотели подарить мне. Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и съедали сырыми. Я полагаю, что они так же хорошо разбираются в растениях, как камчадалы, которые тоже употребляют в пищу многочисленные корни, однако никогда не прикоснутся к растению, которое могло бы принести им вред, хотя таких вредных растений разных видов на Камчатке имеется очень много. Дальнейших све-

дений об американцах, их образе жизни и занятиях я не мог собрать за незнанием их языка, так как при мне не было никого, кто умел бы с ними разговаривать»³⁴.

Стеллер дал в своих записках более подробное описание жилищ, предметов обихода, одежды, оружия, пищи алеутов.

Видя, что люди, прибывшие в их страну на «крылатом корабле», не причиняют им зла, местные жители на следующее утро приплыли на семи байдарках к «Св. Петру». Они привезли в подарок мореплавателям две меховые шапки, искусно выполненную из кости фигурку человека и длинную палку, украшенную перьями. Моряки в ответ одарили индейцев бусами, полотном, ситцем, трубками и другими изделиями и, наверно, уговорили бы их посетить корабль, если бы не ветер. Большая волна вынудила жителей вернуться на берег. Собравшись все вместе, они подняли громкий крик, что моряки расценили как возгласы прощания.

Через несколько часов «Св. Петр» плыл под всеми парусами. 8 сентября океан заштормил. Буря была столь неистова, что мало кто верил в благополучный исход путешествия. И хотя деревянное судно выдержало натиск урагана, некоторые из офицеров стали поговаривать о необходимости остаться на зимовку, тем более что все время держались тучи, а воздух становился все более студеным. Однако путешественникам надо было спешить к берегам далекой Камчатки. Три недели плыли они, не видя земли. Стояли густые туманы.

Витус Беринг по-прежнему был тяжело болен. Его недуг еще больше усилился из-за сырости и холода. Почти непрерывно лил дождь. Положение становилось все серьезнее. По расчетам капитана, экспедиция находилась далеко от Камчатки. Он понимал, что доберется до родной земли не раньше конца октября, если только встречные западные ветры переменятся на попутные восточные. Только бы продержаться месяц-полтора, и он, Беринг, вернется с победной вестью — берега Америки достигнуты, открыты десятки островов, изведена северная часть Тихого океана, где до тех пор не бывал ни один мореплаватель. Открытия, которые он предусматривал в своем проекте, сделаны. Теперь лишь оставалось без промедления и задержки возвращаться в Петропавловск. Он от-

³⁴ Там же, с. 67.

дает приказ штурманам и офицерам внимательно следить за небом, чтобы, как только появится солнце или звезды, успеть определить положение корабля. Но тщетно, тучи не рассеиваются.

«Мы,— писал Ваксель,— должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, что слепые... Не знаю, существует ли на свете более безотрадное, или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания... мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий»³⁵.

25 сентября Берингу доложили — на горизонте земля. Он с трудом поднялся на палубу. Вблизи виднелся окруженный мелкими островами материк, в глубине которого возвышалась высокая гора, названная горой Св. Иоанна. Определить точное местоположение земли было невозможно. По счислению она находилась на 52°30' с. ш.

Экспедиция не имела ни времени, ни возможности пристать к берегу и вынуждена была продолжать плавание. Положение Беринга и его спутников ухудшалось с каждым днем³⁶. 27 сентября налетел жестокий шквал, а через три дня началась буря. Только спустя четыре дня ветер несколько уменьшился. Передышка оказалась непродолжительной — 4 октября налетел новый ураган, и огромные волны снова в течение нескольких суток обрушивались на борта «Св. Петра».

В начале октября большая часть команды заболела цингой, у многих отнялись руки и ноги. Запасы провизии катастрофически таяли. Водка, которую давали больным как лекарство, кончилась несколько недель назад. Почти каждый день море принимало на вечный покой участников экспедиции.

В середине октября, несмотря на встречный западный ветер, «Св. Петр» стал снова понемногу продвигаться вперед. Вскоре было открыто три острова: Св. Маркиана, Св. Стефана и Св. Авраама. «В нашей команде,— отмечал Ваксель,— оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились

³⁵ Там же, с. 68.

³⁶ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 51, л. 68.

до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту <...> Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень... с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем» <...> Корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра, куда им только вадумалось его погнать»³⁷.

24 октября 1741 г. палубу покрыл первый снег, но, к счастью, продержался недолго. Воздух становился все более студеным. В этот день, как отмечено в вахтенном журнале, больных было «разных чинов 28 человек», а 26 октября — уже 30³⁸.

Беринг понимал, что в судьбе экспедиции наступил самый ответственный и тяжелый момент. Изнуренный болезнью, он с трудом поднимался на палубу, чтобы ободрить офицеров и матросов. Капитан обещал, как только на горизонте появится земля, непременно причалить к ней и остаться на зимовку. Команда «Св. Петра» безгранично верила Берингу, и все, кто мог передвигать ноги, напрягая последние силы, исправно несли вахту.

4 ноября рано утром на горизонте обозначились контуры неизвестной суши. Весь экипаж оказался на палубе. В этой земле, которую многие принимали за Камчатку, моряки видели надежду на спасение. Впервые за последние два месяца на корабль Беринга пришла настоящая радость. Очертания берега чем-то напоминали окрестности Авачинской губы. Это сообщение было встречено дружным ликованием. Кто-то даже узнал знакомые мысы и горы.

Но вот корабль приблизился к земле. Очертания ее изменились. На откосах гор не видно зеленых деревьев.

³⁷ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 70.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 51, л. 72.

Только вершины убраны снегом. Нет, это не Авачинская губа, а, скорее всего, северная часть Камчатки. Так думали офицеры и матросы, так думал и Беринг, хотя сомнение уже закрадывалось в его душу. Никто не мог сказать точно, что это за земля. Дело в том, что экспедиция давно не определяла свое положение по солнцу и отмечала свой путь по счислению. «Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде,— писал Свен Ваксель,— мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но никому на свете. Ввиду этого мы и не имели никакой возможности с точностью определить землю, которую мы наконец увидели, тем более, что в течение пяти месяцев плавания мы ни разу не встречали на своем пути изведенную и описанную землю, исходя из чего могли бы исправить и привести в порядок наши судовые журналы и расчеты. Мы не имели ведь даже морской карты, которой могли бы руководствоваться, но шли как слепые, ощупью, не зная куда идем. Единственным нашим пособием была чистая меркаторская карта, которую мы сами себе изготовили перед выходом из Камчатки и на которой мы ежедневно отмечали суточный переход во время плавания к востоку, по этому же пути нам следовало возвращаться обратно. Все это получилось бы в конце концов неплохо, если бы нас не ввела в заблуждение неоднократно уже упомянутая мною неправильная карта»³⁹.

Всю ночь корабль держался вблизи острова. Когда рассвело, моряки увидели, что неистовыми порывами ветра перебило по правому борту ванты. Паруса на них уже не держались. Когда Берингу доложили об этом, он решил созвать совет, в котором участвовали Ваксель, Хитрово, Стеллер, Овцын, унтер-офицеры и др. Чтобы спасти судно и служителей, капитан приказал готовиться к высадке на неизвестную землю.

В 5 часов вечера подошли на близкое расстояние к земле и отдали якорь. Через час судно сорвало с якоря и понесло сильным ветром прямо на каменный риф. Глубины стремительно уменьшались. Бросили еще один якорь, но канат тут же лопнул. Судно дважды килем ударилось о грунт. Казалось, минуты гибели путешественников приближались неотвратимо. «Не могу не рассказать

³⁹ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 72.

при этом, как при всех наших неудачах нам улыбнулось неожиданное счастье,— писал Свен Ваксель,— дело в том, что мы не успели бросить третий якорь, что по морским правилам обязаны были сделать. Если бы это было сделано, то мы, конечно, потеряли бы и этот якорь и, следовательно, у нас не осталось бы ни одного якоря, которым могли бы удержаться на месте после благополучного перехода через каменную гряду. Пока мы были заняты подготовкой к спуску третьего якоря, наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь на глубине четырех с половиной сажен на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега, и остались там стоять в течение всей ночи в ожидании наступления дня. Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова на всем его протяжении нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты.

Повсюду в других местах остров окружен большими каменными рифами, простирающимися в море на расстояние более половины немецкой мили. Место, где нам удалось проскочить, настолько узко, что, пройди мы на двадцать сажен севернее или южнее, мы неизбежно сели бы на каменный риф, и ни одному из нас не удалось бы спасти свою жизнь. В то время, когда мы бросили якорь, уже было совершенно темно, и мы отнюдь не могли выбирать места, где его бросить, а должны были делать это наудачу»⁴⁰.

7 ноября Беринг отправил на берег Плениснера и Стеллера. Высадившись на землю, они обнаружили лишь заросли карликовой ивы, кое-где на берегу лежали бревна, выброшенные морем и засыпанные снегом. Поблизости протекала небольшая речка. Наконец, можно было насытиться вдоволь хотя бы водой. В окрестностях бухты обнаружили несколько глубоких ям, которые, покрыв парусами, можно было приспособить под жилье для больных матросов и офицеров. Через день началась высадка. 9 ноября Беринга перенесли на носилках в подготовленную для него землянку. Наиболее здоровые члены команды, насколько у них хватало сил, перевозили своих товарищей в корабля на берег. Высадка проходила медленно.

---

⁴⁰ Там же, с. 74.

Многие из больных умирали по пути или едва ступали на землю. Так погибло девять человек.

Драматизм тех дней особенно ярко передает дневник Вакселя: «19 ноября,— писал он,— я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня было на борту лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и дал несколько выстрелов из пушки. Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде, однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгresti и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду. Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся вместе со мной на борту корабля, одновременно со мной были также перевезены на берег. За несколько дней до этого ради тепла я переселился в камбуз корабля, так как видел, что многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух, ввиду этого при переезде на берег я принял некоторые меры предосторожности. Я покрыл свое лицо почти целиком теплой и плотной шапкой, а другую такую шапку надел себе на голову,— и все же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеуказанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы еще на корабле, так как силы мои уже подходили к концу. Конечности мои в это время были совсем парализованы, я не в состоянии был делать ни одного шага, не опираясь на двух людей, которые поддерживали меня под руки. Заразился я этой болезнью еще во время плавания в открытом море, но, заставляя себя постоянно находиться на палубе в непрерывном движении, мне удалось не свалиться в постель до самого момента постановки судна на якорь. Особенно

плохо мне стало тогда, когда я переселился в камбуз. Я полагал, что, имея возможность поддерживать там небольшой огонь, я буду жить там с большими удобствами, чем на берегу, где пришлось бы валяться под открытым небом, все равно что на снегу. Однако я жестоко ошибся, дурной и нездоровый воздух, исходивший из кубриков корабля, в которых помещалось столько людей, в течение двух или трех месяцев не покидавших места, неподвижно лежавших в закрытом помещении на своих койках и справлявших на них все свои естественные нужды, этот дурной и нездоровый запах, повторяю, так скверно на меня подействовал, что я перестал владеть руками и ногами, у меня стали шататься зубы,— я был уверен, что близок час моей смерти. Мой товарищ, Софрон Хитрово, тоже держался на ногах все время, пока мы находились в плавании, хотя и у него цинга проявлялась в довольно сильной форме, он был мне все это время добрым и преданным помощником. Только тогда, когда его перевезли на остров и высадили на берег, выяснилось в полной мере, как сильно он поражен болезнью. Он свалился в постель и настолько обессилел, что совершенно не мог держаться на ногах, оставалось очень мало надежды, что удастся сохранить ему жизнь. Болезнь затянулась у него гораздо дольше, чем у меня: когда я уже поднялся и стал ходить, он еще долгое время оставался лежать»⁴¹.

22 ноября последние больные были доставлены на открытую землю. «Св. Петр», покинутый экипажем, стоял на якорях в бухте. 28 ноября сильной бурей корабль сорвало и выбросило на берег. Моряки в первое время не придали этому серьезного значения, так как верили, что высадились на Камчатку. В скором времени они надеялись установить связь с жителями и на собаках совершить путешествие в Петропавловск.

Через несколько дней Беринг отправил две партии моряков с заданием обследовать окрестности. В первый же день дорогу путешественникам преградили горы, взобраться на которые, однако, у них не хватило сил. В пути они не видели ни тропинок, ни признаков человеческого жилья. Встречались лишь песцы да морские бобры, которые совершенно равнодушно отнеслись к появлению

---

⁴¹ Там же, с. 75—76.

людей. Похоже было, что они не знакомы с человеком и несколько не боятся его.

Прошло еще несколько дней, и капитан направил на разведку новую группу служителей. Ей удалось подняться на вершину горы. С высоты они увидели безбрежное море. То была не Камчатка, а затерянный в океане необитаемый остров. «Это известие,— писал Ваксель,— подействовало на наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель. В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, выброшенными, так сказать, под открытое небо. К тому же вся земля была покрыта снегом. Впереди предстояла длительная зима с неизбежными сильными морозами. А у нас совсем не было дров. От таких тревожных мыслей не мудро было дойти до отчаяния и усомниться в возможности нашего спасения... Не оставалось ничего другого, как заpastись терпением и покориться неизбежному. Было невозможно придумать, как перезимовать на этом пустынном острове. Приходилось только надеяться, что те из нас, кому удастся пережить зиму, по наступлении весны найдут какое-то средство спасти всех остальных»⁴².

В это страшное время Беринг чувствовал, что дни его сочтены, но продолжал заботиться о своих людях, о том, чтобы были спасены грузы с выброшенного на мель корабля. Капитан-командор лежал в землянке, прикрытой сверху брезентом. Он уже не ощущал голода, ему не хотелось есть ни ржаные лепешки, ни обжаренное мясо морских бобров. Сильнее всего Беринг страдал от холода. Силы оставляли его, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сползавший со стен землянки песок засыпал его до пояса. Когда офицеры предложили откопать его, Беринг воспротивился, заявив, что так теплее. Несмотря на все несчастья, выпавшие на долю экспедиции, он не утратил бодрости духа и находил теплые слова для своих приунывших товарищей.

Беринг умер 8 декабря 1741 г., не зная о том, что последнее пристанище экспедиции находится в нескольких сутках хорошего хода судна от Петропавловска.

⁴² Там же, с. 79.

После смерти Беринга командование отрядом перешло к лейтенанту Вакселю, старшему по чину офицеру. Экспедиция к этому времени лишилась более 25 человек. «Мы подсчитали оставшиеся у нас запасы провианта, который состоял из небольшого количества ржаной муки и крупы,— писал Ваксель.— Эти запасы, однако, находились еще на корабле и уже в течение нескольких дней были затоплены соленой водой. Провизии предстояло пробыть еще несколько дней в воде, в ожидании, пока несколько человек из числа нашей команды не оправятся настолько от своей болезни и не соберутся с силами, чтобы вытащить запасы из помещения, затопленного водой. Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая вскоре совсем окончилась. Кроме того, было выдано пять фунтов подмоченной крупы и полфунта соли.

Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и кореньями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать с тем, чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия — переезда с острова на материк. Таким распределением (лучше которого при наших обстоятельствах придумать было невозможно) все люди были вполне удовлетворены, тем более, что было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением»⁴³.

Люди так обессилели, что не могли вынести трупов из своих землянок. Только несколько человек способны были ходить, охотиться на морских бобров и приносить мясо своим товарищам.

«За крайним недостатком провианта,— писал Свен Ваксель,— будучи на том острове, ели всю непотребную и натуре человеческой противную пищу, что море давало. Иногда бобровое, а иногда котовое и нерпичье мясо, тако ж и выкинутых из моря мертвых китов и сивучев, всю зиму и весну до мая месяца и мая несколько дней. А потом, когда бог дал в мае морскую корову (которую еще

---

⁴³ Там же, с. 80—82.

как и чем промышлять едва домыслились и за величиною ее насилу вытащили), то уже за великое благополучие доставили и за сладкую пищу мясо оной употребляли. И после их промышляли, понеже оных коров мясо приятнее нам есть было, нежели прочих зверей. Ибо бобровое... весьма жестко, как подошвенная кожа: сколько б ни варили, разжевать не можно. Целыми кусками глотали. А котовое очень тяжко воняет, а нерпичье — и наипаче того, что при довольстве и терпеть невозможно и одного духу, не токмо б есть. А мы и то все ели, хотя мерзко и нездорово, того не разбирали, лишь бы только было»⁴⁴.

Свежая пища, несмотря на скверное жилище, в котором ютились путешественники, способствовала выздоровлению многих участников экспедиции. 8 января был последний смертный случай. Всего из экипажа «Св. Петра» умер 31 человек, 45 остались живы, отвоёвав себе жизнь в отчаянной схватке с трудностями и лишениями. Из ржаной муки путешественники приготовляли лепешки, которые пекли на сковородках, смазанных китовым жиром. Это было настоящим лакомством. Надо было не поддаваться искушению и распределять свою порцию так, чтобы съесть ее не сразу, а в два приема. «Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, — писал Ваксель, — так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему — Лоренц Ваксель. Ему, конечно, хотелось съесть такую же долю, как и мне, и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки»⁴⁵.

Много неприятностей доставляли штормовые ветры и ураганы. Они срывали брезентовые крыши с землянок и засыпали снегом их обитателей. «Кто обладал одеялом или шинелью, — писал Ваксель, — тот имел и дом, ибо единственным возможным средством укрытия от непогоды было натянуть на себя что-нибудь, покрыть все тело с головы до ног и лежать неподвижно до момента окончания пурги, которая иногда продолжалась довольно долго. Когда же непогода кончалась, люди вставали, отряхивали снег со своих одеял и приводили в порядок свое жилище в ожидании следующей непогоды.

⁴⁴ Экспедиция Беринга, с. 299.

⁴⁵ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 86.

Необходимо отметить при этом, что, когда мы оказывались покрытые снегом, мы совершенно переставали ощущать холод. Иногда ветер бывал так неистово силен, что один раз, например, некоторых из наших людей, которым пришлось выйти из землянок за естественной нуждой, несомненно, унесло бы в море, если бы они не догадались броситься на землю, изо всех сил ухватиться за камни и другие находившиеся на земле предметы и остаться лежать, не двигаясь с места до окончания шквала. Меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки... Я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей. Тут из землянки вышли два матроса и с превеликим трудом доставили меня в землянку и сами еле-еле туда забрались»⁴⁶.

Драматичность положения усугублялась недостатком дров. Ближе 10 верст от места высадки не разыскать было плавника. Бревна на столь дальнее расстояние таскали на своих плечах.

Путешественников подстерегали и другие неприятные неожиданности. Дважды остров сотрясся от подземных толчков. Песок сползал со стен убогих жилищ и почти доверху засыпал землянки. «К счастью, их удалось быстро раскопать,— писал Ваксель,— так как землетрясение продолжалось недолго. Впоследствии, вернувшись с острова на Камчатку, я навел справки и узнал, что как раз в то время и там наблюдалось землетрясение, а ведь мы находились в то время на расстоянии не менее двухсот верст от Камчатки»⁴⁷.

Это были первые наблюдения над сейсмическими явлениями на островах северной части Тихого океана. Впоследствии с наблюдениями Крашенинникова они вошли в состав «Каталога землетрясений Российской империи», подготовленного русскими учеными И. Мушкетовым и А. П. Орловым.

Как ни длинна была зима с ее метелями и жестокими морозами, все же и ей пришел конец. Наступила долгожданная весна — сошел снег, побежали ручьи, чаще проглядывало солнце. Моряки, несколько восстановившие свои силы, стали думать о продолжении плавания. В марте 1742 г. Свен Ваксель собрал совет. Он призвал своих

⁴⁶ Там же, с. 87.

⁴⁷ Там же, с. 88.

спутников без различия чинов и званий отдать все силы, чтобы выбраться из этой «неприятной страны», Совет проходил бурно. Одни считали необходимым послать шлюпку к берегам Камчатки с известием о бедственном положении экипажа, другие настаивали на снятии с камней «Св. Петра». По предложению Софрона Хитрово и Свена Вакселя было решено строить новое судно из остатков «Св. Петра», находившегося на мели и сильно потрепанного океаном. Однако возникла непредвиденная трудность. Среди моряков не оказалось ни одного корабельного мастера. Единственная надежда была на сибирского казака Савву Стародубцева, который участвовал в постройке судов экспедиции в Охотске.

7 мая 20 человек приступили к работе. Остальная часть команды отправилась на промысел за 30 км от лагеря. Бедственное положение с питанием навело на мысль устроить охоту на морских коров, и хотя это дело оказалось трудным и опасным, путешественникам сопутствовала удача.

«Расскажу теперь полноты ради также о том, что мы потребляли в качестве питья,— писал Свен Ваксель.— Пили мы большею частью чистую воду, которая, на наше счастье, в изобилии доставлялась небольшим ручьем, протекавшим в непосредственной близости от нашего лагеря. Вода из этого ручья оказалась довольно приятной на вкус и вполне здоровой, что немало содействовало нашему излечению. Пока земля была покрыта снегом, мы раскапывали снег и искали брусничные листья. Найдя их, мы основательно отваривали их в кипятке и пили этот настой вместо чая. Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы, из них мы приготовляли чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями»⁴⁸.

⁴⁸ Там же, с. 89.

Надо особо отметить, что весьма неприхотливый к жизненным условиям Стеллер в течение всей зимовки на острове Беринга занимался изучением животного и растительного мира, климата и природных особенностей этого затерявшегося в океане клочка земли. (Свои наблюдения он обобщил в «Топографическом и физическом описании острова Беринга», увидевшем свет в 1781 г.) Здесь Стеллер собрал 211 видов растений; многие из них он встречал в горах Европы, Восточной Сибири, Охотского края, Камчатки, на северо-западных берегах Америки. Увлекали его и наблюдения над сивучами. «Хотя эти звери очень боятся человека,— писал Стеллер,— но я заметил, что при частых встречах с людьми, которые их не пугают, привыкают и приучаются, особенно если они еще молоды и не научились плавать. Однажды, расположившись на возвышенном месте, я прожил среди них целых шесть дней и наблюдал из своей палатки их поведение. Они лежали кругом меня, рассматривали огонь и все, что я делал. Они не убегали, когда я ходил среди них...»⁴⁹.

Стеллер составил описание морской коровы, которая была им впервые обнаружена на этом острове, а спустя 30 лет совершенно истреблена. Он исследовал рельеф, реки, горы, береговые террасы и прибрежные рифы, кольцом окружающие остров. Подробно был изучен климат. Стеллер нашел его сходным с климатом Камчатки. Он отмечал частые бури и ураганные ветры, достигавшие в горных долинах необычайной силы⁵⁰.

В конце мая остов корабля был полностью закончен. В начале июня приступили к внешней обшивке. Судно имело длину 40 и ширину 13 футов. Высота его составляла 6 футов. «В кормовой части судна,— писал Ваксель,— была устроена каюта, где во время пути помещался я вместе с тремя офицерами. В носовой части был сделан камбуз, т. е. помещение, в котором для всей команды приготавливалась пища. Уложены были также палубные балки и палубный настил, и каждая балка, как то вообще принято, была прочно укреплена кницями, или деревянными кронштейнами кривой формы. Было приспособлено также восемь весел по четыре с каждой стороны. Таким образом, в смысле успешности нашей

⁴⁹ Цит. по кн.: Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 150.

⁵⁰ Берг Л. С. Открытие Камчатки..., с. 260—261.

работы мы, судя по всему, не имели оснований жаловаться»⁵¹. В конце июля начали конопатить судно паклей и старыми канатами. Смолу для подводной части судна вытопили из якорного каната, который еще ни разу не был в употреблении, пазы выше ватерлинии решено было смазать топленным салом.

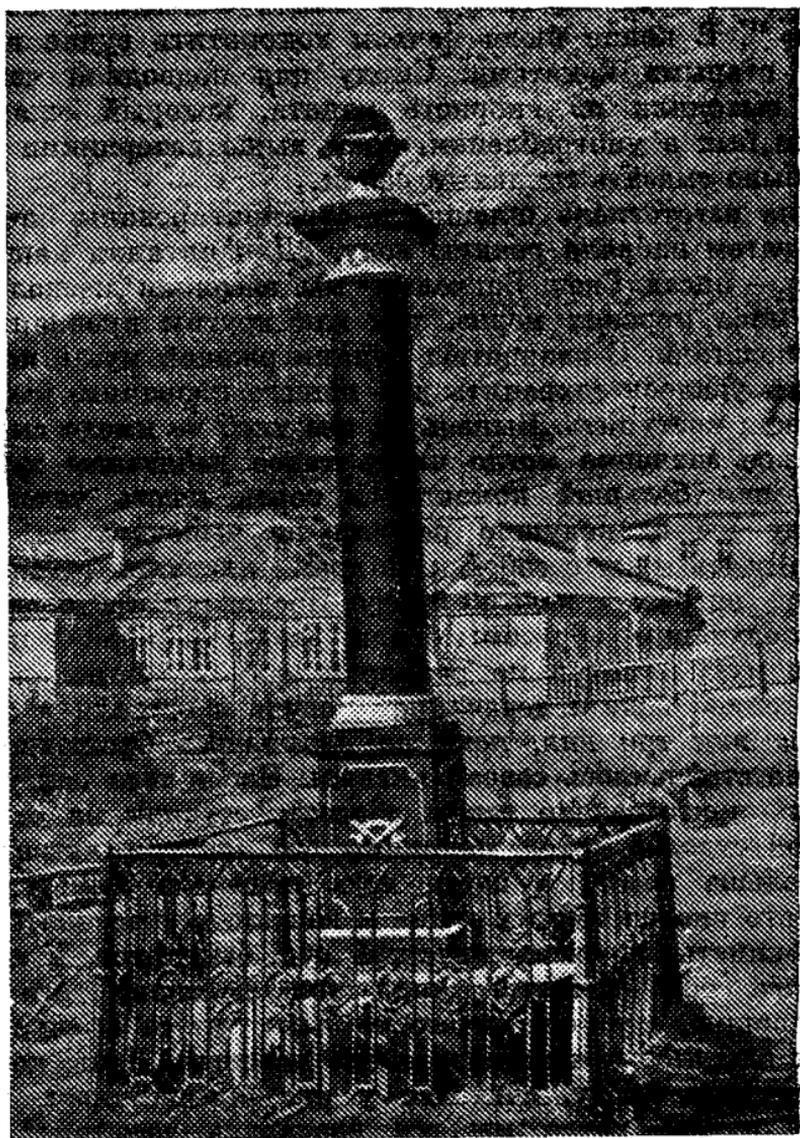
Была изготовлена шлюпка и отремонтированы бочки, в них затем набрали речную воду. «Для питания нашего в пути,— писал Свен Ваксель,— мы засолили несколько бочек мяса морских коров, так как другим провиантом не располагали. С двадцатью пудами ржаной муки, которые нам удалось сохранить для нашего плавания, мы не знали как поступить. Выпечь из нее хлеб не имело смысла: какое значение могло иметь такое небольшое количество для большой команды в сорок шесть человек. Поэтому мы единодушно решили не выпекать из нее хлеб, а взять муку с собой и во время плавания готовить два или три раза в неделю бурду. Последняя приготавливалась следующим образом: брали двадцать или больше фунтов муки, смотря по размерам запасов, замешивали ее на теплой воде и деревянной посуде и оставляли стоять два или три дня, пока не начиналось брожение и тесто не становилось совсем кислым. После того как тесто было приготовлено таким образом, ставили на огонь большой судовой котел, наполнив его на три четверти или больше водой, а когда вода начинала кипеть, то клали это кислое тесто в котел и давали ему основательно прокипеть, и очень вкусный суп был готов. У кого оставался еще китовый жир, тот добавлял его в свою порцию, а у кого ничего не было, тот ел его и так, и всем нам этот суп казался очень вкусным. День, когда мы получали бурду, считался у нас праздничным, так как от одного котла мы все наедались досыта»⁵².

В конце июля постройка судна была закончена. 10 августа его спустили на воду. В течение трех дней погрузили запасы, снаряжение и балласт. 13 августа путешественники простились с островом, который единодушно называли именем Беринга. На его берегу осталась могила отважного капитан-командора. Там же были брошены за ненадобностью пушки с первого корабля.

---

⁵¹ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция..., с. 96—97.

⁵² Там же, с. 98.

Памятник В. Берингу в Петропавловске-Камчатском

На третий день плавания, когда моряки находились далеко от острова, в судне открылась течь. Воду вычерпывали насосами и вручную, но она продолжала прибывать — оказалось, что в одном пазу волной выбило конопатку. Паз заделали, вода пошла на убыль, и корабль продолжал плавание.

17 августа, как только рассеялся утренний туман, прямо по курсу открылась земля. Это была Камчатка. Моряки направились вдоль ее берегов к югу, и через

10 дней «Св. Петр» отдал якорь в Петропавловской гавани. При виде низеньких, так хорошо знакомых строений всех охватила радость. Это был самый счастливый день в жизни 45 оставшихся в живых спутников Беринга. После 15 месяцев скитаний в океане и зимовки почти под открытым небом на необитаемом острове в условиях голода, холода и непосильного труда они, наконец, ступили на родную землю. «Я,—писал Свен Ваксель,— не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию — целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры и масса всяких удобств, без которых приходилось обходиться в течение всей прошлой зимы. Все это вызвало такую бурную радость, составило такой контраст, что словами высказать это невозможно»⁵³.

Первым делом Свен Ваксель отправил в Петербург рапорт о плавании «Св. Петра» и смерти капитан-командора Беринга. Летом 1743 г. «Св. Петр» достиг Охотска. Отсюда моряки отправились в Якутск, где их ждал Алексей Чириков.

Между тем в сентябре 1743 г. сенат принял указ о приостановлении действий второй Камчатской экспедиции. Чирикову и Шпанбергу было приказано «более в морские вояжи не ездить», морским офицерам — покинуть пределы Иркутской губернии, необычайно пострадавшей от неурожая.

Закончив плавание к северо-западным берегам Америки, Стеллер продолжал вести научные исследования. Вернувшись на Камчатку, он еще два года посвятил ее изучению. В мае 1743 г. Стеллер совершил поездку на Курильские острова, где сделал рисунки морского бобра, затем обследовал многие районы Камчатки, организовал там первую в крае школу и предложил ряд мер по улучшению положения местного населения.

Стеллер умер 12 ноября 1746 г. в Тюмени. Так закончился жизненный путь одного из сподвижников Беринга, ученого-натуралиста, обогатившего науку ценнейшими изысканиями на северо-западных берегах Америки, Алеутских и Командорских островах и на Камчатке. Описанию последней он посвятил большой труд, который до сих пор, к сожалению, остается неопубликованным.

⁵³ Там же, с. 101.

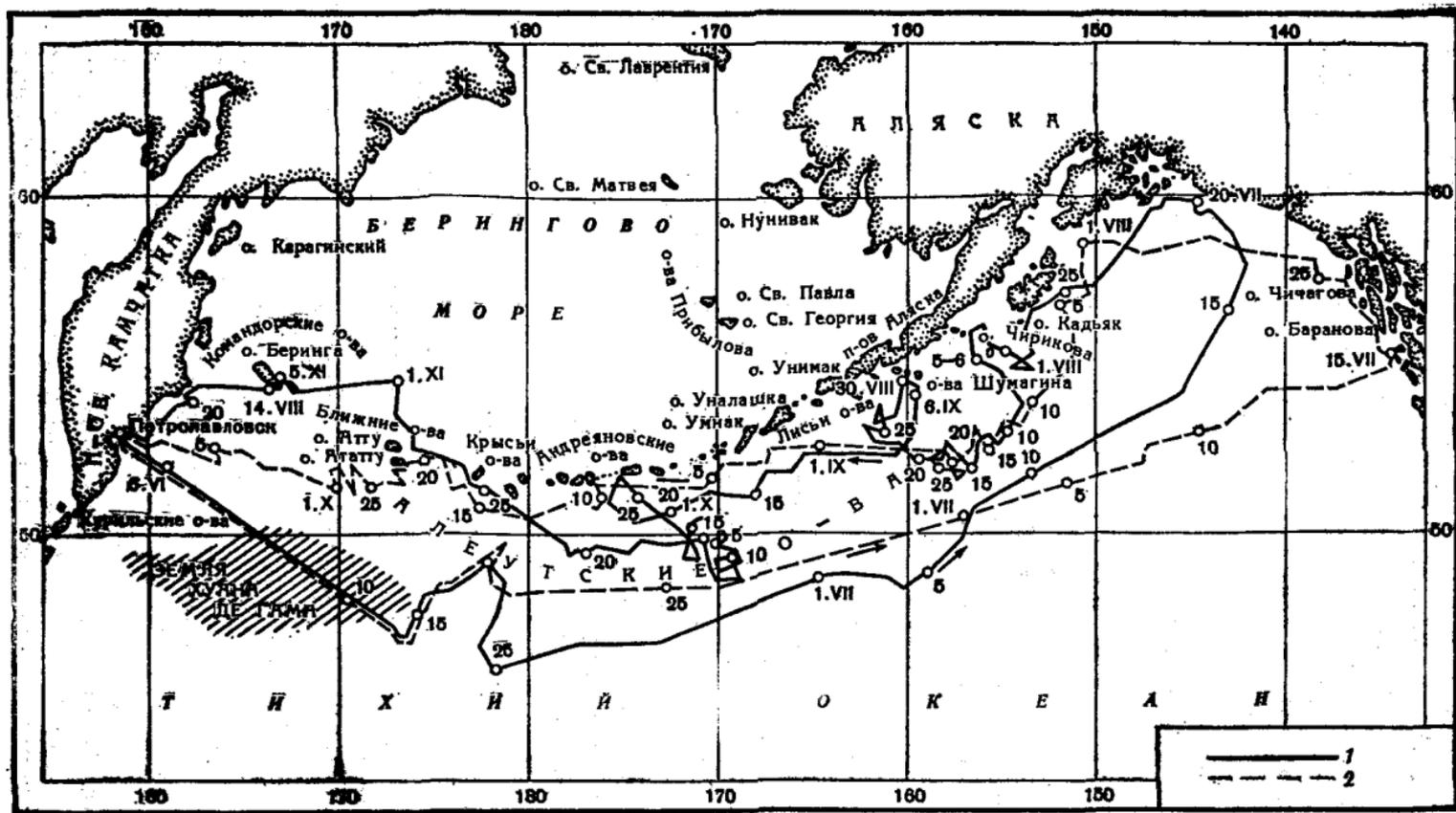
Столь драматически завершается последнее действие великой экспедиции. К этому времени почти все оставшиеся в живых деятели второй Камчатской экспедиции собрались в Петербурге и занимались подведением итогов многолетних, трудных, но необычайно плодотворных изысканий.

«Памятники мужества русских»

Так академик Карл Бэр определил значение научных результатов второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Русские моряки первыми открыли неведомые северо-западные берега Америки, Алеутскую гряду, Командорские острова и перечеркнули мифы о землях Иезо, Кампании, Штатов, Хуана де Гама. Русские корабли первыми проложили морской путь из России в Японию, обогатив при этом географию сведениями не только о Курильских островах, но и о самой Японии.

Открытия и исследования экспедиции нашли отражение в целой серии карт. Особенно выдающаяся роль в обобщении добытых русскими моряками материалов принадлежит одному из блестящих и искусных мореходов того времени Алексею Чирикову. На его долю выпало завершение дел второй Камчатской экспедиции. Через несколько месяцев после возвращения из плавания он составил карту северной части Тихого океана, точно показав путь корабля «Св. Павел», северо-западные берега Америки, острова Алеутской гряды и восточные берега Камчатки, служившие исходной базой для исследований россиян. Подобная же карта была составлена офицерами корабля «Св. Петр», в создании которой принимал участие Свен Ваксель.

10 мая 1746 г. офицерами Дмитрием Овцыным, Софроном Хитрово, Алексеем Чириковым, Иваном Елагиным, Степаном Малыгиным, Дмитрием и Харитоном Лаптевыми было закончено составление «Карты генеральной Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных чрез морское плавание западных американских берегов и острова Японы». Карте была предпослана записка Чирикова. По его словам, в итоге трудов первой и второй Камчатских экспедиций

Карта плавания В. Беринга к берегам Северо-Западной Америки в 1741 г.

1 — путь В. Беринга; 2 — путь А. Чирикова

была исследована немалая часть «земноводного глобуса». При этом было открыто «много земель и островов, о которых до упомянутого времени было ничего неизвестно». Особое значение и важность, по его мнению, имело открытие «западных американских берегов»¹. По справедливому мнению знатока русского тихоокеанского мореплавания В. А. Дивина, карта морских офицеров свидетельствовала «о бесспорном приоритете русских в открытии Северо-Западной Америки» и являлась показателем огромного влияния великих географических достижений россиян на «развитие мировой картографии»².

Чириковым совместно с Елагиным в то же самое время была сочинена и представлена в адмиралтейств-коллегию карта, в которой были зафиксированы открытия первой и второй Камчатской экспедиций в Тихом океане, включая восточное побережье Дальнего Востока, Алеутские и Командорские острова, Курильскую гряду, часть острова Хоккайдо, берега Северо-Западной Америки.

Картографическое наследство камчатских экспедиций огромно. Мореходами было создано более 60 как общих, так и региональных карт³. Но к этому уникальному комплексу необходимо добавить около 40 карт, сочиненных академиком Миллером, студентами академического отряда и геодезистами второй Камчатской экспедиции. Известно, что Миллером была составлена генеральная карта Сибири⁴ и карта «Новонайденной твердой земли Америки и прилежащих к ней островов». Им была изготовлена карта для труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и составлена карта северных и восточных берегов России к сочинению о русском полярном мореходстве.

Часть открытий второй Камчатской экспедиции нашла отражение в «Атласе российском», изданном в 1745 г. Петербургской академией наук и оказавшем глубокое влияние на развитие западноевропейской географии.

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, оп. 1, д. 1, л. 52.

² Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М.: Мысль, 1971, с. 171.

³ Подлинники 63 карт в 1754 г. были отправлены в Тобольск, где погибли. В архивах хранились либо копии, либо дубликаты, из которых часть была утрачена.

⁴ Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера, М., 1899, с. 140.

Только Миллером была собрана уникальная коллекция карт в разделе «О Сибири» насчитывалось 84 карты, а в разделе «О новых открытиях в Камчатском и Ледовитом морях» — 34. Часть из них относится к более позднему времени, в том числе карты Шалаурова, Прибылова, Шмалева, Креницына, Левашева и др.

В итоге морских и пеших походов офицеров, штурманов и геодезистов, действовавших в Арктике, было исследовано и картировано северное побережье России от Архангельска до Большого Баранова Камня, находящегося к востоку от Колымы. Анализируя полярные исследования XVII — первой половины XVIII в., М. В. Ломоносов отмечал особое значение плаваний Ф. Алексеева и С. Дежнева и исследований второй Камчатской экспедиции в полярных морях. Он писал в труде «Краткое описание путешествий по северным морям», что походом Ф. Алексеева — С. Дежнева «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий»⁵. Далее ученый отмечал, что северные берега России от Вайгача до Лены в давние времена осмотрены русскими промышленниками. Однако «полное доказательство» существования морского пути из Архангельска на Камчатку было доставлено офицерами второй Камчатской экспедиции, которые установили, что северные и восточные берега Сибири омывает море и тем самым не остается больше сомнения в существовании Северного морского пути⁶.

Это выдающееся достижение было замечено не только в России, но и за границей. В самом начале 50-х годов XVIII в. Парижская академия наук обсудила великие открытия русских в Арктике. Ею было отмечено, что, в то время как попытки Англии, Голландии и других европейских стран отыскать Северо-Восточный и Северо-Западный проходы не привели к существенным результатам, русские прошли на судах от Архангельска до Камчатки⁷.

Трудами В. Прончищева, С. Челюскина, Н. Чекина, Д. Овцына, Х. и Д. Лаптевых, Ф. Минина, И. Кошелева, С. Муравьева, М. Павлова, С. Малыгина, А. Скуратова, В. Селифонтова, Д. Стерлегова, М. Ушакова, Ф. Пряниш-

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 6, с. 449.

⁶ Там же, с. 450.

⁷ Дивин В. А. Русские мореплаватели, с. 179.

никова и многих других участников северных отрядов были составлены карты от Печоры до самой северной точки Азии — мыса Челюскин и дальше на восток, до Хатанги, Оленека и Лены. И, наконец, была осуществлена съемка побережья между Леной и Индигиркой и от Индигирки до Колымы и дальше к востоку до Большого Баранова Камня. Кроме того, были картированы значительные участки крупнейших сибирских рек, впадающих в Ледовитое море. Северные отряды собрали богатые материалы по географии и этнографии, множество сведений о льдах, течениях, глубинах и переменах погод, которые отмечались не менее 6 раз в сутки и заносились в судовые (шканечные журналы). На исключительном значении шканечных журналов для реконструкции климатов прошлого следует остановиться особо.

На судах второй Камчатской экспедиции велись визуальные, а в отдельных случаях и инструментальные метеорологические наблюдения. Несколько десятков тысяч сведений метеорологического характера дают возможность проследить особенности атмосферных процессов в годы экстремально повышенной ледовитости арктических морей. Возможно, именно на годы деятельности второй Камчатской экспедиции приходится пик так называемого малого ледникового периода, который начался в XV в. и продолжался до середины XIX в. Во всяком случае, ледовые условия как в западном, так и в восточном районе Арктики были чрезвычайно тяжелыми, а самая северная часть Азии была блокирована припаем, не взламывавшимся несколько лет. Как свидетельствуют вахтенные журналы, чрезвычайно неблагоприятные погодные условия в 1738—1741 гг. отмечались и в северной части Тихого океана. В Сибири наблюдались необыкновенно жестокие зимы, наконец, имел место возврат морозов летом 1743 г., погубивший посевы.

Особо выдающееся значение для изучения метеорологических условий Сибири имеет создание академическим отрядом наблюдательных пунктов от Волги до Камчатки. Этот опыт интересен особенно тем, что по времени он совпал с началом наблюдений в Астрахани, Соликамске, Харькове, Кизляре, Сулаке, Дербенте и др. Не менее важно и то, что сеть была подчинена академии, в которую через канцелярию сената поступали копии материалов метеорологических наблюдений. Наблюдения велись по единым правилам однотипными приборами.

Метеорологические наблюдения академического отряда второй Камчатской экспедиции послужили импульсом к созданию постоянно действующих станций не только в России, но и на всем земном шаре.

В связи с метеорологическими исследованиями второй Камчатской экспедиции в середине XVIII в. в трудах членов Петербургской академии наук стали обсуждаться идеи о возможности поисков путей предсказания погоды. С. П. Крашенинников в «Речи о пользе наук и художеств», произнесенной в сентябре 1750 г. на публичном заседании академии, подчеркнул большое значение изучения метеорологических явлений и поисков путей их предсказания: «Смешно кажется, когда физик записывает перемену погод со всяким прилежанием, но ежели бы сыскалось правило, как их наперед узнавать, то, без сомнения, великой чести удостоилось, для того что перемена в самом здравии нашем немало от того зависит; знающему, что последует, можно от вреда предостеречься»⁸.

Основная заслуга в деле создания самой обширнейшей в мире метеорологической сети принадлежит академику И. Г. Гмелину.

Его метеорологические, гидрологические и барометрические наблюдения сохранились до нашего времени в фондах Ленинградского отделения Архива Академии наук (ф. 1, оп. 6, д. 3) и сегодня используются в историко-климатических исследованиях. Спустя три года после возвращения в Петербург Гмелин закончил работу над первым томом фундаментального труда «Сибирская флора». 17 февраля 1746 г. он представил свое сочинение в Академию наук, которая приняла решение о его скорейшем опубликовании. Ученый в это время серьезно заболел. До конца своих дней (умер в 1755 г.) Гмелин трудился над «Сибирской флорой», успев в основном закончить работу над пятью томами своего сочинения (пятый том остался ненапечатанным).

«Это поистине классическое творение, — писал о „Сибирской флоре“ академик Ф. И. Рупрехт, — заключает в себе описание 1178 растений с приложением 300 чертежей. В нем в первый раз определено и изображено чрезвычайное для тогдашнего времени множество растений...

⁸ С. П. Крашенинников в Сибири: Сб. док. Новосибирск: Наука, 1965, с. 235, 236.

В его „Сибирской флоре“ мы находим первые робкие попытки растительной географии, основанной на обширной наглядности: граница обыкновенных европейских растений отодвинута до Енисея и уже подмечено сходство азиатских и американских пород»⁹.

Гмелину принадлежит одна из первых попыток географического районирования Сибири с учетом особенностей ландшафта, животного и растительного мира. Не утратило научного значения опубликованное им в 1751 г. «Путешествие по Сибири». Этот труд содержит много ценных сведений по экономике Сибири, а также зарисовок археологического и этнографического характера. Вместе с тем «Путешествие» дает яркое представление о тех трудных условиях, в которых на протяжении 10 лет трудились в Сибири представители Академии наук.

Г. Ф. Миллеру удалось опубликовать лишь небольшую часть своих трудов. Среди них особо выделяется «История Сибири». В 1750 г. увидел свет первый том, состоявший из пяти глав. В них ученый рассмотрел древнейшие события истории Сибири. Особенно подробно он остановился на открытии ее русскими людьми, описал процесс продвижения первых землепроходцев на восток от Урала, строительство Тюмени, Тобольска, Березова, Сургута, Тары, Мангазеи и многих других городов. В приложении содержалось более 100 грамот, выявленных в сибирских архивах. Всего Миллером было написано 23 главы, которые он объединил в три тома.

Кроме «Истории Сибири», Миллер составил «Описание путешествия по Сибири» на немецком языке (перевод на русский сделан в середине XVIII столетия, рукопись хранится в ЛО ААН СССР). Ученым был создан также обширный труд о русских путешествиях по Ледовитому и Тихому океанам в XVII и XVIII вв., подготовлено и опубликовано исследование карт России, в котором он подверг критике искажения и недостатки западноевропейских картографов в изображении северных, восточных и южных территорий Сибири. Миллер подготовил «Географию Сибири», «Описание сибирских народов». «Описание Камчатки и окрестных стран». Ученый написал статьи о древностях сибирских, в которых рас-

---

⁹ Цит. по кн.: Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге, СПб., 1870, т. 1, с. 456—457.

сма­тривались результаты археологических раскопок и памятники Сибири и т. п. Кроме того, перу ученого принадлежат статьи о сибирских торгах, горном деле, китовом промысле, промыслах золота и серебряной руды, об Амурском крае и первых русских путешествиях и посольствах в Китай.

Исторические сочинения Миллера поражают как широтой охвата событий, так и критическим их анализом на основе достоверных архивных источников. При этом Миллер не ограничивался использованием только документов, но и широко привлекал собранные во время путешествия устные предания. «Миллер, — отмечал советский историк С. В. Бахрушин, — является одним из первых собирателей фольклора как русского, так и туземного. В его книге встречаются беспрестанно ссылки на словесные источники — предания или показания очевидцев»¹⁰.

Миллеру удалось опубликовать лишь часть огромного комплекса документов, собранного им и его спутниками в годы деятельности второй Камчатской экспедиции. Они остались забытыми на несколько десятилетий, пока на портфели Миллера не обратил внимание Н. П. Румянцев. Вскоре многие из них увидели свет в «Актах исторических». Широкая разработка миллеровских портфелей началась лишь в годы Советской власти и успешно продолжается в настоящее время.

Значение трудов и документальных материалов Миллера поистине огромно. Многие из собранных им источников по истории Сибири, например Ремезовская летопись, уникальны. В 30-х годах нашего века Академия наук СССР приступила к подготовке трехтомной «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. В 1937 г. был опубликован первый том, а спустя два года — второй (третий том остается в рукописи).

По инициативе Миллера было завершено издание труда академика С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Миллер написал предисловие к книге и составил «две карты земли Камчатки с окрестными странами», более достоверные и подробные, чем «ландкарты» «Атласа Российской империи» (1745 г.). По словам

---

¹⁰ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2-х т. Л.; М.; Изд-во АН СССР, 1937, Т. 1, с. 27.

Миллера, хотя задачей Крашенинникова во время второй Камчатской экспедиции являлись ботанические, зоологические и физические наблюдения, он вскоре проявил столь глубокий интерес к «гражданской истории и географии», что начиная с 1735 г. на него были возложены самостоятельные исследования. Несколько раз он был «употреблен с пользою в особенные отправления для описания по географии и истории натуральной некоторых мест, в которые сами профессора не заезжали»¹¹. Наблюдения и журналы Крашенинникова дошли до нашего времени и были опубликованы Н. Н. Степановым в сборнике «Крашенинников в Сибири» (М.: Наука, 1966). Они свидетельствуют о том, что уже во время путешествия от Волги до Лены Крашенинников приобрел навыки искусного естествоиспытателя и собирателя исторических материалов.

«Описание земли Камчатки» справедливо считается классическим трудом, в котором впервые были рассмотрены природа, климат, рельеф, животный и растительный мир этого далекого края. Специальный раздел посвящен истории изучения и освоения русскими Камчатки. Крашенинников писал, что ему не удалось узнать, «кто первый из российских людей был на Камчатке». При этом ученый отмечал, что устное предание приписывает открытие этой страны Федоту Алексееву, хотя и ставил под сомнение этот факт, поскольку согласно свидетельству, полученному Дежневым от спутницы Федота Алексеева, последний погиб между Анадырем и мысом Олюторским (впоследствии будет подтверждено, что первым русским мореходом, высадившимся и зимовавшим на Камчатке, был Федот Алексеев).

Подробно Крашенинников остановился на экспедиции Владимира Атласова, деятельность которой принято считать началом освоения русскими Камчатки, затем рассматривает историю края до начала 30-х гг. XVIII в. При этом он использует уникальные материалы, собранные им в архивах Большерецка, Нижнекамчатского и Верхнекамчатского острогов. Приводит Крашенинников и рассказы местных старожилов, свидетелей важнейших событий в жизни Камчатского края, искусно вплетая их в ткань исторического повествования, поражающего и

---

¹¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.: Л.: Главсевморпуть, 1949, с. 92.

по сей день своей яркостью и убедительностью. Не случайно, что именно эта часть труда Крашенинникова привлекала внимание А. С. Пушкина, составившего конспект всего «Описания земли Камчатки» и план статьи об этом крае, его истории, его первопроходцах, в том числе о Владимире Атласове, «камчатском Ермаке»¹².

Труды Крашенинникова, по словам академика А. П. Окладникова, проникнуты гуманистическим подходом к народам Сибири, «симпатией к ним и уважением их культуры». «Ученый,— отмечал А. П. Окладников,— отдавал должное не только стойкости в борьбе с природой, но художественным способностям северных племен. Он с удивлением наблюдал у них, у этих „детей природы“, проявления своего рода философской мысли, вплоть до стремления „изведать самую мысль птиц и рыб“»¹³.

С. П. Крашенинников внес выдающийся вклад в изучение метеорологического режима Восточной Сибири и Камчатки. Известно, что во время путешествия он вел журнал, в который заносил сведения о климате, о необычайно сильных ветрах и «безмерной зимней стуже»¹⁴. Крашенинников первым выполнил специальные метеорологические наблюдения на наледи. За время пути из Якутска в Охотск он каждый день делал записи о «переменах воздуха и погоды». Этот «Путевой журнал от города Якутска до Охотска» сохранился до нашего времени¹⁵. Кроме того, Крашенинников организовал метеорологические наблюдения на тихоокеанских берегах Восточной Сибири и на Камчатке, в том числе в Охотске, Большерецке, Нижнекамчатске. С исключительной точностью ученый описал природу этого края, посвятив ей две части своего труда. В них рассмотрено географическое положение Камчатки и подробно охарактеризованы реки Камчатки: Кыкша, или Большая, Авача, Тигиль. Три главы отведены рекам, впадающим в Тихий океан на восточном побережье России от Анадыря до Амура.

В отдельной главе Крашенинников рассказывает о природе Курильских островов, подробно останавливается

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.: Наука, 1978, т. 10, с. 111.

¹³ Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 20.

¹⁴ Окладников А. П. Предисловие.— В кн.: С. П. Крашенинников в Сибири: Сб. док. Новосибирск: Наука, 1965, с. 3.

¹⁵ См.: ЛО ААН СССР, р. 1, оп. 13, д. 9, с. 56—62.

на Северо-Западной Америке и островах Алеутской гряды. Используя материалы и наблюдения Стеллера, Крашенинников дает весьма подробную характеристику острова Беринга и сопоставляет его климат с климатом Камчатки.

«Что же касается погод,— отмечает он,— то оные от камчатских только тем разнятся, что жесточее и чувствительнее, ибо остров не имеет ни откуда закрытия и при том узок и без лесу. Сверх того, сила ветров в глубоких и узких долинах так умножается, что на ногах почти стоять не можно. Самые жестокие ветры замечены в феврале и апреле, которые дули с южно-восточной стороны и с северо-западной. В первом случае была ясная, но сносная, а во втором ясная же, но весьма студеновая погода»¹⁶.

Несмотря на частые землетрясения и наводнения, несмотря на то, что это место «безхлебное и нескотское», Крашенинников приходит к заключению, что Камчатка «к житию человеческому не меньше удобна, чем страны всем изобильные»¹⁷. При этом он отмечал, что жителями Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острогов «многими опытами изведено, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно»¹⁸.

При организации землепашества Крашенинников считал нужным весьма осмотрительно сводить леса, чтобы не нанести ущерба природе. «Токмо,— писал он,— при том надобно будет беречься, чтоб выжиганием лесов не отогнать соболей прочь, которые дыму и курения терпеть не могут, как то случилось около Лены. Ибо вместо того что прежде лавливали их по лесам близ объявленной реки, ныне принуждены за ними ходить в самые вершины рек, текущих в Лену, а сие учинилось наиболее от погорения лесов, которому нерадение о недопущении в даль огня причиною было»¹⁹.

Большое внимание уделено в «Описании» климату Камчатки в целом и отдельных ее районов. При этом характеристика температурных особенностей зимы, весны, лета и осени основана на впервые выполненных там инструментальных метеорологических наблюдениях. Под-

¹⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 186.

¹⁷ Там же, с. 193.

¹⁸ Там же, с. 195.

¹⁹ Там же, с. 198.

робно описаны вулканы, землетрясения, горячие ключи, растительность, животный мир Камчатки и омывающих ее вод.

Вся третья часть «Описания» посвящена народам Камчатки. Крашенинников в ней подробно рассмотрел занятия, быт, утварь, одежду, религиозные верования, обряды народов Камчатки. Уникальные этнографические наблюдения и зарисовки Крашенинникова высоко оценены учеными. «Крашенинников, — писал известный русский географ Д. Н. Анучин, — составил интересное описание быта камчадалов, народа, находившегося еще тогда в первобытной стадии каменного века. Это описание, появившееся ранее, чем совершились знаменитые кругосветные экспедиции Лаперуза, Кука, Форстера, не утратило своего интереса и в настоящее время как одно из древнейших, правдивых и обстоятельных изображений быта и нравов неизвестного дикого народа на берегах восточной Азии»²⁰.

«Описание земли Камчатки» неоднократно переиздавалось в нашей стране. Еще в XVIII в. труд Крашенинникова был переведен на несколько европейских языков. Многие из работ Крашенинникова остаются в рукописи.

Научное наследство второй Камчатской экспедиции столь велико, что не освоено полностью до сих пор. К нему обращаются ученые всего мира. Вторая Камчатская экспедиция В. Беринга оказала исключительное влияние на дальнейшее развитие русских географических исследований и порой служила своего рода моделью при разработке планов и программ, которые создавались русскими мореплавателями и учеными XVIII и первой четверти XIX в.

Они рассматривали деятельность Витуса Беринга как беспримерный подвиг во имя России и ее науки.

---

²⁰ Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии. — Этнографическое обозрение, 1889, кн. 1, с. 11.

Основные даты жизни и деятельности

В. Беринга

- 1681 12 августа родился в городе Хорсенсе в Дании.
- 1701—1703 участие в плавании к берегам Ост-Индии.
- 1703 принят на службу в русский военно-морской флот.
- 1704 приезд в Россию; определен в Балтийский флот.
- 1705 участие в плавании в Финском заливе.
- 1706 произведен в лейтенанты.
- 1710 произведен в капитан-лейтенанты; направлен в Азовский флот.
- 1715 произведен в капитаны 4-го ранга; направлен в Архангельск, откуда совершил поход в Балтийское море.
- 1717 произведен в капитаны 3-го ранга.
- 1720 произведен в капитаны 2-го ранга.
- 1724 в конце февраля уволен в отставку; 10 августа по распоряжению Петра I вновь принят на службу в русский флот в чине капитана 1-го ранга.
- 1725 назначен начальником первой Камчатской экспедиции.
- 1727 прибыл в Охотск; в августе на судне «Фортуна» совершил плавание к Большерецкому острогу на Камчатке.
- 1728 на боте «Св. Гавриил» вышел из Нижнекамчатска в плавание на север; первым из мореплавателей достиг Северного Ледовитого океана.
- 1729 в начале июня предпринял плавание на восток от Камчатки.
- 1730 1 марта возвратился в Петербург; за труды в плавании и долговременную службу произведен в капитан-командоры.
- 1730 30 апреля представил в сенат предложения о снаряжении новой экспедиции на Камчатку, об улучшении положения народов Сибири и развитии промышленности и земледелия на Дальнем Востоке и Камчатке.
- 1732 17 апреля назначен руководителем второй Камчатской экспедиции.
- 1733 18 апреля отбыл из Петербурга; 2 декабря прибыл в Тобольск, где собралась в полном составе вторая Камчатская экспедиция.
- 1734 18 февраля выехал из Тобольска; 23 октября прибыл в Якутск, откуда руководил действиями отрядов второй Камчатской экспедиции.
- 1735 отправил из Якутска отряды В. Прончищева и П. Ласиниуса для исследования северных берегов Сибири к западу и востоку от реки Лены.
- 1736 31 мая отправил на север отряд Д. Лаптева для исследования арктических берегов России между Леной и Тихим океаном.
- 1737 руководил подготовкой к плаванию тихоокеанских отрядов экспедиции.
- 1738 отправил в плавание отряд М. Шпанберга для поисков морского пути в Японию.
- 1741 составил «Ведомости» об открытиях и исследованиях второй Камчатской экспедиции; открыл северо-западные берега Америки, Алеутские и Командорские острова в Тихом океане; 8 декабря (по ст. ст.) умер на необитаемом острове в Тихом океане, ныне носящем имя Беринга.

Основные труды В. Беринга

- Журнал капитана Беринга.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 87, л. 1—228. Подлинник.
- Плавание на судне «Св. Гавриил» в 1728—1729 гг.— Санкт-Петербургские ведомости, 1730, 16 марта.
- Краткая реляция о Сибирской экспедиции флота капитана Беринга. СПб., 1824.
- Табель, показывающая расстояние русскими верстами до городов и знатных мест, чрез которые имели путь в экспедицию, даже до возврата со всею командою и где шли сухим путем, реками и морем, и где какие обретаются народы и между ими находится русское жилище. СПб., 1824.
- Каталог городам и знатым местам сибирским, положенным на карту, чрез которые тракт имели; в какой ширине и длине оныя, а длина счисляется от Тобольска. СПб., 1824.
- Предложение первое. Об улучшении положения народов Сибири. 1730.— В кн.: Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9.
- Предложение второе. О снаряжении второй экспедиции на Камчатку для поисков северо-западных берегов Америки и исследования северных земель и берегов Сибири от Оби до Тихого океана. 1730.— В кн.: Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения задачи: соединяются ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 1728, 1729 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.
- Итоговая карта первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Этнографический вариант 1730 г.— В кн.: Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. М.: Наука, 1964.
- Этнографическая карта от Тобольска до Чукотского угла. Сочинена в Сибирской экспедиции при команде флота капитана Беринга.— ЦГАВМФ, ф. архива древних карт, д. 229.
- Карта верховий рек Иртыша, Оби, Енисея, Лены, Алдана, а также Камчатки. 1729 г. (чертил П. Чаплин).— В кн.: Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. М.: Наука, 1964.
- Карта Сибири от Тобольска до Чукотского угла, сочинена Северной экспедицией при команде флота капитана Беринга. 1729 г. (чертил П. Чаплин).— Там же.
- Карта северо-востока Сибири, Чукотки и Камчатки, составленная по подлинным донесениям капитана Беринга и старым картам, 1730-е годы.— Там же.
- Карта от Лены до Камчатки. 1730-е годы.— Там же.
- Мнение о пути Камчатской экспедиции и о строении судов. Сентябрь 1732 г.— В кн.: Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр. 1941.
- Предложение в адмиралтейств-коллегиям. 19 сентября 1732 г.— Там же.
- Предложение в адмиралтейств-коллегиям. Январь 1733 г.— Там же.
- Рапорты в адмиралтейств-коллегиям о положении дел второй Кам-

чатской экспедиции, 1733—1734 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 2, л. 43, 47, 83—85, 89—96.

Письма Беринга из Сибири и Камчатки об открытиях и исследованиях второй Камчатской экспедиции, 1735—1737 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 22, л. 18, 22, 27—28, 34—35, 40—46, 52—53.

Письмо кабинет-министру А. И. Остерману о доставке снаряжения и провианта из Якутска в Охотск. 12 июня 1737 г.— ЦГАДА, ф. сената, д. 1089, л. 808—813.

Рапорт (отчет) в адмиралтейств-коллегию о привлечении к делам экспедиции морских служителей и разных чинов, проживающих в Сибири. 29 июля 1737 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 22, л. 88—98.

О постройке близ Якутска Железного завода и о бедственном положении экспедиции. Донесение кабинет-министру А. И. Остерману. 8 декабря 1737 г.— ЦГАДА, ф. сената, д. 1089, л. 802—805.

О поселенцах Дальнего Востока (Охотск, Камчатка). 11 января 1738 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 23, л. 15—18.

Распоряжения по подготовке к плаванью судов японского отряда второй Камчатской экспедиции, 12, 15 апреля; 3, 12 июня 1738 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 31, л. 96—97, 50—63, 96—153.

Донесение в сенат о ходе постройки судов для плавания к Америке. 30 апреля 1739 г.— ЦГАДА, ф. сената, д. 180, л. 152—155.

О дальнейших исследованиях на восточных берегах России и ученых работах Г. В. Стеллера на Камчатке: Рапорт в адмиралтейств-коллегию 31 декабря 1740 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 66—71.

Об исследовании берегов Камчатки штурманом Иваном Елагиным и штурманом Василием Хмелевским: Рапорт Беринга в сенат 22 апреля 1741 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 335—336.

Отчет, или ведомость обстоятельная, učinенная против данных капитан-командору Берингу и капитану Шпанберху инструкцией, что по оным при Камчатской экспедиции, как на сухом пути, так и на море исполнено и чего не исполнено. 1741 г.— В кн.: Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941.

Об отплытии из Петропавловска-на-Камчатке судов «Св. Петр» и «Св. Павел» с приложением списка членов экипажей пакетботов: Рапорт в адмиралтейств-коллегию 29 мая 1741 г.— ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 1—5.

Карта от Тобольска до Камчатки и Америки с разных описаний и вояжев Камчатской экспедиции, в том числе с карты, сделанной в период экспедиции в команде бывшего командора Беринга. Западные берега Америки положены с бывшего в том пути на пакетботе «Св. Петра» капитана Чирикова.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20227, д. 23466.

Литература о В. Беринге

- Алексеев А. И.** Витус Беринг.— В кн.: Люди русской науки. М.: Географгиз, 1962.
- Андреев А. И.** Экспедиция В. Беринга.— Изв. ВГО, 1943, вып. 2.
- Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1965, вып. 2.
- Андреев В.** Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г.— Морской сборник, 1893, № 5.
- Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. М.: Наука, 1964.
- Багров Л. С.** Карты Азиатской России. Пг., 1914.
- Берг Л. С.** Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. 3-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Берх В. Н.** Путешествие капитан-командора Беринга и капитана Чирикова к северо-западному берегу Америки.— Благонамеренный, 1818, № 6.
- Берх В. Н.** Биографическое сведение о капитан-командоре Витусе Беринге. СПб., 1823.
- Берх В. Н.** Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения задачи: соединяются ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 1728, 1729 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.
- Бер К. М.** Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. РГО. 1848, т. 3/4.
- Ваксель С.** Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.: Главсевморпуть, 1940.
- Валтин В. В.** Русские труженики моря: Первая морская экспедиция для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890.
- Возгрин В. Е.** Витус Ионассен Беринг: Обзор зарубежной литературы. В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1975, вып. 17.
- Глушанков И. В.** Навстречу неизвестному / Под ред. В. М. Пасецкого. Л.: Гидрометеоздат, 1980.
- Гмелин И. Г.** Предисловие к первому тому «Сибирской флоры»: Пер. с нем. С. П. Крашенинникова. СПб., 1749.
- Гнучева В. Ф.** Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Греков В. И.** Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Дивин В. А.** Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М.: Географгиз, 1953.
- Дивин В. А.** Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М.: Мысль, 1971.
- Документы о плавании капитан-командора Беринга к берегам Америки в 1741 г. Чикаго, 1893.
- Донесения Беринга.— Зап. Воен.-топогр. депо. СПб., ч. 10, 1847.
- Есаков В. А., Лебедев Д. М.** Русские географические открытия и исследования. М.: Мысль, 1971.

- Ефимов А. В.** Из истории великих русских географических открытий. М.: Географгиз, 1950.
- Зубов Н. Н.** Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.
- Из истории освоения Северного морского пути: Экспедиция Беринга 1732—1743 гг.— Красный архив, 1935, т. 4—6 (71—73); 1936, т. 1 (74).
- История открытия и освоения Северного морского пути: В 4-х т. М.; Л.: Мор. транспорт, 1956. Т. 1.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. / Под ред. акад. А. П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т. 1, 2.
- Крашенинников С. П.** Описание земли Камчатки. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949.
- Крашенинников в Сибири: Сб. док. Л.: Наука, 1966.
- Кусков В.** Памятник мореплавателю Берингу.— Дальний Восток, 1966, № 4.
- Кушнарев Е.** В поисках пролива. Л.: Гидрометеоздат, 1976.
- Лебедев Д. М.** Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережью Америки: С приложением судового журнала за 1741 г. М.: Географгиз, 1951.
- Лялина М. А.** Русские мореплаватели арктические и кругосветные. СПб., 1892.
- Материалы для истории русского флота: в 11-ти т. СПб., 1867—1886. Т. 4—11.
- Материалы для истории Академии наук: В 10-ти т. СПб., 1885—1900. Т. 1—10.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири: В 2-х т. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1937—1939. Т. 1, 2.
- Муратов М.** Два путешествия капитана Беринга. М.; Л.: Воениздат, 1941.
- Окладников А. П.** Открытие Сибири. М.: Мол. гвардия, 1979.
- Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1.
- Островский Б. Г.** Беринг. Л.: Главсевморпуть, 1939.
- Памятник капитану Берингу в Петропавловске.— Морской сборник, 1867, № 1.
- Пасецкий В. М.** Находки, которые открывают тайны. М.: Транспорт, 1964.
- Пасецкий В. М.** Витус Беринг. М.: Географгиз, 1957.
- Песецкий В. М.** Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974.
- Пекарский П.** История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
- Полевой Б. П.** Главная задача первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I.— В кн.: Вопросы географии Камчатки, 1964, вып. 2.
- Полевой Б. П.** Петр I, Николай Витсен и проблема «Сошлася ли Америка с Азией?».— В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1975, вып. 17.
- Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 8.
- Полонский А.** Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1850, ч. 8.
- Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск: Кн. изд-во, 1979.
- Сведения об экспонатах, отправленных Главным гидрографическим управлением на колумбийскую выставку в Чикаго: Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г. СПб., 1893.

- Соколов А. П.** Северная экспедиция 1733—1743 годов.— Зап. Гидрогр. деп-та, 1851, ч. 9.
- Стеллер Г. В.** Из Камчатки в Америку. Л., 1928.
- Чуковский Н. К.** Беринг. М.: Мол. гвардия, 1961.
- Экспедиция Беринга:** Сб. док. М.: Гл. арх. упр., 1941.
- Яников Г. В.** Великая Северная экспедиция. М.: Географгиз, 1949.
- Amburger E.** Vitus Bertings Nachkommen in Russland.— Personalhist. tidsskr., 1936, t. III, S. 35—38.
- Bering V.** Fortegnelse over Provsterne og de i Aaret 1749 levende Praester i Sundsherred, Praesterne i Ollerup siden Reformationes og Delimatio stirpis Beringianaе, 1749.
- Buache Ph.** Considerations géographiques et phisiques sur les nouvelles découvertes au nord de la grande mer appelée vulgairement la Mer du Sud, avec des cartes qui y sont relatives. P., 1753.
- [**Dahlgren. E. W.**] Berings karta öfver Sibirien.— Ymer, 1890, S. 111—169; 1894, S. 93—94.
- D'Anville.** Atlas général de la Chine. P., 1735.
- Falk A.** Vitus Bering. København, 1941.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751—1752, t. 1—4.
- Golder P. A.** Bering's voyages. N. Y., 1922—1925, t. 1—2.
- Jensen J. K.** Vitus Jonassen Bering (Saertryk at «Horsens Social-Demokrat»). Horsens, 1939.
- Lauridsen P.** Vitus Bering og de russiske Opdagelsesrejser fra 1725—1743. København, 1885.
- Lauridsen P.** Vitus Bering: The discoverer of Bering strait. Chicago, 1889.
- Müller G. F.** Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amerique. Amsterdam, 1766.
- Nordenskjöld A. E.** Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien.— Ymer, 1887, p. 133—144.
- Petersen J.** Vitus Bering.— Danmark, 1941, t. 1, S. 797—801.
- Petersen J.** Søfareren Vitus Bering. København, 1941.
- Petersen J.** Vitus Bering, der Seefarer. Hamburg, 1947.
- Rasmussen K.** Dansk Udiaengsel. København, 1931.
- Steller G. W.** Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Hahmen, Lebensart and verschiedenen Gewohnheiten / Hrsg. I. B. S. (Cherer). Frankfurt; Leipzig, 1774.
- Steller G. W.** Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinseln, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt.— Neue Nord. Beitr., 1781, Bd. 2, S. 235—301.
- Steller G. W.** Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise.— Neue Nord. Beitr., 1793, Bd. 5, S. 129—236; 1793, Bd. 6, S. 1—20.
- Vitus Bering.** 1741—1941. København, 1942.

Содержание

От редактора	5
Введение	7
Витус Беринг — руководитель первой Камчатской экспедиции	13
«Экспедиция никогда прежде не бывалая»	34
Второе открытие Сибири	52
Исследования на Севере России	77
Великий подвиг россиян	106
«Памятники мужества русских»	156
Основные даты жизни и деятельности В. Беринга	168
Основные труды В. Беринга	169
Литература о В. Беринге	171

Василий Михайлович Пасецкий
Витус Беринг
(1681—1741)

Утверждено к печати
редколлекцией научно-биографической серии
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Г. Г. Петропавловская, Е. В. Шевченко

ИБ № 24580

Сдано в набор 12.11.81 Подписано к печати 18.01.82

Т-04123, Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 9,24. Усл. нр. отт. 9,4

Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 100 000. 2-ой завод (50001—100000) экз.

Ткп, зак, 1058

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10